

"Крокодиловы слезы"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Глава 1.

ЗАЧЕМ ВЫ, ДЕВОЧКИ, КРАСИВЫХ ЛЮБИТЕ?

Любить супермена очень нелегко. Теперь я это доподлинно знаю, а прежде, провожая взглядом красивого мужчину, втайне вздыхала: «И ведь к кому-то он идет, и какая-то женщина открывает ему дверь, целует, млея от счастья, а он шепчет ей на ухо замечательные благоглупости». Счастливица, она может смотреть в его аквамариновые глаза, пока ей не надоест (да разве такое надоедает?!), а потому вся ее жизнь сплошной праздник и сладкая идиллия, которую даже малоромантичные занятия вроде штокки носков не в состоянии омрачить. Так думала я, но не мне вам рассказывать, что мечты и реальность всегда находятся в разных плоскостях.

Короче говоря, народная мудрость «Мужчина должен быть чуть-чуть красивее обезьяны» не для меня писана, потому что мне подавай Алена Делона, и ничуть не меньше. Жаль только, сами Алены Делоны редко достаивают меня своим вниманием, если и подарят взглядом, то вскользь, мимоходом, и в их глазах нетрудно прочесть:

«А это что такое маленькое и незаметное? Просто мышка под буфетом».

Тимур был первым красавцем, задержавшим на мне свой взор дольше одной тысячной доли секунды, и этого с лихвой хватило, чтобы я влюбилась в него отныне и до веку. К тому же он не просто так на меня посмотрел, а еще и улыбнулся, а если бы вы знали, какая у него улыбка! А все остальное! Высокий, статный, спортивный, с породистым лицом гардемарина, одно слово — супермен. Помню, я страшно растерялась и выронила из рук папку со служебными документами, которые весело разлетелись в разные стороны, будто стая голубей, а Тимур наклонился, собрал с пола все до последнего листочка, с шутовой торжественностью вручил их мне и лукаво подмигнул:

— Ах, какая очаровательная дюймовочка!

И меня впервые в жизни не покоробил такой комплимент, при том, что обычно я встречаю их в штыки. Только не подумайте, будто я отъявленная феминистка, ну, из тех, что затевают скандалы, когда мужчины подают им пальто в гардеробе, со мной все намного проще — у меня застарелый комплекс, причина которого в моем невысоком росте. Какие мелочи, скажет кто-то, а вот и нет, потому что теперешняя жизнь словно специально предназначена в основном для топ-моделей. Даже при устройстве на работу смотрят не столько на деловые качества, сколько на внешность, предпочитая так называемую европейскую. Чтобы рост — метр восемьдесят, а ноги от коренных зубов; одна моя знакомая даже утверждает, что за длину ног полагается особая доплата, чуть ли не по сто долларов за каждые десять сантиметров. Я хоть и не особо в это верю, но все же втайне утешаюсь тем, что у долговязых красоток размер обуви сорок третий, а у меня тридцать четвертый, и из моей туфли при желании вполне можно пить шампанское.

Второй раз мы встретились почти как старые друзья — у Тимура были дела в рекламном агентстве, в котором я работаю, и он без особенных усилий заполучил мой домашний телефон. А еще через неделю ввалился ко мне без всякого приглашения, но с охапкой оранжевых герберов и бутылкой красного вина. Стоит ли уточнять, что, когда он выразил желание

остаться до утра, я не стала чинить ему препятствий. Только не делайте большие глаза, ну знала я, знала, что он женат — было бы странно, если бы такой мужчина оставался бесхозным, — и тем не менее я совсем не распутная, а всего лишь влюбленная. Маленькая, кроткая и не самая красивая женщина, горячо влюбленная в супермена.

И потом... С женой у него не очень ладилось, иначе стал бы он ходить на сторону? Типичная история: женился в девятнадцать лет на ровеснице, чувства со временем притупились, в развестись мужества не хватает, а может, совесть не позволяет. Все-таки сорокалетний мужчина и сорокалетняя женщина — далеко не одно и то же, особенно если последняя отягощена целым набором хронических болезней, а Тимуров случай именно такой. Но я же не какая-нибудь мегера, а потому принимала своего супермена в любом виде и ничего от него не требовала. До того ужасного дня...

Не знаю, что на меня нашло, может, не с той ноги встала, может, нелады на работе сказались, но тогда мы впервые поругались. Строго говоря, это и не ссора была, потому что Тимур выслушал мои упреки молча, не предприняв ни единой попытки оправдаться. Получалось, что я скандалила сама с собой, а мой супермен при этом только присутствовал. Мне бы остановиться, а я распалялась все больше и больше и в конце концов завела совершенно постыдную волынку:

— Сколько это может продолжаться? Я так больше не могу: ты приходишь, когда тебе вздумается, уходишь, ничего не обещая, а я все жду, жду... Неизвестно чего...

— А ты не жди, — совершенно спокойно посоветовал Тимур, повязывая перед зеркалом дорогой галстук, безупречно подобранный в тон к костюму, и, очень даже возможно, подобранный его женой, к которой он уходил от меня без тени сомнений!

— А-а-а... Вот и не буду! — выпалила я отчаянно, чувствуя, как земной шар под моими ногами завертелся в обратную сторону и того гляди сменит орбиту. — Не буду я тебя ждать, учти!

— Ну тогда я ушел, — будничным тоном объявил Тимур и чмокнул меня в макушку. Он не сказал «навсегда», но сердце мое оторвалось и полетело в тартарары вслед за земным шаром.

И он ушел. Скорее всего я бы бросилась за ним, если бы только у меня доставало сил, но, так как они меня покинули, я со сдавленным стоном опустилась на пол и уставилась в черную дыру, образовавшуюся после Тимурова ухода. Дыру, которую мне нечем было заполнить, сколько бы я ни старалась. Посидев так минут пять, я рухнула ниц и заскулила, как побитая собачонка. Было ясно, что Тимур ко мне больше не вернется, я сама, сама прогнала его!

Не помню, сколько я так пролежала, но когда поднялась, лицо мое распухло от слез, а голова — от тяжких раздумий. Меня буквально раздирало на части от противоречивых желаний: то я была близка к тому, чтобы достать из нафталина изрядно полинялый флаг женской гордости и, сцепив зубы, пережить эту потерю, то отчаянно боролась с соблазном немедленно позвонить Тимуру и умолять его забыть мои упреки. Борьба, между прочим, была неравной, потому что в прихожей еще не успел рассеяться запах его одеколona, и я бросилась к телефону. Офис Тимуровой фирмы упорно молчал, дома же трубку подняла жена, отозвавшаяся равнодушным голосом:

«Да?» Бросив трубку на рычаг, я громко разревелась. Что я натворила, что я натворила, идиотка несчастная!

Всю ночь я ворочалась в постели, будто на горячих углях, а едва продрал глаза, снова принялась звонить Тимуру на работу. На этот раз мне ответила секретарша, зло и раздраженно

(еще бы, я беспокоила ее без семи минут девять, когда она на вполне законных основаниях припудривала себе нос!).

— Можно Тимура м-м-м Алексеевича? — пролепетала я, робко откашлявшись.

— Его нет, — отрезала эта стерва и дала отбой.

Я пятнадцать минут просидела на полу, прижав к груди противно плачущую трубку, потом снова набрала номер фирмы. Ответ был аналогичным, тон секретарши — тоже. Повторив эту процедуру раз пять в течение часа, я с трудом заставила себя подняться с пола, одеться и отправиться в родное рекламное агентство. Оттуда я несколько раз пыталась дозвониться до своего супермена, но все безуспешно: теперь номер был постоянно занят. Можете себе представить, что я чувствовала, хотя в целом день прошел еще туда-сюда. Хотя я и не отношу себя к трудоголикам, но согласна с их мудрым наблюдением, что работа — универсальное средство если не от СПИДа, то, по крайней мере, от очень многих напастей. Я бы даже сравнила ее с местным наркозом. Женщины, которым приходилось делать аборт, хорошо знают, что это такое. Вкалывают в вену обезболивающее, и ты вырубашься, но только наполовину, и возникает странное ощущение, будто тебя обшивают фанерой, после чего принимаются пилить тупой ножовкой. Так и я полдня провела на переговорах, точно в деревянном ящике, ножовка боли взвизгивала совсем рядом, но я прилежно водила ручкой по блокноту, думая об одном, об одном...

Но рабочий день кончился, а с ним и действие местного наркоза. Тогда я обеспечила себе общий. Попросту наглоталась снотворного. Нет, не для того, чтобы заснуть навеки, а хотя бы на несколько часов, чтобы не свихнуться и не вытворить чего-нибудь из ряда вон! Например, в окошко выпрыгнуть. Этаж у меня, правда, второй, но высокий (я живу в доме сталинской постройки), сверну ли шею, неизвестно, но ноги-руки переломаю запросто.

Нет, выпасть из окошка — это не по мне, а вот из реальности — то, что доктор прописал. И благодаря снотворному эта затея мне удалась, целых двенадцать часов я спала, не вспоминая о Тимуре и не спрашивая себя поминутно, как бы его вернуть. Целых двенадцать часов я могла обходиться без его аквамариновых глаз, понимающей улыбки и заразительного смеха! И даже проснувшись, я пребывала в некоторой прострации до тех пор, пока не выпила три чашки кофе одну за другой. Лучше бы я этого не делала, ибо как только голова моя немного прояснилась, мне стало еще хуже, чем накануне.

И все же я не сразу схватилась за телефон, а еще минут сорок мужественно боролась с искушением, прежде чем набрать заветный номер Тимурова офиса. С минуту трубка выдавала мне в ответ только длинные гудки, а потом равнодушно брякнула:

— Фирма «Дом под ключ». Я немного растерялась, потому что голос был мужской, хотя и не Тимура.

— А... мне... Можно поговорить с Тимуром Алексеевичем?

— Нельзя, — отрезал неизвестный мужик.

— Е-его нет? А когда он будет, не скажете?

— Никогда, — недовольно произнес тот же голос и уточнил:

— А кто его спрашивает?

— Знакомая, — скучно представилась я. А как иначе я могла отрекомендоваться: любовницей, дамой сердца или подругой детства? Наверное, можно было бы придумать что-нибудь и поинтереснее, но до того ли мне?

— Понятно, — вздохнула трубка и выдала нечто совершенно несусветное:

— С Тимуром Алексеевичем произошло несчастье, он попал в автомобильную аварию.

— Что?!! — заорала я и добавила, чуть отдышавшись:

— В какой он больнице?

На другом конце провода возникла ватная пауза, похоже, мой собеседник прикрыл мембрану рукой, чтобы переговорить с кем-то еще, а я все кричала и кричала в пустоту:

— В какой он больнице?!

То, что я в конце концов услышала... О господи, колени дрожат при одном воспоминании... Сейчас, сейчас, вот только соберусь с мыслями. Я услышала: «Он не в больнице, он погиб. Похороны через час на Новониколаевском кладбище». А потом: ту-ту-ту, то ли в трубке, то ли у меня в голове.

Так я выпала из реальности во второй раз — теперь уже без помощи транквилизаторов, а вернувшись в нее через какое-то время, стала лихорадочно собираться. Честно признаться, мне так и не удалось в полной мере осознать то, что я услышала по телефону, просто в виске у меня пульсировало: «Через час на Новониколаевском кладбище, через час на Новониколаевском кладбище...»

* * *

Таксист выжимал из потрепанной «Волги» все, что мог, но я так и не успела. Всею виной были раздолбанные городские дороги, пребывающие в перманентном ремонте и тем самым создающие вечные пробки. Да и Новониколаевское кладбище не маленькое, растянулось на несколько километров. Выскочила я из такси у гипсовой арки центрального входа, не соображу, куда бежать, стою, глотаю слезы и мычу, как Герасим, утопивший Муму. Хорошо, хоть старушка сердобольная попала из местных побирушек, догадавшаяся, в чем дело.

— Там! — прошамкала она беззубым ртом. — Как раз хоронят того, что разбился, в закрытом гробу. Туда беги, туда! — И она махнула рукой в сторону еловой аллеи, синеей за гипсовой аркой.

И я побежала, задыхаясь и размазывая по щекам слезы. Я все еще отказывалась верить в то, что мой любимый мужчина, мой супермен с аквамариновыми глазами в эти минуты лежал в закрытом гробу. Это ошибка, это трагическая ошибка или идиотская шутка. На месте нужно убивать тех, кто так шутит. Слух резанули надрывные безнадежные звуки похоронного марша, доносившиеся откуда-то слева. Остановившись, я слегка перевела дух и снова понеслась между могил на нестройный плач духового оркестра. Наконец скорбные ели расступились, и я увидела автобус и большую группу народа, собравшегося у могилы, в которую как раз опускали гроб. Силы покинули меня, голова закружилась...

Если бы чьи-то руки меня не поддержали, я бы почти наверняка разбила голову о ближайшее гранитное надгробие, так и не узнав, кого же в самом деле хоронили в закрытом гробу: Тимура или кого-то другого. Впрочем, может, так для меня было бы даже лучше.

— Осторожно, — послышался скрипучий голос.

Я подняла взгляд и уткнулась им в физиономию незнакомого типа, на редкость антипатичную, надо признать. Странно, особенно если учесть состояние, в котором я находилась, но первое, о чем я подумала, когда звон в ушах немного утих, о том, что подхвативший меня за плечи субъект поразительно похож на Урфина Джюса с иллюстрации к сказке «Волшебник Изумрудного города». Нависшие, как у неандертальца, надбровные дуги, мясистый нос, громадный, будто второй, подбородок, кадык, короче, этому бедняге оставалось только посочувствовать. Сколько комплексов должно быть у такого человека. При всем том он держался совершенно спокойно и естественно, стоял в тени серебристой кладбищенской ели, курил и индифферентно наблюдал за траурной церемонией.

— Не знаете, кого хоронят? — спросила я тихо, облизывая пересохшие губы.

— Понятия не имею, — беззаботно отозвался Урфин Джюс, бросил под ноги окурок, затоптал его пыльным рыжим ботинком, повернулся ко мне спиной и, не прощаясь, скрылся в кладбищенских кустах.

Я даже не успела поблагодарить его за помощь.

Еще минут пять я не решалась приблизиться к могиле, которую уже засыпали землей два крепких парня в темных спецовках, слаженно размахивая лопатами, не торопясь, как роботы. Еще бы, для них это была всего лишь работа и только, насыплют холмик, отойдут в сторонку и выпьют за помин души усопшего. А то, что под тем холмом чья-то любовь, их не касается.

Пришедшие на похороны люди тоже стали постепенно расходиться, одни, тихо переговариваясь, занимали места в автобусе, другие медленно разбредались по аллее, ведущей к выходу с кладбища. У свежей могилы остались всего несколько человек, видимо, родственники: высокая блондинка в темном, закрытом до подбородка платье и темной газовой косынке, красиво обтекающей скорбно склоненную голову, коренастый крепыш в коричневом костюме, поддерживающий женщину под локоть, и еще трое мужчин весьма официального вида чуть поодаль. Один из них, тот, что стоял ближе ко мне, отвернувшись и прикрывая ладонью рот, односложно переговаривался по мобильному телефону, то и дело повторяя гнусавым тоном: «Короче, я сказал...»

Я смотрела на удалявшихся с кладбища людей, пытаюсь выбрать кого-то спросить, спросить... Наконец я выбрала женщину среднего возраста с бесцветным лицом профессиональной плакальщицы, чтобы задать бесконечно мучивший меня вопрос:

— Извините... Не по-подскажете, к-ко-го это похоронили?

Женщина вскинула на меня подслеповатые глаза, в которых не заметно было особенной печали, зато угадывалось любопытство.

— Тимура Алексеевича Проскурина, — ответила она с готовностью, не сводя с моего лица пытливого взора.

Глава 2.

Я И КЛАДБИЩЕНСКАЯ МАФИЯ

Если вы спросите меня, что происходило после того, как имя Тимура было наконец

произнесено, я вряд ли смогу вам это объяснить сколько-нибудь толково. Нет, я не грохнулась в обморок в очередной раз и не впала в буйное помешательство, я как бы перестала существовать. Кто я без своего супермена? Никто! Меня нет, как нет отражения в зеркале в пустой комнате. Даже удивительно, что высокая блондинка в трауре посмотрела на меня, чуть-чуть приподняв черные очки, когда я заплетающимся шагом подошла к могиле (разве я не невидимка?). А сам Тимур приветливо улыбался мне с большого, утопающего в цветах и венках портрета, словно приободряя. Портрет был цветной, а потому его роскошные глаза имели совершенно живое выражение, как на голографическом снимке, и чуть ли не подмигивали мне. Мол, не унывай, Дюймовочка, это все не правда, на самом деле я жив-здоров и этот сырой могильный глинозем не имеет ко мне ровным счетом никакого отношения.

Горло мое сжал спазм, я попыталась откашляться, но издала гортанный звук, похожий на птичий клекот, испугалась и зажала рот ладонью. Высокая блондинка, подпираемая коренастым крепышом в коричневом костюме, вздрогнула и посмотрела на меня, а я на нее. Неужто это и есть жена Тимура, вернее, теперь уже его вдова, обремененная сонмом хронических болезней, благодаря которым он ее и не бросал. Что-то она подозрительно розовая и цветущая, несмотря на глубокий траур! Я вспомнила, что Тимур от нее все-таки ушел, хоть и не ко мне, и протяжно-малодушно всхлипнула.

Блондинка притронулась пальцем к дужке очков и что-то шепнула на ушко коренастому типу в коричневом костюме, в ответ тот повернулся в мою сторону и удостоил меня оценивающим взглядом. Судя по тому, как он скривил губы, оценил невысоко, но какое это имело значение теперь, когда Тимур улыбается мне с портрета, утопающего в могильных цветах? Я крепилась из последних сил, чтобы не разрыдаться в голос, и ждала, когда они все уйдут, оставив меня с моим горем. Произошло это минут через пять. «Пора», — пробормотал коренастый и сжал в крупной ладони хрупкие пальчики безутешной вдовы. Та не стала противиться и послушно пошла за ним, даже не оглянувшись, чтобы бросить прощальный взгляд на могильный холм.

Оставшись наконец одна, я первым делом всласть наревелась, в перерывах между рыданиями обращаясь к Тимурову портрету с трогательными пространными речами. Нет, я не допытывалась у него, на кого он меня покинул, я спрашивала, как все случилось, как он, классный водитель, мог попасть в аварию, уж не наша ли с ним последняя ссора тому причиной?

— Я же не хотела, чтобы ты ушел, совсем не хотела! — ломала я руки, не сводя глаз с его фотографии. — Я... я... Честное слово, я так тебя люблю, я никого и никогда так не любила... Ты, ты... Да лучше тебя никого нет, и, кроме тебя, мне никто не нужен, поверь, поверь!..

Не знаю, долго ли я убивалась, потому что перестала ориентироваться во времени и очнулась, только когда кто-то тронул меня за плечо, пробормотав:

— Да хватит тебе, дите, убиваться, все там будем.

От неожиданности я отшатнулась: передо мной стоял щуплый беззубый бомж, весь высохший, с обветренной и изборожденной морщинами физиономией, на которой отразилось некоторое замешательства.

—Тю... Да это баба, а я думал дите...

Я только растерянно хлопала ресницами, надеясь, что нежданное видение с минуты на минуту рассеется. Присутствие посторонних, особенно папахивающих прокисшей мочой и крепким перегаром, сильно снижало патетику момента.

Однако нарушивший мое скорбное уединение бомж продолжал ковырять в носу пальцем, пытливо вглядываясь в портрет Тимура. Мало того, он подошел к могиле поближе, подслеповато прищурил глаза и по слогам прочитал указанные на табличке фамилию, имя, отчество, дату рождения и смерти. Склонив голову, задумался и снова выдал:

— Сорок лет, мог бы еще пожить... Мужик твой, что ли?

Я молча сглотнула подступивший к горлу комок.

— Видать, не из бедных, цветов сколько... — Бомж и не думал униматься. — Только... — он крякнул, — этой же ночью все растащут. Бабы тут такие ходят, собирают цветы и на рынок их — торговать. И венки по новой в дело идут...

Я вздрогнула и испуганно уставилась на привязчивого типа.

— Точно говорю, — заверил он, а потом прибавил, воровато глядя по сторонам:

— А я могу проследить, чтобы никто тут не шарил...

Я взглянула на свежий холмик, на портрет... Не то чтобы мне было очень жаль этих цветов и венков, но представить, что кто-то будет орудовать на могиле...

— Сколько вы хотите? — спросила я, расстегивая сумочку.

— Мы? — Сначала бомж несколько опешил, видно, давно уже к нему никто не обращался столь уважительно. Потом сообразил и обрадованно потер заскорузлые ладони. — Так это... Много не надо... На бутылочку беленькой всего-то делов. Опять же помяну новопреставленного. Отчего он помер-то?

Я не ответила, достала из кошелька двадцать пять рублей и протянула кладбищенскому пьянчуге. Тот сразу затрепетал и упрятал купюры в лохмотьях, приговаривая, как заклинание:

— Все будет в порядке, теперь ни один цветочек не пропадет, ни один цветочек...

Я и глазом моргнуть не успела, как он испарился. Не иначе, взял курс на ближайший ларек, в котором торгуют горячительным. Скатертью дорога! Теперь-то я наконец дам волю чувствам. Я снова сконцентрировалась на Тимуровом портрете, на моих глазах навернулись слезы и...

— Какой красавчик... э-э-эх... — раздался за моей спиной нарочито горестный вздох.

Черт, опять кого-то принесло, не дадут как следует оплакать любимого мужчину.

Теперь мое уединение нарушила та самая старушенция, что указала мне дорогу к могиле Тимура, когда я металась у кладбищенских ворот, не зная, куда податься. А этой-то что надо? Тоже на бутылку?

— Ой-ой-ой, — запричитала она пуще прежнего, — всего тридцать годков. — Бабка была явно не в ладах с арифметикой, бомж с задачкой на вычитание справился куда успешнее. — Это тот, что разбился, который в закрытом гробу?

— Да, это он, — процедила я сквозь зубы, демонстративно отвернувшись.

— Не пожил, совсем не пожил, — снова завелась бабка и зацокала языком, — что ж такое деется, люди добрые, молодые в могилах, а мы все белый свет коптим... — Судя по всему, она

решила надолго расположиться у могилы, чуть ли не бивак разбить. По крайней мере, свою замызанную безразмерную сумку она пристроила у себя в ногах, а сама оперлась о костыль и выжидающе уставилась на меня. Можно подумать, не она мне мешала, а я ей. Нахальная старуха, неужели непонятно, что я здесь не просто так прохлаждаюсь, или... Ну конечно, как я сразу не догадалась! Она же пришла собрать цветы с могилы, чтобы потом торгануть ими на рынке, а тут я совсем некстати. Впрочем, зачем ей идти на рынок, когда она запросто может реализовать ворованное прямо на кладбище? Ведь зачем-то она сидела у входа? Все ясно, бабка — яркая представительница кладбищенской мафии, так же, как и бомж, от которого я откупилась своими кровными денежками. А что, если они теперь потянутся ко мне косяком, все эти фальшивые калеки и прилипчивые нищие? Да я просто в трубу вылечу!

Разобравшись в грозившей моему кошельку угрозе, я решила не утруждать себя с бабкой излишней вежливостью, как с тем бомжом, что выклянчил у меня на бутылку десять минут назад.

— А ну шуруй отсюда! — двинулась я на старушеницу.

— Ты чего, милая, с горя умом тронулась? — Кладбищенская ведьма весьма резво для своего преклонного возраста подхватила замызанную сумку и отскочила на безопасное расстояние.

— Давай отсюда! — повторила я с устрашающими нотками в голосе. — И чтоб духу твоего здесь не было!

С бабули моментально слетела шелуха притворного сочувствия, и, удаляясь по аллее в сторону кладбищенских ворот, она вполне профессионально покрыла меня непарламентскими выражениями, окончательно сбившими мой настрой на высокую и светлую печаль. У-у, карга!

Только бабка скрылась за елями, я снова сосредоточилась на своей невосполнимой утрате, вернее, попыталась сосредоточиться. Не могу сказать, чтобы это мне удалось в полной мере, ибо мысли мои то и дело возвращались к печальной перспективе грядущего разграбления могилы любимого. Стоит мне уйти, думала я, как тут же объявится старая ведьма и начнет собирать розы с гвоздиками и складывать их в свою безразмерную сумку. Даже темноты дожидаться не станет. И бомж, которому я щедро отвалила четвертак на бутылку, ей, конечно же, не воспрепятствует, а то и поможет, ведь потом ему нужно будет на что-то опохмелиться. Нет, следует положить конец этому безобразию, должен же кто-то отвечать за порядок на кладбище! Я нежно посмотрела на портрет любимого, сказала извиняющимся тоном: «Я ненадолго, дорогой, буквально на десять минут», — и решительно направилась к главному входу кладбища, где, по логике вещей, должна находиться кладбищенская контора, или как там она называется.

Приземистый одноэтажный флигелек с табличкой «Администрация Новониколаевского кладбища»(?!!) и впрямь обнаружился неподалеку от центрального входа. Выглядел он совершенно обшарпанным и заброшенным, правда, его облупленный фасад украшал венок из синих бумажных розочек с выгоревшими на солнце траурными лентами. Я поднялась на крыльцо, толкнула со скрипом подавшуюся внутрь дверь и очутилась в небольшой комнате с низким потолком. В глазах у меня сразу зарябило от обилия аляповатых венков, висящих на стенах и штабелями сложенных на полу. Из мебели в комнате имелся хромоногий канцелярский стол, залитый чернилами, за которым сидели два типа, выглядевшие чуть-чуть попрличнее достопамятного кладбищенского бомжа, и увлеченно резались в «дурака».

Похоже, мое явление спутало им карты в прямом и переносном смысле. По крайней мере, тот, что сидел ко мне лицом, — рябой, с маленькими юркими глазками, отвлекся от игры и

уоставился на меня с досадой во взоре. Мол, чего приперлась?

— Что тут у вас творится? — завелась я с пол-оборота, впрочем, не вполне уверенная, что мои обоснованные претензии направлены по нужному адресу. Уж больно непрезентабельный вид был у этой парочки.

— А в чем дело? — Теперь уже ко мне обернулся второй, плюгавенький, в старомодных роговых очках.

— Да у вас... у вас тут... вандализм! — выпалила я.

— Где? — Картежники переглянулись, а плюгавенький даже предпринял попытку приподняться со стула.

Поскольку со стороны кладбищенских клерков обнаружился какой-никакой, а интерес, я приободрилась и выдала им по первое число:

— По кладбищу бродят подозрительные личности, грабят могилы, собирают цветы, чтобы... Чтобы потом продать их!

Эти двое опять переглянулись, после чего плюгавенький вежливо осведомился:

— А вы кто?

— Я? — Честно говоря, я растерялась. — Я... Я... эта... посетитель, — поняла, что сморозила глупость, и поправилась:

— У меня здесь родственник похоронен.

— И у вашего родственника украли цветы? — уточнил плюгавый.

— Пока не украли, но в любую минуту могут украсть... — Я шмыгнула носом и неожиданно разревелась.

Плюгавый покосился на рябого и буркнул:

— Пойди посмотри.

Тот с тяжким вздохом поднялся, и оказалось, что он высокий и крупный. Он сладко, с хрустом, потянулся и сказал:

— Ладно, пойдем.

При этом было заметно, что куда-то там идти ему совершенно не хочется: на улице жара, а во флигельке прохладно, тихо и уютно.

— Ну и что? — спросил этот неразговорчивый кладбищенский муж, когда мы очутились возле могилы Тимура, пока еще утопающей в цветах. То-то и оно, что пока.

— Но ведь когда никого не будет... — начала я оправдываться.

— Какая разница, — пожал плечами рябой, — все равно они завянут. — Видимо, он имел в виду цветы.

Пришлось мне долго и подробно объяснять, что дело даже не в цветах, а в принципе, будто и без того непонятно, и, пока я распиналась перед сонным кладбищенским тружеником, живые глаза Тимура смотрели на меня с цветной фотографии почти умоляюще. Как будто он просил меня позаботиться о нем. Не бойся, Тимур, я тебя не оставлю, я буду каждый день тебя навещать, мысленно пообещала я портрету.

Кончилось все это самым банальным образом. Говорила все время я, а рябой молчал и почесывал затылок, так что я теперь и не припомню, каким образом мы пришли к договору: за энную сумму он обеспечит уход за могилой и ее охрану, разумеется, после чего эта самая сумма перекочевала из моего кошелька в его карман. Через минуту кладбищенский страж с достоинством удалился, я еще немного поплакала и засобиралась домой, поклявшись портрету завтра же, после работы, его навестить.

У ворот сидела все та же старуха, причем не одна, а в приятной компании. По левую руку от нее на траве развалился бомж, разоривший меня на двадцать пять рублей и теперь делавший вид, будто совершенно меня не знает, по правую — еще одна старушенция, которая, между прочим, ловко вязала букеты из слегка привядших цветов, наверняка собранных со свежих могил. Самая настоящая мафия, ни дать ни взять!

Глава 3.

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Кладбищенские злоключения так меня вымотали, что дома я почти не плакала, если только уронила пару слезинок в чашку с горячим чаем, из которой и состоял мой ужин, а впрочем, и завтрак, и обед тоже. Меня едва хватило на то, чтобы доплестись до кровати и рухнуть на нее без чувств. Сознание мое померкло вдруг и разом, будто лампочку выкрутили. Меня обступили темнота и безмолвие, словно я рухнула в вечность, как Тимур.

Но я не умерла, а всего лишь заснула, и мне приснился Тимур, и этот сон был таким странным... Тимур сидел у кладбищенских ворот рядом с бомжем-попрошайкой и старухой, воруя цветы с могил. Вы и представить себе не можете, чем они занимались! Они играли в карты. И именно эту сцену я застаю, направляясь проведать Тимурову могилу. Естественно, во сне я удивилась, хотя и не так сильно, как удивилась бы наяву.

«Что ты здесь делаешь?» — спросила я Тимура.

«А, это ты, — пробормотал он, не отрывая взгляда от карт, — разве не видишь, в „дурака“ играю».

Я обиделась:

«Нашел с кем. Они же цветы с твоей могилы воруют!»

«Ну и плевать, — ответил Тимур, — зачем мне эти цветы, я же не баба, а мужик».

И тут в наш разговор бесцеремонно вмешался бомж, выцыганивший у меня двадцать пять рублей на охрану могилы.

«Чем кроешь! — завопил он. — Пики козыри!»

Я проснулась в холодном поту, сердце мое бешено колотилось, а в дверь кто-то звонил, звонил

протяжно и настойчиво!

Тряхнув головой, я включила настольную лампу и посмотрела на часы: половина третьего ночи! Кто бы это мог быть в такой час? Срочная телеграмма? Ночных телеграмм я боюсь пуще террористов, но теперь, когда самое страшное в моей жизни уже случилось, я была почти спокойна.

Выслушав очередную трель дверного звонка, я спустила ноги с кровати, нащупала тапки и, пошатываясь спросонья, двинулась в прихожую. Соображала я плохо: странный сон никак не шел из моей головы. Подумать только, еще минуту назад я видела Тимура так явственно, словно не его, а кого-то другого опустили сегодня в могилу на Новониколаевском кладбище. Сегодня или уже вчера?

— Кто там? — спросила я, вглядываясь в дверной «глазок».

Хоть я и была убита горем, чувство самосохранения у меня атрофировалось не окончательно. Как нарочно, на лестничной площадке было темно, как в могиле. Бедный, бедный Тимур, как он там один, в сырой земле?

— Открой, Оксанка! — сказал кто-то громким шепотом.

Довольно странная просьба, если учесть, что я слабая одинокая женщина, а на дворе глубокая ночь! Только вот... Голос, какой знакомый голос, можно сказать, до боли.

— Кто там? — Меня прямо в жар бросило.

— Да я это, я, открой... — заторопил меня окончательно родной голос.

Может, я сходила с ума, но из-за обитой дерматином двери ко мне взывал Тимур! Или его бесплотный дух, или... или это всего лишь продолжение странного сна?.. Не знаю, каким местом я думала, но дверь приоткрыла.

* * *

...Тот, кто стоял за моей дверью, не рассеялся и не превратился в рой искрящихся пылинок, как это бывает в мастерски снятых фильмах ужасов. Более того, он был безумно похож на Тимура, только осунувшегося и исхудавшего. Увидев это, я решила, что все еще сплю. Из памяти выплыло неизвестно откуда почерпнутое знание: приходящих во сне покойников нужно вежливо, но настойчиво спрашивать на кладбище, как бы дороги они вам ни были, как бы настойчиво они ни скреблись в вашу дверь и ни жаловались на могильную сырость.

Руководствуясь вышеозначенными суевериями, я потянула дверь на себя, но не тут-то было, призрак Тимура цепко вцепился в нее с обратной стороны и сказал с обидой:

— Да пусти ты меня наконец, я замерз, как бобик...

Ну вот, начинаются жалобы, подумала я и тихо, но твердо возразила:

— Возвращайся туда, откуда пришел, я не могу тебя пустить.

Призрак Тимура очень натурально опешил:

— Ты чо, Оксанка, не узнаешь меня? Это же я, Тимур!

Я держалась из последних сил:

— Ты уже не Тимур, ты только бесплотный дух, который ищет успокоения... Иди, иди к себе на кладбище, а ко мне больше не приходи...

— Какой еще бесплотный дух? — возмутился призрак Тимура. — Ты чего несешь? — И так нажал на дверь, что она распахнулась. Едва призрак сделал шаг в мою сторону, я грохнулась в обморок, успев предварительно подумать, что, может быть, это даже к лучшему и к тому времени, как я приду в себя, он наконец рассеется или по крайней мере превратится в рой этих самых пылинок...

Куда там! Когда я очнулась, мизансцена практически не изменилась. Я сидела в прихожей, привалившись спиной к стене, а призрак Тимура аккуратно напротив, на обувной тумбочке, морщась, потирал рукой ногу в разодранной брючине. Не могли его, что ли, в приличный костюм одеть, прежде чем в гроб положить? Ой, мамочки, сейчас я опять отключусь! Сейчас, сейчас... Нет, что-то не получается.

— У тебя хотя бы йод есть? — между тем деловито осведомился призрак.

Прекрасно понимая, что вступать в дискуссии с покойниками занятие бессмысленное, я все-таки поинтересовалась:

— А тебе зачем?

— Зачем-зачем? — язвительно передразнил меня бесплотный дух в драных брюках. — Не видишь, что ли, я весь в синяках и ссадинах? И с ногой что-то... Как бы не перелом...

Ясное дело, просто так никого не хоронят. На всякий случай я еще раз плотно смежила ресницы в надежде, что видение исчезнет. Ничего подобного! И я наконец взмолилась:

— Послушай, а почему ты, собственно, ко мне явился? По-моему, у тебя гораздо больше оснований являться к законной жене. В конце концов, ты же сам меня бросил и сказал, чтобы я тебя не ждала!

Призрак Тимура вытянул вперед ногу в разодранной брючине, осторожно ощупал ее и недовольно пробурчал:

— А еще клялась в вечной любви! Вот и верь после этого вашей сестре... И вообще, с чего ты взяла, что я тебя бросил? Просто не хотел обострять...

Нет, вы только подумайте, это называется, каким ты был, таким ты и остался, что при жизни, что после смерти. Ясное дело, я не выдержала и завелась:

— Он не хотел обострять! Ушел себе преспокойненько и плевать хотел... А я еще, как последняя идиотка, чуть руки на себя не наложила, когда узнала, что он умер! На кладбище побежала, чтобы сказать последнее «прости-прощай».

Призрак уставился на меня совсем как с цветной фотографии, что осталась на его могиле:

— Ты чо такое несешь! Кто умер-то, не пойму?!

Мое терпение лопнуло:

— Не прикидывайся живым, пожалуйста. Ты и умер, кто же еще!

— Я? — свистящим шепотом переспросило то, что осталось от моего горячо любимого супермена. — Что ты такое плетешь? Как это умер, когда я здесь, перед тобой? Протри глаза, с кем, по-твоему, ты разговариваешь?.. Неужели я так похож на мертвеца? — засомневался призрак Тимура.

Честно говоря, я сама не знала, что и думать. На мой взгляд, для покойника он был уж слишком разговорчивым, но, с другой стороны, я ведь собственными глазами видела его могилу! Поэтому, взяв с призрака клятву, что он не подойдет ко мне ближе, чем на полметра, я детально изложила события сегодняшнего дня, точнее, уже вчерашнего, не упустив из внимания историю со старухами, ворующими кладбищенские цветы.

— Постой-постой, — прервал меня дух в самом патетическом месте моего повествования.

Я послушно замолчала, и в то же мгновение приходящая огласилась странным не то скрежещущим, не то клокочущим звуком. Мурашки пробежали по моей коже: бесплотный дух смеялся, и, без сомнения, так смеяться мог только призрак.

Впрочем, одним только смехом он не удовлетворился, объявив совершенно бесстрастным, замогильным тоном:

— Наконец-то я все понял! Они решили, что я погиб. Ну, разумеется, машина взорвалась, тело обгорело до неузнаваемости... Так что ничего удивительного. Значит, никто меня не ищет, ведь я для всех покойник...

* * *

На то, чтобы смазать зеленкой ссадины и синяки воскресшего любимого (йода в моей домашней аптечке не нашлось), у меня прошло четверть часа, еще столько же я отпаивала его крепким чаем, и все это время Тимур сбивчиво, слегка осипшим голосом излагал мне свои злоключения:

— ...Этот тип подсел ко мне в кафе, маленьком таком, называется незамысловато — «Отдых»... Я там иногда покупаю пиво, сигареты, когда на дачу еду... Ну... А тут решил перекусить, в городе поесть не успел, так жрать захотелось, прямо живот подвело, добавок на даче даже сухой корки не было, вот... Короче, сижу я, жую какого-то пересушенного цыпленка, а тут этот тип подваливает... Ну, слово за слово, попросил подвезли, ему, дескать, в ту же сторону, вот... Мне бы, козлу, сразу сообразить, что это неспроста... Он меня чуть не прикончил... Мы боролись, я не справился с управлением... и...

Тимур вскрикнул, потому что я разрезала ножницами левую брючину и дотронулась до его распухшей лодыжки.

— Мне кажется, это перелом, — обреченно произнес он. — Машина упала с обрыва, я в последний момент успел выскочить, вот... Расшибся страшно... Потом как рванет! Я к краю подполз, смотрю, моя тачка полыхает... А тот тип сгорел, и его приняли за меня, как я теперь понимаю. Нормально, у меня теперь даже могила персональная имеется. При жизни. Не каждому так везет.

Я продолжала рассматривать его изувеченную ногу, зрелище, кстати, было не из приятных.

— Давай-ка «Скорую» вызовем — Никакой «Скорой»! — Тимур опять поморщился и оттолкнул мою руку. — Никто ничего не должен знать! — сказал, как отрезал.

— Как это? — Я опешила.

— Ты что, не поняла: как только я высунусь, меня сразу арестуют! — воскликнул Тимур.

— Арестуют? За что?

— За что, за что... — простонал Тимур. — За убийство, за что же еще! Как я им объясню, что с тем типом случилось?

— Ты что же... — До меня кое-что начало доходить. — А где же ты был, ведь с момента аварии третий день пошел?

Тимур окончательно сник:

— Да там неподалеку то ли сарайчик, то ли сторожка, там и просидел... Первый день в полубессознательном состоянии был, потом... Нет, в милицию нужно было сразу идти, а теперь... Станут они разбираться: труп есть, потенциальный убийца тоже.

— Но почему же? — возразила я. — Расскажешь им все подробно про того типа... Я же тебе поверила!

— Хоть ты поверила, — невесело усмехнулся Тимур, задумался и горестно вздохнул. — Короче, сглупил я. И когда парня того к себе посадил, и когда струсил... Шок у меня был, понимаешь, шок! До сих пор в голове не укладывается, что меня кто-то хотел убить... Видишь, я и сейчас путаюсь, в мозгах такая каша...

Я внимательно посмотрела на Тимура. Теперь у меня не было ни тени сомнения в том, что он жив, хотя и выглядит очень и очень неважно: глаза запали и лихорадочно блестят, лицо исцарапано, на правой скуле ссадина, на лбу кровоподтек. Про ногу я вообще молчу. А самое интересное знаете что? То, что неудачливый убийца Тимура лежит в его могиле (здорово звучит — «его могила» — да?!), а я, как последняя дура, сражалась за украшающие ее цветочки. Даже законной сотней для этого пожертвовала, ну почти сотней...

Пока Тимур с жадностью поглощал крепкий чай, я, роняя украдкой слезы радости и умиления, усиленно ворочала извилинами. Ситуация, в которую попал мой горячо любимый супермен, того очень даже стоила. Пожалуй, он был тысячу раз прав, когда опасался, что в милиции ему могут не поверить или по меньшей мере поверить не сразу, со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Вроде длительного пребывания в СИЗО и большого грязного пятна на биографии. Что до меня, то я ни одной минуты в нем не сомневалась. Да и как я могла сомневаться в своем белокуром рыцаре с аквамаринными глазами, особенно теперь, когда он, можно сказать, восстал из мертвых! Отныне я должна думать только о том, как ему помочь.

Прежде всего Тимур нужен врач, а против вызова «Скорой помощи» он категорически возражает. Ладно, эта проблема разрешимая. Позвоню с утра своей бывшей однокласснице Люсе Сорокиной, которая работает хирургом в поликлинике. В школе мы были с ней неразлучными подружками и до сих пор перезваниваемся пару раз в месяц. При этом нас связывают не только воспоминания юности, но и некоторая схожесть судеб: Люся, как и я, не замужем и, подобно мне, находится в перманентной погоне за идеалом. И если я получила некоторую передышку в своем марафоне, встретив Тимура, Люсин забег был в самом разгаре. Во всяком случае, дело обстояло так на тот момент, когда мы созванивались с ней дней десять назад. Ох, только бы она не укатила в отпуск, на который имела большие виды как раз по части идеала.

Отвлекшись от своих мыслей, я заметила, что Тимур клюет носом за кухонным столом, нежно обняла его и бережно повела в постель. Конечно, я едва доставала ему до подмышек, но на кого ему было опереться, кроме меня? А еще меня распирало от гордости, стоило лишь подумать, что после всех своих злоключений он явился ко мне, ко мне, а не к жене. Как там сказал поэт: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии»? Ну, насчет большого я не уверена, но тот факт, что он пришел ко мне чуть ли не с того света, о многом говорит.

Уложив Тимура в кровать, я прикорнула рядом с ним в «кресле, чтобы в любой момент прийти ему на помощь. Мой супермен заснул, едва коснувшись подушки своей белокурой головой, а я еще долго, до тех пор, пока веки мои не отяжелели, всматривалась в его безукоризненный мужественный профиль при неярком свете настольной лампы. Этот мужчина стоил моей любви.

Глава 4

КРЕПКАЯ ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА, ИЛИ ЧЕГО НЕ СДЕЛАЕШЬ ДЛЯ ЛЮБИМОГО МУЖЧИНЫ

На мое счастье, Люся с утра была дома, поскольку работала во вторую смену. Просьбу заглянуть ко мне, чтобы осмотреть сверхурочного пациента, она восприняла без бурного энтузиазма, но вполне стоически. Только пробурчала в трубку:

— Сама виновата, зачем на врача выучилась? Пошла бы в инженеры — ни одна сволочь бы не вспомнила!

На «сволочь» я никак не отреагировала, во-первых, не в моих это интересах было — ссориться с Люсей, когда мой супермен лежал в постели бледный и весь в зеленке, а во-вторых, мне доподлинно известно, что на самом деле Люся существо абсолютно безвредное и даже полезное и ее легкий цинизм носит исключительно профессиональный характер.

Буквально через час Люся уже звонила в мою дверь, а едва переступив порог, тут же деловито отправилась в ванную мыть руки. Взглянув в зеркало, Люся слегка подправила макияж и подмигнула своему отражению:

— Ну что, разве плохая баба?

— Кто сказал — плохая? — подобострастно подхватила я. — Отличная, замечательная, великолепная!

— Ты так считаешь? — недоверчиво переспросила Люся и встряхнула волосы, изрядно пережженные перекисью. — Тогда какого же рожна им нужно?

— Кому им? — не поняла я.

— Этим козлам, кому же еще! — Люся мазнула по губам помадой и хищно облизнулась. — Ярким представителям противоположного пола.

— Ох, и не говори, — сочувственно поддакнула я. Похоже, на личном Люсином фронте было, как и на западном, без перемен.

— Ладно, веди к своему родственнику. — Люся дала понять, что увертюра закончена. Да,

кстати, не удивляйтесь насчет родственника, именно так я отрекомендовала Тимура, договариваясь с Люсей по телефону. Сказала, что двоюродный брат из Калуги, приехавший меня навестить, оступился на улице и сильно ушиб ногу. К чему загружать ее информацией, которая ей не понадобится.

И я повела Люсю к раненому Тимуру. Тут-то и случилась некоторая заминка. То есть, если разобраться, ничего такого не произошло, кто-то другой, наверное, и не заметил бы. И только я обостренным чутьем влюбленной женщины уловила, как встрепенулась Люся, внутренне встрепенулась, ибо снаружи этого было не разглядеть даже с увеличительным стеклом. Конечно, такая красота, даже изрядно подпорченная зеленкой, ни одну женщину не оставит равнодушной. Вот и Люся остановилась в двух шагах от кровати, на которой лежал Тимур, в то время как ее женская суть продолжила движение вперед в автономном режиме.

— И ты по-прежнему утверждаешь, что это твой кузен? — недоверчиво бросила она через плечо.

Я только улыбнулась. Не стану скрывать, моему самолюбию льстило то обстоятельство, что Люся так высоко оценила моего супермена.

— И не говори, что ты подобрала его на улице, — фыркнула моя проникательная подружка, — никогда не поверю, что кто-то может выбросить такого красавца.

Я не успела ничего ответить, потому что в этот момент проснулся Тимур, увидел плотоядно взирающую на него Люсю, привскочил в кровати и поморщился от боли.

— Спокойно, больной, — объявила Люся хорошо поставленным голосом — ей бы в дикторы податься. — Ну-ка, рассказывайте, на что жалуетесь. — С этими словами она присела на край кровати и потеряла руки.

Тимур перевел на меня недоуменный взгляд, я ему подмигнула и объявила:

— Тимур, это Люся, моя подруга. Она хирург и приехала тебя осмотреть.

— Понятно, — пробормотал Тимур, однако настороженность его не покидала. Наверное, он беспокоился, как Люсин визит отразится на его безопасности.

Люся начала проявлять нетерпение:

— Ну так что у вас, а то у меня еще прием в поликлинике.

— Да вот с ногой что-то, — неуверенно протянул Тимур.

— С какой ногой, левой, правой? — осведомилась Люся и бесцеремонно стащила с него одеяло.

Я и глазом моргнуть не успела, как мой супермен предстал перед ней во всей своей первозданной красе, в одних трусах. Сердце у меня ревниво екнуло, пришлось мне напомнить самой себе, что Люся — доктор, а посему как бы не в счет. И потом, к кому мне еще обратиться за помощью, если не к ней? И все же мне было как-то не по себе. Впрочем, чем только не пожертвуешь ради здоровья любимого мужчины.

Люся тем временем уже всю ошупывала его ногу.

— Ну что? — спросила я, затаив дыхание. — Перелом?

— Без рентгена я тебе стопроцентный диагноз не поставлю, — ответила она, — возможно, перелом, возможно, сильный ушиб. В любом случае до свадьбы заживет, а синяки, — она, прищурившись, оценила мои художества на Тимуровом лице, — еще раньше. Так что дуйте на рентген, а там...

От моего внимания не ускользнуло, что Тимур побледнел сильнее прежнего, и я поспешила встрять:

— А без рентгена нельзя?

— Без рентгена? — задумчиво переспросила Люся, взглянув на меня исподлобья. В принципе она всегда была сообразительной девочкой. — Можно и без рентгена, только тогда фирма не гарантирует.

— А если под нашу личную ответственность? — Кажется, Тимур слегка перевел дух.

— А если под вашу, — кивнула Люся, — то после без претензий. — Она легко вспорхнула с кровати и целеустремленно двинулась на кухню. Я, естественно, — за ней.

На кухне и произошел наш исторический разговор, точнее даже сказать, договор. Договор о взаимопомощи в разумных пределах при неукоснительном соблюдении двухсторонних интересов.

— Значит, так, Колпакова, — официально заявила Люся, роясь в своем чемоданчике, который она устроила на табурете, — если это криминал...

Я сразу взмолилась:

— Люсенька, дорогая, пока я не могу всего тебе рассказать, но... Но этот человек... Он честный человек, поверь мне, и я его очень люблю. Понимаешь, просто он попал в такую передрыгу...

— Это я уже заметила. — Люся взболтала и придирчиво осмотрела на свету содержимое какого-то пузырька. — Договариваемся так: все, что могу, я сделаю, но меня просьба не подставлять, и в случае чего — меня здесь не было!

— Конечно, конечно, — я клятвенно сложила руки на груди, — обещаю тебе, что ты не пострадаешь. Да я, я...

— Ну хорошо, хорошо, — согласилась Люся.

Человек она хороший, но несколько суховатый, и растрогать ее до слез в отличие от меня практически невозможно.

— Договорились. Посиди здесь, пока я управлюсь с твоим красавчиком, а то я тебя знаю, еще в обморок бухнешься от избытка чувств. Придется тогда тебя откачивать. — И, подхватив свой чемоданчик, Люся устремилась в комнату, а я послушно осталась на кухне прислушиваться к тому, что происходит за стеной.

Сначала я услышала, как по полу проелозил передвигаемый стул, потом — сдавленный стон Тимура и язвительные Люсины наставления:

— Терпите, молодой человек, имели неосторожность покалечиться, извольте стиснуть зубы и изображать мужество. Не бойтесь, все ваше останется при вас.

Ох, и несдержанная на язык эта Люська, даром что хирург хороший!

Хотя стонов больше не было, я вся издергалась и уже собиралась нарушить Люськин запрет покидать пределы кухни, пока она управляет с ногой моего супермена, но тут Люська объявилась сама со своим волшебным чемоданчиком, клацнула его замками и сообщила:

— Все, загипсовала я твоего красавчика, теперь далеко не убежит. Так что сдувай с него пылинки и питай витаминами.

Я рванула было в комнату, чтобы проверить, все ли в порядке с Тимуром, но Люся поспешила меня успокоить:

— Говорю тебе, он цел и невредим. Я стала ее горячо благодарить, но Люся решительно прервала мои излияния:

— Да ладно тебе, а крепкая женская дружба на что?

Потом Люся засобиравалась домой, а я пошла проводить ее до двери, бросив по пути торопливый взгляд в комнату: Тимур спокойно лежал на кровати, торжественно водрузив загипсованную ногу поверх одеяла.

Люська не была бы Люськой, если бы не выдала на прощание еще кое-что, а именно, не пробормотала заговорщицки:

— А он у тебя, Колпакова, хоть куда. Фактурный мужик, ничего не скажешь, накачанный, бицепсы, трицепсы — все при нем, только учти, если тут дело пахнет криминалом, я — ни при чем, запомни это.

— Помню я, помню, — устало выдохнула я, нажимая на «собачку» замка и пропуская Люсю вперед, — тебя здесь никогда не было, и вообще я тебя вижу впервые в жизни.

— Не переигрывай, Колпакова, — укоризненно покачала головой моя бывшая одноклассница Люся Сорокина и шагнула за порог.

* * *

Наскоро приготовив омлет и какао, я накормила Тимура завтраком, сама при этом удовольствовалась чашкой чая и бутербродом, который буквально запихнула в себя, — от переживаний у меня кусок в рот не лез. Зато мой супермен сегодня выглядел намного лучше, чем накануне, даже порозовел как будто. Не знаю уж, что на него так подействовало: мои заботы или рискованные Люськины шуточки.

Голова у меня пухла от сомнений, но я подмигнула Тимуру, оптимистично заверив: «Все будет хорошо!», а сама подумала:

«Если бы только знать когда...» Впрочем, главное, что Тимур жив и почти здоров, все остальное — мелочи, не стоящие упоминания. А потому лозунг момента — витамины, витамины и еще раз витамины. Вот за ними-то я и отправлюсь на ближайший рынок, предварительно отпросившись с работы. С этим проблем возникнуть не должно, потому что у меня еще от прошлогоднего отпуска неделя осталась.

— Ты куда? — настороженно поинтересовался Тимур, когда мои сборы стали для него очевидными.

— Ты слышал, что сказала доктор? — Я присела к нему на постель и улыбнулась. — Чтобы поскорее поправиться, тебе необходимо усиленное питание, а у меня в холодильнике крыса сдохла. Я отлучусь буквально на часок, чтобы купить продукты, фрукты там, овощи...

— Черт... — Тимур скрипнул зубами. — Я тебя в разор ввожу. Не привык, чтобы женщины на меня тратились.

Что верно, то верно, он был кавалер хоть куда, не помню, чтобы хоть раз явился без цветов, коробки конфет и бутылки шампанского. Недаром в начале нашего романа моя небольшая квартира из-за обилия букетов больше напоминала оранжерею.

— Ничего страшного, — поспешила я убаюкать его самолюбие, — это ведь ненадолго. Вот поправишься... И вообще, мы же с тобой все-таки не чужие. — Очень немаловажное напоминание, как вы понимаете.

Но Тимур заупрявился прямо как маленький:

— Нет, так дело не пойдет. Я не хочу, чтобы ты из-за меня тратилась, больше того, я категорически возражаю.

Ну вот, только этого не хватало, недаром же знающие люди утверждают, что самое капризное существо на свете — это больной мужчина. Как я его ни убеждала, Тимур стоял на своем:

— Нет, нет и еще раз нет!

— Тогда что ты предлагаешь? — Я уже готова была разреветься. — Ты собираешься голодать?

— Нет, голодать я не собираюсь, но тратить ты будешь не свои деньги, а мои. Ну-ка, принеси мне телефон, — велел Тимур.

Я, несколько заинтригованная, сбегала в прихожую за аппаратом. Тимур поднес трубку к уху, заученным движением крутанул диск, набрав нужные цифры, послушал длинные гудки и удовлетворенно заметил:

— Ну вот, все в порядке.

— Что именно?

— А то, что жены нет дома, — расшифровал Тимур.

— И что? — все еще недоумевала я.

— А то, что там у меня в брючном кармане ключики от моей квартиры, ты их возьмешь и отправишься ко мне домой... Да-да, отправишься. — Он пресек мои еще не высказанные возражения. — Не спорь, пожалуйста.

Разумеется, я запаниковала:

— Что ты мне предлагаешь?.. А если меня кто-нибудь увидит?

— Кто тебя там увидит? — возразил мой супермен. — Жены дома нет, и до вечера она не появится, так что ты ничем не рискуешь. Кроме того, мне деньги нужны не только на питание, как ты понимаешь. Еще столько трат предстоит наверняка.

— А каким-нибудь другим способом их получить нельзя?

— Каким? — фыркнул Тимур. — Не со счета же их снимать. Стоит только сунуться в банк, как все выплывет и долечиваться мне придется в тюремном лазарете.

— Ну хорошо, — понуро кивнула я, — рассказывай, где твои деньги. В каком-нибудь бронированном сейфе?

— В валенке, — без тени улыбки произнес Тимур.

— Что? — Я захлопала ресницами и растерянно произнесла:

— Ты издеваешься надо мной, да?

А он спокойно продолжил:

— Валенки лежат на лоджии в коробке из-под телевизора. Так вот, в одном из них — не помню точно, в каком, левом или правом, — такой желтый конверт, в каких бандероли отправляют. Ты его возьмишь и принесешь мне.

— А почему в валенке? — Я все еще не могла успокоиться.

— А почему бы и нет? — пожал плечами Тимур. — Скажу тебе, очень неплохой способ хранения сбережений, ничуть не хуже, чем в банке.

— Трехлитровой? — ухмыльнулась я. Однако, как оказалось, мой восставший из мертвых супермен был совсем не склонен к иронии и самоиронии:

— Что тебя так веселит? Это мой НЗ, о котором никто, кроме меня, не знает... Ну и кроме тебя теперь.

Я даже немного обиделась:

— Хорошо-хорошо, отнесусь к твоему НЗ со всей возможной серьезностью. Тимур постарался сгладить острые углы:

— Да не сердись ты, я не хотел тебя обидеть. Просто сама понимаешь, в каком я сейчас состоянии, как говорится, не совсем адекватный... И ничего не бойся, это же минутное дело, возьмишь конверт и назад.

— Есть! — отчеканила я. — Можно идти? — Я вскочила с кровати.

— Куда? Ты же адреса не знаешь! — окликнул меня Тимур.

Честно сказать, адрес был мне известен — однажды, когда Тимур отлучился в ванную, я не сдержала женского любопытства, достала из кармана его пиджака паспорт и полистала, но поскольку признаться в этом я, по вполне понятным причинам, не могла, то теперь предпочла выслушать подробные инструкции Тимура. Кстати, тогда же, из паспорта, я узнала, что Тимур женат уже двадцать лет на женщине по имени Альбина, которая старше меня на десять лет. Впрочем, как я уже говорила, факта своей женитьбы он и не скрывал, просто имя моей счастливой соперницы никогда не произносилось вслух. Гм-гм, а Альбина, между прочим, означает «белая». Что ж, ей подходит, поскольку она блондинка. Во всяком случае, еще вчера, на кладбище, она была блондинкой.

Я поцеловала Тимура, посоветовала ему поспать и, захватив сумку, направилась в прихожую.

— Возьмешь конверт — и сразу назад.

За продуктами потом сходишь, — напутствовал меня Тимур.

Так точно, мой горячо любимый супермен!

Глава 5.

РОГАТЫЙ ПОКОЙНИК

Прежде чем вставить ключ в замочную скважину, я внимательно огляделась. Не очень-то мне хотелось попасть на глаза какой-нибудь бдительной Тимуровой соседке. Но на лестничной площадке было тихо и спокойно, такое ощущение, будто подъезд вымер, что, впрочем, неудивительно в такой-то час, когда все трудоспособное население строит капитализм и развивает рыночные отношения. Кстати, о рыночных отношениях. Я успела заметить между делом, что дом, в котором живет Тимур (по крайней мере, жил до собственных похорон), самый что ни на есть обыкновенный — панельная девятиэтажка, — а на стене, прямо возле дверей заветной квартиры, кто-то нацарапал неприличное слово из трех букв. Короче говоря, жилище Тимура отнюдь не святая святых, чего бы я там себе заочно ни вообразила.

Итак, я должна была ступить на территорию своей соперницы, прежде запретную для меня. Было ли мне страшно? А вот и нет, наоборот, я чувствовала себя необычайно спокойно, а легкий холодок под ложечкой только бодрил. Наконец я повернула ключ в замочной скважине и толкнула дверь...

В прихожей было идеально чисто, почти стерильно, помню, я еще заколебалась, соображая, не разуться ли мне. Потом решила, что это лишнее. Внезапно у меня участилось сердцебиение, я мысленно нарисовала себе картинку возвращения Тимура к семейному очагу из моих жарких и нетерпеливых объятий. Интересно, как это происходило? Он прятал глаза, торопливо ужинал и заваливался спать, объясняя долгое отсутствие срочными делами? Или садился к телевизору с бутылкой пива? Хотя так ли важно, в каком виде он возвращался к жене, важнее сам факт этого возвращения. Она его законная жена, и с этим ничего не поделаешь. Как ни крути, а у нее все права на Тимура, правда, на живого, а мертвому Тимуру, вернее, мертвому для всех, кроме меня, она не хозяйка. Он сам сделал выбор, когда явился «с того света» ко мне, а не к ней.

Этот вывод прибавил мне оптимизма, и я решительно двинулась вперед, на поиски желтого конверта, спрятанного в валенке. Осмотрелась и обнаружила, что выйти на лоджию можно с кухни, между прочим, оборудованной по последнему слову техники всякими там грилями и посудомоечными машинами, а также обставленной дорогой итальянской мебелью. Не кухня, а заветная мечта рядовой российской феминки. Меня так и подмывало заглянуть в холодильник, чтобы узнать, чем обычно потчевали моего супермена в те времена, когда он был еще «жив», но я удержалась от этого соблазна, напрямик направившись на застекленную лоджию, обшитую деревом и сверкающую чистотой, как и вся квартира. Похоже, несмотря на многочисленные хронические болезни, жена-вдова Тимура была отличной хозяйкой. Чего не скажешь обо мне... Да-да, придется мне это признать, положила руку на сердце. Но если на то пошло, женщина вам не пылесос, а вместилище грез и желаний, а потому в ней главное нежность и... некоторая чертовщинка. Главное, не переборщить с последним компонентом.

Да где же этот желтый конверт? Где-где? В валенке! А где валенок? Тимур сказал, что валенки

в коробке из-под телевизора. Да вот же она, родимая, с латинской надписью «Панасоник», скромно стоит в уголке. Нагнувшись, я извлекла на свет божий валенки, между прочим, старые и изрядно поеденные молью, тряхнула сначала одним, потом другим... Желтый конверт плавно спикировал к моим ногам. Все, моя миссия выполнена. Заодно узнала, где состоятельные россияне прячут свои трудовые сбережения: в валенках! А что, свежо и оригинально.

Сунув желтый конверт в сумку, я засобиралась восвояси и вдруг услышала, как в прихожей громко хлопнула дверь. А вслед за этим раздался женский смех, тихий и мелодичный, будто трель серебряного колокольчика. Такого развития событий я не предполагала и от Тимура никаких инструкций на этот счет не получала. Поэтому я вжалась в стенку и стала молить бога временно обратить меня в веселый узор на обоях. А из прихожей донесся новый звук, в высшей степени неожиданный... Звук поцелуя! Потом еще один, затем почти голубиное воркование, что-то типа «сю-сю-сю» и «мур-мур-мур». Миленькое дельце, так мы не договаривались! Я стояла ни жива ни мертва и прикидывала, как мне отсюда выбираться. Если только выпрыгнуть с лоджии, но тогда Тимуру не видать своего желтого конверта. Третий этаж, конечно, не девятый, но и этого мне вполне достаточно, чтобы свернуть шею.

А в прихожей события развивались стремительно. Теперь там не только целовались, но и сладострастно постанывали, обменивались игривыми шлепками и щуршали шелком. Спустя минуту приятный женский голос отчетливо произнес:

— Фу, какой ты нетерпеливый. Не забывай, что я все-таки в трауре. На что томный басок возразил:

— Ты слишком молода и красива, чтобы оставаться вдовой.

Услышав такое, я прикусила язык, чтобы не заорать. Веселая у Тимура вдова, ничего не скажешь. Как говорится, покойник еще остыть не успел, а она ему уже замену подобрала. Ну и штучка, эта безутешная вдова! Эта хроническая больная, которая, если верить тому же Тимуру, только простатитом и не страдала. А он, поди, думает, что она тут горюет и убивается по усопшему. А вот вам фигурки! Представляю, представляю, как обрадуется этот рогатый «покойник», когда я расскажу ему о страстных лобызаниях под вешалкой. Только бы мне выбраться отсюда поскорее и, по возможности, благополучно.

Слава богу, мне опять повезло: парочка, не прерывая поцелуев, переместилась из прихожей в спальню, тем самым расчистив мне путь к отступлению. Как только эти двое уединились, я мышкой прошмыгнула в прихожую и, совсем недолго повозившись с замками, выскользнула на лестничную площадку. Правда, подхваченная сквозняком входная дверь негромко хлопнула за моей спиной, но я понадеялась, что занятые друг дружкой любовники ничего не услышали.

* * *

Заполучив свой замечательный желтый конверт, Тимур воспрял духом прямо на глазах. Он ведь еще не догадывался, какие украшения выросли на его голове с тех пор, как его зачислили в покойники. А может, это произошло много раньше, а он ни о чем не догадывался? Все еще пребывая в счастливом неведении, он только что не целовался с желтым конвертом. Я даже ненадолго оставила их наедине, чтобы не мешать. Отправилась поставить на плиту чайник. Как это ни прискорбно звучит, но моя маленькая, прежде представлявшаяся мне вполне уютной кухня, после того, что я увидела в квартире Тимура, показалась мне пыльным, захлавленным чуланом. Хлебнув кипяченой водички прямо из чайника, я мысленно свела дебет с кредитом. Много ли я выиграю, сообщив Тимуру, что его жена настолько оправилась после его «скоропостижной смерти», что уже завела себе любовника? Ну уж, по крайней мере, ничего не

потерю, это точно. Ведь это она, а не я, привела домой любовника на следующий день после похорон мужа, а я, если вы не забыли, тем временем страдала, накачивалась транквилизаторами и чуть ли не собиралась на себя руки наложить.

— Все прошло нормально? — спросил Тимур, торопливо запихивая желтый конверт под матрас. Если он его прятал, то мой матрас годился для этой цели ничуть не меньше побитых молью валенок.

— Вполне, — кивнула я.

Врунья я неважнецкая, а потому Тимур вскинул голову и пристально на меня посмотрел:

— Никого не видела?

Я уставилась в пол, чтобы он не заметил торжественного блеска в моих глазах:

— Да как тебе сказать... Видеть-то я не видела, но кое-что слышала...

— Что еще? — насторожился мой горячо любимый супермен.

Слово за слово, и я все ему выложила, ну, про то, что происходило в его квартире, пока он тут целовался со своим конвертом. Не могу сказать, что услышанное повергло Тимура в отчаяние, но и равнодушным уж точно не оставило.

— Да-а, — крикнул он, — интересное кино получается. Я теперь, оказывается, не просто покойник, а рогатый покойник.

— Да не расстраивайся ты так! — В припадке сочувствия я бросилась на него с поцелуями и, кажется, немного перестаралась.

— Осторожней! — завопил Тимур. — Ты мне вторую ногу сломаешь!

Ясное дело, этот вопль мне не очень-то понравился, я отодвинулась и надула губы.

— Между прочим, не так давно ты называл меня очаровательной дюймовочкой... — напомнила я.

Тимур понял, что переборщил, и обнял меня за плечи:

— Ну прости, прости, ты и сейчас очаровательная Дюймовочка.

Ей-богу, если бы не серия последовавших за этим нежных поцелуев, я бы его ни за что не простила! Правда, удовольствие было недолгим, потому что Тимур снова впал в уныние и заговорил о грозящих ему карах небесных:

— Наверное, нужно в милицию позвонить, тянуть дальше бессмысленно, а то еще твоя приятельница проболтается, и они сюда заявятся. Нет уж, лучше я сам...

Я вздрогнула:

— И зря ты так думаешь про Люсю, я ее уже сто лет знаю и утверждаю с полным основанием — верить ей можно. Если она сказала, что будет молчать, значит, — могила!

Однако гарантии Люскиного молчания Тимура не вдохновили, он отвернулся к стене и

скрипнул зубами:

— Ну хорошо, она никому ничего не скажет, но что это меняет? Не могу же я у тебя навеки поселиться!

— А что, ты мне не мешаешь, — заверила я Тимура. При этом я ни одной секунды не кривила душой.

— Ты чего плетешь! — Тимур снова повернулся ко мне и красноречиво постучал себя кулаком по лбу. — Соображай! Для всех я умер, а потому даже не смогу выйти из твоей квартиры. Сколько у тебя здесь метров? Двадцать? Тридцать?

— Жилой — двадцать семь, полезной — пятьдесят три, — заученно оттарабанила я. — А что?

— А то, что если я в ближайшее время не выйду из подполья, то остаток своих дней проведу на этих твоих двадцати семи метрах, среди... — он кинул недовольный взгляд в сторону окна (там, в углу, месяца два назад отстали обои, и я все никак не могла выбрать время, чтобы их переклеить), — среди всего этого хлама.

Я снова обиделась:

— Ну конечно, разве мой скромный шалаш можно сравнить с твоими хоромами!

А сама подумала, что это не такой уж плохой вариант. Ну, если Тимур будет жить у меня, оставаясь для всех умершим. В этом случае мне не придется делить его с женой, а также беспокоиться о том, что он влюбится в кого-нибудь еще. Вряд ли ему это удастся, если учесть, что женщин он будет видеть только по телевизору или в окно. Так что я буду для него единственной и неповторимой, самой красивой и самой желанной. Да ради такого я готова самолично сделать евроремонт!

Тимур тем временем уже в сто двадцать первый раз извинялся:

— Да нет, у тебя тут совсем неплохо, даже уютно... Такой артистический беспорядок...

Мог бы не продолжать, и так все ясно. Конечно, моя квартирка райский уголок, а я сама порхаю по ней, как ласточка, но всего этого недостаточно, чтобы остаться здесь навсегда. Уж лучше в тюрьму. Только я этого не допущу. Не знаю, что я сотворю, но мой супермен останется при мне, и точка!

Я тряхнула волосами, легко вскочила с кровати и провозгласила:

— Ну вот, я же забыла самое главное, мне пора за продуктами. За мясом, за творогом, за фруктами. Кстати, кое-кто собирался снабдить меня деньгами.

— И в самом деле, — Тимур сунул руку под матрас и достал из своего «швейцарского сейфа» пятидесятидолларовую купюру, — поменяй и купи все, что нужно.

На рынке я первым делом купила килограмм лимонов (а что, лучшее средство от любой болезни — сплошной витамин С!), берестяное лукошечко клубники, оказавшейся снизу примятой (плевать — залью сметаной!), несколько крупных яблок (на этот раз меня привлекла зазывная надпись «Урожай этого года»), немного огурцов, немного помидоров, смачный кусок говяжьей вырезки за совершенно баснословные деньги (себе я бы такого не позволила) и еще кое-что по мелочам. В конце концов руки у меня буквально отрывались под тяжестью двух

громадных сумок. А что делать? Прокормить мужчину, как выяснилось, не так уж просто, а больного супермена — и подавно, по крайней мере, без большой любви такого точно не осилить.

Домой я ввалилась потная и разгоряченная, будто смену у мартена отстояла. Отфыркиваясь, вывалила на кухонный стол свои трофеи и понеслась в комнату интересоваться самочувствием любимого.

— Ну как, поспал хоть немного? — участливо осведомилась я, заботливо поправляя сбившиеся подушки.

— Поспишь тут, — неожиданно огрызнулся Тимур, — когда телефон звонит, не переставая...

— Да-а? — Я растерялась. — И кто мне звонил?

— Соображать надо! — покачал головой Тимур. — Неужто я буду брать трубку? И то верно, чего это я?

— Ну ладно, ладно, — пробормотала я примирительно, — сейчас буду тебя питать. — Идиотское Люськино словечко прилипло ко мне, как комочек старой жевательной резинки к юбке. Я шмыгнула в кухню.

И десяти минут не прошло, как я возникла вновь с подносом, уставленным заморскими яствами, добытыми на рынке. Мясо, конечно, за столь короткий срок я приготовить не успела, но клубника со сметаной в хрустальной вазочке наличествовала и выглядела весьма соблазнительно, под стать яблокам нового урожая, а также лимону, порезанному тоненько-тоненько, как папиросная бумага.

Я водрузила поднос на тумбочку рядом с постелью больного и присела в шутовском реверансе:

— Прошу вас, мой повелитель!

Тимур приподнялся на локтях и скосил взгляд на поднос:

— Это что еще такое?

— Как что? Пицца богов — сплошные витамины!

Увы, мой энтузиазм так и не пробил бреши в Тимуровой меланхолии.

— Клубника? — наморщил он лоб. — Клубнику я не ем, у меня на нее аллергия.

— Да?.. — протянула я разочарованно. Откуда же мне было знать, что супермены страдают аллергией, как и прочие смертные.

А он словно специально меня третировал:

— Так... Клубника пролетает... Что там у нас еще? Лимон? Отлично! Только к чаю, а чаю я не хочу. Дальше... Яблоки, яблоки... Помнится, кто-то говорил о витаминах... Так вот, спешу тебя разочаровать, витамины в яблоках сохраняются только до января, а сейчас у нас что на дворе? Правильно, июнь!

— Но они же нового урожая... — слабо возразила я в свое оправдание.

— Нового? — Тимур затрясся в приступе гомерического смеха. — Где же их тогда вырастили? На Мадагаскаре, что ли?

Я задумалась: а что, похоже, он прав, яблоки у нас раньше августа не вызревают.

Что же они тогда едят... Эх ты, наивная душа, а еще в рекламном агентстве работаешь, специально для таких, как ты, и едят.

— Короче, ты ничего есть не будешь! — Я начала закипать. — Ну и ради бога, мне больше достанется. — С этими словами я подхватила поднос. Пусть не думает, что ему все позволено. Даже если у него нога в гипсе! Даже если он мой горячо любимый супермен с аквамариновыми глазами! Даже если...

Когда я дошла до последнего «если», руки у меня задрожали, поднос с грохотом рухнул на пол, а многострадальная клубника в сметане шлепнулась на палас. И как я сразу не сообразила, с чего это он так кочевряжится.

— Да ты же просто ревнуешь! Ты с ума сходишь от ревности! — крикнула я.

— Чего-чего? — Аквамариновые глаза смотрели на меня с недоумением, но я имела серьезные основания подозревать, что оно поддельное.

— Ты из-за жены бесишься! Из-за того, что она привела к себе любовника, когда... когда еще твой прах не успел остыть!

— Какой еще прах?! — обиделся этот лицемер.

Глава 6.

БЫВАЮТ ЛИ ВРАГИ У НИЩИХ

Сначала мы долго друг на дружку орали. Столько же времени ушло у нас на поцелуи. Поэтому поговорить серьезно мы смогли не скоро.

Я как раз орудовала тряпкой, убирая с пола остатки витаминного пиршества, опрометчиво отвергнутого Тимуром, когда меня посетила такая простая и ясная мысль, что оставалось тихо удивляться, почему она не нанесла мне визит много раньше.

— Послушай, Тимур, — прошептала я, уставившись в пространство, — а если это дело рук твоей вдовы, то есть жены?..

— Что это? — Тимур уставился на меня.

— Ну... Покушение... — Я продолжала меланхолично елозить тряпкой по полу.

Ответом мне была напряженная пауза минуты на две, оборвавшаяся неестественно громким смехом:

— Ты насчет Альбины? Хочешь сказать, что это она организовала на меня покушение? Ну нет, Альбину я знаю, она на такое неспособна.

— Знаешь? — недоверчиво переспросила я. — А как насчет рожек? Таких небольших, симпатичных рожек? Сколько я помню, ты в ее верности и непорочности ни разу не усомнился,

все больше на ее хронические болячки напирал. Я уж думала, что она или при смерти, или, по крайней мере, парализована. — Вообще-то я не злопамятная, но уж больно случай был подходящий.

Тимур отвел взгляд и досадливо поморщился:

— Ну что ты валишь все в одну кучу? И болезни, и любовника... Это разные вещи...

— Но, как выяснилось, не взаимоисключающие, — напомнила я с готовностью.

Аквамариновые очи моего супермена печально затуманились:

— Ну, если на то пошло, я ведь ей тоже изменял, ты разве не в курсе? Но и в мыслях не держал ее убить! Это во-первых. А во-вторых, а во-вторых... Давай посмотрим на эту ситуацию с точки зрения формальной логики.

— Давай, — безропотно согласилась я и окунула тряпку в таз с водой. Пока мой супермен упражнялся в поисках сомнительных оправданий супружеской измены, я, не теряя даром драгоценного времени, соорудила вокруг него уют, максимально возможный в условиях двадцати семи метров жилой площади.

— Так вот, с точки зрения этой самой формальной логики у нас нет ни одного доказательства, что Альбина... гм-гм... ходила налево, так сказать, при моей жизни.

— А на второй день после похорон уже можно? — Я со всего размаху шлепнула мокрой тряпкой о пол. — Формальная логика это позволяет?

— Отстань, — буркнул Тимур и отвернулся к стене.

Мне стало обидно.

— А на похоронах? — мстительно напомнила я его спине. — Да она уже возле твоей могилы обнималась с каким-то неандертальцем в коричневом костюме! — Ну грешна я, грешна, имела я зуб на его жену, потому как не могла ей простить того обстоятельства, что она до сих пор располагала всеми правами на моего супермена. Хорошо хоть распорядиться ими не могла по той причине, что считала его мертвецом.

Тимур отклеился от стены, посмотрел на меня и уточнил с поразительным благодушием:

— С неандертальцем, говоришь? Да это же наверняка Варфоломей был!

— Какой такой Варфоломей? — растерялась я.

— Мой компаньон, — беззаботно пояснил Тимур. — Вполне естественно, что он поддержал Альбину в трудную минуту.

— Ага, поддержал, а то она прямо колыхалась на ветру, — недовольно процедила я сквозь зубы.

— Ну ладно, хватит ссориться. — Тимур вспомнил, что он супермен, и продемонстрировал мне широту своей натуры. — Как бы там ни было, а с Альбиной меня связывало только чувство долга, которое в свете открывшихся обстоятельств может считаться упраздненным. Я ей ничего не должен, и она мне тоже.

В знак согласия я шмыгнула носом.

— Что до твоего предположения, будто она могла организовать на меня покушение, это полный бред. Чуть, абсурд и ахинея. — Себя он, что ли, убеждал? — Я ее достаточно изучил за двадцать лет и знаю, что по своей внутренней сути она добрейшая баба — мухи не обидит.

— А какой ей толк от мухи? — не собиралась так просто сдаваться я.

— А какой толк от меня? — хмыкнул Тимур. — В смысле, какой ей резон избавляться от меня столь нетрадиционным способом? Если я ей так надоел, развелась бы, и все дела!

Люди добрые, будьте свидетелями, он защищает эту вертихвостку после того, как она наставила ему рога. Вот и не верь после этого в то, что старая любовь не ржавеет.

— Резон, говоришь! — Я в сердцах зашвырнула тряпку в дальний угол. — А наследство! Квартира там, машина, дача и прочее!

— Да какое там наследство! — Тимур расхохотался. — Квартира — подумаешь, невидаль, да я бы и так ее Альбине оставил в случае чего... Дача вообще на ее отца записана. А машина... Видела бы ты эту машину. Груда обгоревшего металлолома. — Он вздохнул. — Жалко, тачка была классная, купил месяц назад, даже застраховать не успел.

— А-а... Деньги, счета?

— Какие там счета! — воскликнул Тимур. — Да я гол как сокол! Счета какие-то... Да все, что у меня есть, — в том желтом конверте, что ты принесла.

Я вспомнила, что желтый конверт был легким, почти невесомым. Похоже, Тимур имел серьезные основания сравнивать себя с нищей птицей.

— А как же твой бизнес?

— А что бизнес? — пожал плечами Тимур. — Там ей ничего не обломится. На сегодняшний день наша с Варфоломеем бухгалтерия — сплошные убытки.

— Да ну? — не поверила я. — А я думала, у тебя солидная фирма...

— Солидная! — присвистнул Тимур. — Одна видимость. После семнадцатого августа в этой стране все в упадке, производство стоит, осталось примитивное натуральное хозяйство. И не смотри на меня так, будто ты только вчера с Луны.

— Значит, и твоему компаньону ничего не достанется? Этому... Варфоломею?

— Кроме долгов, — усмехнулся Тимур, потом почесал затылок. — Ну кое-что ему, конечно, перепадет, но, поверь, это такие крохи. Вряд ли они покроют то, что мы вложили, когда открывали дело.

— Выходит, у твоего Варфоломея тоже не было причин?.. — рассеянно произнесла я.

— Боюсь тебя разочаровать, — грустно улыбнулся мой супермен, — но, похоже, дело обстоит именно так. Ни Варфоломею, ни Альбине от моей смерти никакой выгоды, только расходы на похороны.

— Похоже, у тебя нет врагов? — подивилась я.

— Представь себе, такой я счастливчик: к сорока годам не нажил ни денег, ни врагов, —

довольный своей шуточкой, Тимур расплылся в довольно глупой улыбке, но очень скоро поскущел. — По идее, у нищих не бывает врагов. Но если серьезно... Наверное, какие-нибудь есть и у меня, но не припомню ни одного смертельного. А так... Имеется в нашем подъезде одна старушка, всегда обижается на то, что я с ней не здороваюсь, а я здороваюсь, просто она глухая, как пень. Я даже обещал ей слуховой аппарат купить.

— И все-таки кто-то пытался тебя убить! — напомнила я.

— Тут я не спорю, — развел руками Тимур, — было дело. Только я, к сожалению, не успел расспросить того типа, за что он так на меня взелся.

— Да он-то тут при чем! — фыркнула я, поднимаясь с пола и потирая поясницу. — Его кто-то нанял, и все. Фотографию показали, сказали, как тебя найти... — Тут меня в очередной раз осенило. — Послушай-ка... Он ведь был в курсе, что ты едешь на дачу, следовательно, кто-то его об этом уведомил. Тот, кто знал!

— Ага, — Тимур взъерошил свою роскошную белокурую шевелюру, сколько помню, всегда источавшую тончайший запах хорошего шампуня, — уловил ход твоей мысли. Намекаешь на то, что тот, кто знал о моей поездке на дачу, и натравил на меня этого киллера. Боюсь, что дедуктивный метод здесь не понадобится, потому что мои еженедельные поездки на дачу — секрет Полишинеля, об этом знали все: и жена, и Варфоломей, да секретарша, наконец, а она такая болтушка, что...

— Знали все, ты считаешь, — перебила я нетерпеливо, — но я же все-таки не знала. — Особенно мне понравилась «болтушка» — секретарша, которая не сказала мне ни слова, когда я по телефону разыскивала Тимура после нашей ссоры. Я последний раз отжала тряпку и откочевала с тазом на кухню. Постояла в задумчивости у окна, систематизируя добытые с помощью Тимура сведения, а с ними у меня было негусто, ох негусто. Самый знаменитый сыщик при такой скудной информации Лазаря запоет. Ни врагов, ни друзей и даже наставившая рога жена, по внутренней сути, милейшая особа. Прямо хоть бери и саму себя подозревай, за неимением более подходящей кандидатуры. Да уж, тут особенно не развернешься.

И все-таки какой-никакой план у меня вызрел, может, и не очень остроумный, но вполне реалистичный. Я даже название для него придумала: «Поэтапная проверка методом исключения». Несмотря на громоздкое наименование, план был прост до примитивности. Раз уж Тимур так уверен в своем окружении, есть только один способ подтвердить это или опровергнуть — методично вычеркивать из списка подозреваемых — после соответствующей проверки, разумеется. И уж тот, кто останется!.. Пока, правда, список был невелик — жена, она же вдова, да компаньон Варфоломей, но кто знает, не увеличится ли он в процессе моего расследования. Хотя лично я в его расширении не заинтересована. Во-первых, зачем мне затягивать с этим делом? А во-вторых, не такой уж я беспристрастный судья. В том смысле, что я, признаюсь вам, как на духу, страстно мечтала бы увидеть в роли организатора покушения на Тимура кого бы вы думаете? Вот-вот, вы попали в самую точку. Конечно же, его холеную Альбину! Тогда бы я уложила двух зайцев одной пулей: и преступника нашла, и себе дорогу к счастью расчистила. Так что начну я, пожалуй, с Альбины.

— Ты куда? — приподнял брови Тимур, увидев меня в полной экипировке.

— По срочным и неотложным делам, — объявила я, извлекая из сумочки документы. На этот раз они мне не пригодятся.

Прекрасное чело моего супермена сразу омрачилось, и я поспешила развеять его печали:

— Ну не расстраивайся, я ненадолго.

Лучше повернись на бочок, закрой глазки и поспи, ведь тебе нужно набираться сил. Мясо я приготовлю вечером, а пока... Так, сейчас принесу из холодильника йогурт, сок, сделаю бутерброды... Ну не дуйся, ты же знаешь, что я люблю тебя больше всех на свете!

— Лучше скажи, что ты задумала? — не унимался Тимур.

— Ничего противозаконного! — безмятежно улыбнулась я, присаживаясь к нему на кровать. — Всего лишь поцеловать тебя!

Раздосадованный Тимур стал уворачиваться:

— Не прикидывайся дурочкой, ты прекрасно знаешь, что я имею в виду другое!

— Ну хорошо, поцеловать тебя — это программа минимум, но есть еще и программа максимум — разобраться в том, что же происходит вокруг тебя, моя любовь, а значит, помочь тебе... — Дальше я перечислять не стала, чтобы не пугать его раньше времени, потому что последним пунктом моей программы значилось: «Заполучить себе Тимура целиком и полностью и впредь ни с кем его не делить». А что, разве я не буду иметь на это право, успешно выполнив все предыдущие?

— Но... — заволновался Тимур, — что конкретно ты собираешься делать? Я тебя отпущу, а ты вытворишь чего-нибудь такое!

— Клянусь! — Я положила руку на сердце. — Ничего я не вытворю, вот честное слово! Моя миссия совершенно безопасная, можно даже сказать, рутинная, так что не волнуйся. Лежи тут себе и отдыхай в свое удовольствие.

Мой супермен недовольно проворчал:

— Тоже мне, удовольствие... Валяйся здесь, как бревно, и жди, когда за тобой придут. Уж лучше самому сдаться, глядишь, срок скостят.

— А вот об этом я тебе говорить запрещаю!

Я испугалась, а вдруг Тимур и впрямь выкинет такой фортель. Боюсь, заполучить его потом из тюрьмы будет даже потруднее, чем из цепких лапок холеной, но вероломной Альбины. Именно поэтому, уходя, я унесла телефонный аппарат на кухню, подальше от Тимура.

* * *

В строгом соответствии с заранее намеченным планом я отправилась по уже знакомому адресу с визитом к безутешной вдове. Только на этот раз, решила я, чин-чином позвоню в дверь, вежливо спрошу разрешения войти, даже, не исключено, обменяюсь с ней парочкой дежурных фраз о погоде или автомобильных пробках, а уж потом, потом... Когда я думала о том, что я ей скажу в нужный момент, у меня учащалось сердцебиение. Час моего бенефиса неизбежно приближался. Впрочем, к чему ложная скромность, это будет мой звездный час!

Я распахнула знакомую дверь парадного, легко взлетела по лестнице на третий этаж и нажала на кнопку звонка. Один раз, другой... Что-то никто не торопится мне открывать! Эй вы там,

оторвитесь друг от дружки, это я, Оксана Колпакова, по ваши души. По ваши мелкие, мерзкие душонки! Никакого ответа. Конечно, я могу воспользоваться ключом, но так будет хуже, много хуже. Поупражнявшись со звонком еще минут пять, я скрепя сердце решила действовать по новому сценарию. Может, и более эффектно, но зато и более рискованному. Вставила ключ в замочную скважину, повернула, толкнула дверь коленкой... Странно, но и теперь никто не вышел мне навстречу. Неужели никого нет? Пренебрегая всякими условностями, я обошла комнаты и убедилась, что они и в самом деле пусты: ни Альбины, ни ее загадочного любовника. Кажется, мой план с самого начала пошел наперекосяк. Ну нет, так просто я не сдамся. До «вдовы» я еще доберусь, а пока возьмусь за компаньона Тимура с экзотическим именем Варфоломей.

Глава 7.

ВАРФОЛОМЕЕВСКОЕ УТРО

Секретарша Тимуровой фирмы была типичная «мотя», несмотря на дорогие тряпки, которые прямо-таки лопались на ее монолитных формах, и гирлянду увесистых золотых цепей на шее. Не секретарша, а реклама стабильности и процветания, а кое-кто, помнится, жаловался на сплошные убытки.

И эта мымра встретила меня навязшим в зубах приветствием:

— Здравствуйте. Чем я могу вам помочь?

Меня прямо тошнит от этого вопроса, особенно если учесть, что я сама на службе по двадцать раз на дню его повторяю. Прибавьте к этому необходимость столько же раз улыбаться, изображая идиотскую радость по поводу счастливой встречи с очередным клиентом, а также утомительную обязанность носить колготки даже в самую лютую жару. Почему-то считается, что с помощью этих нехитрых ухищрений наше рекламное агентство прибавляет в респектабельности. Похоже, тут руководствовались теми же резонами, по крайней мере, если судить по внешнему виду секретарши.

А она снова напомнила мне о себе с дежурной вежливостью:

— Так чем я могу вам помочь? Я огляделась, мимоходом оценив офисный евроремонт весьма среднего уровня, и выпалила:

— Я хотела бы поговорить с вашим начальством.

Секретарша метнула короткий взгляд на белую дверь, за которой, видимо, и находилось начальство — знаменитый Варфоломей, как я понимаю.

— А по какому вы, собственно, вопросу? Вы наш клиент?

— Будущий! — заверила я ее и решительно двинулась к белой двери.

— Но... — начала было секретарша, но так и не договорила, ибо в этот момент дверь в приемную распахнулась, и я увидела того самого крепыша, что обнимал Альбину на кладбище, как считает Тимур, исключительно в порядке сочувствия и дружеской поддержки. Лично я в этом сомневаюсь.

— Вы ко мне? — Варфоломей сделал пару шагов в мою сторону, и я убедилась, что мы с ним

практически одного роста, но в отличие от меня он по этому поводу не комплексует. Видно, не рвется в топ-модели. Вон какая самодовольная физиономия!

— Мне нужно с вами поговорить, — сказала я многозначительно.

Варфоломей молча указал мне на свою дверь и пропустил вперед, мол, за чем же дело стало, если надо поговорить, то поговорим.

В кабинете Варфоломея все было вполне традиционно: обтянутые модным белым материалом стены, приличная офисная мебель, а на стене урбанистический пейзаж под названием «Летний дождь в Москве» за подписью достаточно известного художника. Но меня это не удивило, я слышала, что этот полуклассик зарабатывает деньги, малюя шедевры на заказ, в прямом смысле под цвет обоев.

Компаньон учтиво предложил мне присесть и поинтересовался с хорошо отрепетированной улыбкой:

— Так по какому вы вопросу? Перепланировка, ремонт?

Я покачала головой:

— Нет, у меня личное.

— Личное? — Брови крепыша приняли форму равнобедренных треугольников. — В каком смысле? — По-моему, он растерялся. Я решила, что железо как раз в таком состоянии, в каком его принято ковать, и выдала без обиняков и оговорок:

— Меня интересует, что случилось с вашим компаньоном!

Варфоломей тряхнул головой, как пес, выбравшийся из речки:

— ...Вы имеете в виду Тимура Алексеевича? Но ведь...

Я нанесла новый удар, прежде чем он успел очухаться:

— Я знаю, что вы хотите мне сказать. Вы хотите сказать, что он погиб в автомобильной аварии. Но это ведь не так, что не секрет ни для вас, ни для меня!

Варфоломей рухнул в кресло — звук при этом был такой, словно мешок картошки с машины скинули, — достал из кармана большой платок, вытер им вспотевшее лицо и включил стоящий на столе вентилятор.

— Ну вы... Ну и методы у вас, право... — выдохнул он наконец. — Я думал, такое только в кино показывают. Ну и ну! А я-то, дурак, считал, что дело закрыто, вроде решили, что это несчастный случай... Но... — Он махнул рукой. — Нет, вам, конечно, виднее, только... Вы мне все-таки удостоверение покажите, в порядке соблюдения формальностей, так сказать...

Теперь уже опешила я:

— Какое удостоверение?

— А разве вы не из соответствующих органов? — Варфоломей насторожился. Ах вот в чем дело! Он решил, что я из милиции. Стоило бы воспользоваться представившимся случаем, но где я возьму это самое удостоверение? Разве что сблефовать? Гм-гм, это чревато, еще возьмет и

позвонит по 02, а меня такое развитие событий совсем не устраивает.

— Нет, я не из органов, — отчеканила я, — я сама по себе. Я же вам сразу сказала, что по личному вопросу.

Варфоломеева физиономия несколько разгладилась, но все еще оставалась напряженной.

— Тогда тем более непонятно, что вам надо! — взвизгнул он. — Какое отношение вы имеете к Тимуру и... и вообще, что вам надо! — От возмущения он начал повторяться.

Накаляющуюся атмосферу несколько разрядила секретарша, которая просунула голову в дверь и просительным тоном протянула:

— Варфоломей Иванович, можно, я пойду на обед пораньше, а То...

Он не дал ей договорить, отрывисто бросив:

— Да-да, конечно.

Секретарша скрылась за дверью, шурша своими дорогостоящими нарядами. Как только мы остались наедине, Варфоломей немедленно вооружился моей же тактикой и пошел в наступление:

— Что, черт побери, это значит? По какому, собственно, праву вы врываетесь в мой кабинет со своими сомнительными намеками?!

— Минуточку! — Я подскочила со стула. — Во-первых, я не врывалась, во-вторых, это совсем даже не намеки и уж тем более не сомнительные. Я знаю, что говорю.

— Что? — Варфоломей перешел на крик. — Для начала скажите мне, кто вы такая и какое отношение имеете к Тимуру. Приходят тут всякие... Да я вас первый раз в жизни вижу!

А вот и нет, он видел меня второй раз в жизни, первый был вчера на кладбище, у могилы псевдо-Тимура. Да-а, не очень-то наблюдателен этот Варфоломей, и со зрительной памятью у него явно не фонтан, или... или внешность у меня настолько незапоминающаяся? Ну нет, лично я предпочитаю первый вариант.

— Да кто вы такая?! — продолжал допытываться нелепый Тимуров компаньон, вот привязался!

— Это не имеет принципиального значения! — отрезала я. — Лучше скажите, какие у вас были причины убрать с дороги Тимура! — Подозревая, что реакция на мои слова со стороны Варфоломея может быть не совсем адекватной, я на всякий случай попятилась к двери.

На этот раз он попросту взревел:

— Да кто ты такая?!

Обратите внимание, какая фамильярность, не помню, чтобы мы переходили на «ты»!

Я не просто попятилась, а вжалась «пятой точкой» в дверь. Что-то подсказывало мне, что нужно заранее позаботиться о путях для отхода, а то вен сколько у него на столе всяких тяжелых предметов, вплоть до факса. Еще возьмет и зафутболит чем-нибудь, а у меня голова не казенная.

Теперь мне нужно было торопиться, и я затарахтела, перекрывая истеричный ор Варфоломея:

— Это вы наняли киллера, чтобы убить Тимура! А знаете почему: вы не хотели делить с ним прибыль и еще вы не хотели делить с ним его же жену! Я прекрасно осведомлена в том, что вы были с нею любовниками и... сообщниками по преступлению!

Конечно, у меня не было объективных оснований считать Варфоломея любовником Альбины, можно сказать, я выдавала желаемое за действительное, но вы должны меня понять.

— Какого черта! — Его глаза налились кровью. — Ты, идиотка психованная, что ты такое плетешь! И... Теперь я вспомнил тебя! Черт, это ты была вчера на кладбище, пигалица досужая! — С этими словами он начал судорожно шарить по столу руками.

Это называется «предчувствия меня не обманули»! Я навалилась спиной на дверь и через секунду оказалась в приемной. Вслед мне что-то со свистом пролетело и гулко шлепнулось на пол. Торопясь к выходу, я все-таки улучила мгновенье, чтобы полюбопытствовать, чем в меня запустил Варфоломей. Это была толстая брошюра «Особенности налогообложения юридических и частных лиц», изрядно потрепанная и замусоленная.

* * *

Уже четверть часа я торчала за столиком маленького уличного кафе, расположенного как раз напротив дома, в котором помещалась Тимурова фирма, на противоположной стороне улицы. Я уныло поглощала фруктовое мороженое, раскисающее прямо на глазах, и грустно размышляла о перспективах своего расследования, начавшегося столь провально. Не такой идиот этот Варфоломей, чтобы вот так запросто взять все и выложить. Может, если бы на него кто-нибудь нажал... Кто? Ну, например, тот, кто и должен всем этим заниматься, — какой-нибудь инспектор уголовного розыска. Но раз там дело закрыли... А если им намекнуть? Послать анонимное письмо или позвонить из телефона-автомата. Мол, так и так. Попробовать, конечно, можно... Не знаю, до чего бы я еще додумалась, если бы не произошло событие сколь неожиданное, столь и судьбоносное: буквально в трех метрах от уличного кафе затормозило такси, а из него выбралась... Ладно, не буду вас долго интриговать, хотя случай того стоит, из такси выбралась Альбина, жена-вдова Тимура, и быстрым шагом двинулась к дому, из которого я убралась пятнадцать минут назад не по доброй воле. Она уже скрылась за дверью парадного, а я все еще сидела с открытым ртом. Ну все как по нотам, надо же! Они любовники, вот не сойти мне с этого самого места, если я ошибаюсь!

Что же мне делать? Идти за ней? Да нет, пожалуй, лучше я подожду, пока эти голубки удобно расположатся, начнут мило ворковать, вот тогда я их застукаю, не открутятся; На все про все Варфоломею и псевдовдове я дала десять минут и уже поднималась из-за столика, когда Альбина снова выкатилась на улицу и сразу стала ловить машину. Ну вот, опять они мне все карты спутали, просто свинство с их стороны! Все равно я от них не отстану, пусть не надеются!

Я шагнула навстречу Альбине, но тут возле нее притормозил синий «Фольксваген», в который она юркнула, как ящерица, и была такова. Я вздохнула, по крайней мере, в моем распоряжении оставался Варфоломей. Конечно, он вполне мог запулить в меня еще чем-нибудь, но воспоминания о Тимуре, который лежал сейчас в моей кровати с загипсованной ногой, наполнили мужеством мое слабое женское сердце. Окрыленная жаждой мщения, я пренебрегла лифтом и прямо-таки вспорхнула на четвертый этаж, решительно толкнула дверь офиса, отметив мимоходом, что приемная по-прежнему пуста, а брошюра «Особенности налогообложения юридических и физических лиц» все еще валяется на полу.

Перед тем как войти в кабинет Варфоломея, я немного отдышалась, досчитав до десяти, придумала несколько убойных фраз и смело шагнула через порог. По плану я первым делом должна была сказать: «Простите, если я помешала вашему свиданию», — имея в виду скорый уход Альбины, но сказала я совсем-совсем другое... Я сказала: «Ой, мамочки!»

Глава 8.

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Варфоломей сидел за столом. Вернее, он на нем полулежал, как-то неловко привалившись пухлой щекой к полированной столешнице, по которой неторопливо струился алый ручеек крови. Ручеек этот огибал белый телефонный аппарат, разбросанные в беспорядке бумаги и беззвучно стекал на пол: кап, кап, постепенно превращаясь в лужицу. Не знаю, как долго я будто замороженная наблюдала эту жуткую картину, наверное, минуту-две, но тогда мне показалось, что я проторчала в этом кабинете целую вечность. Стояла и смотрела, а сама думала, что нужно скорее уносить отсюда ноги, иначе я буду первой подозреваемой. Развернувшись так, что чуть подметки не отвалились, я выскочила из офиса и сломя голову ринулась вниз по лестнице. Скорее, скорее отсюда, пока меня не застучали!

...Очнувшись, я обнаружила себя за три квартала от злополучного места, прижалась лбом к прохладному бетону подворотни и кое-как перевела дух. Кто-то убил Варфоломея, пока я ела фруктовое мороженое в уличном кафе, и я догадываюсь, как зовут этого мистера невидимку. Точнее, миссис.

Альбина, черная вдова, явилась по его душу. Быстренько справилась со своим страшным делом и была такова. Если бы не я, никто бы на нее и не подумал. А Тимур, наивный бедняга, уверял, что она и мухи не обидит. Теперь я ни одной минуты не сомневалась, что покушение на Тимура — дело ее ухоженных ручек. Эта хладнокровная сучка наняла киллера, чтобы избавиться от собственного мужа. Странно, что на этот раз она действовала самолично, наверное, оставленного Тимуром наследства хватило на оплату лишь одного убийства. Или жадность ее заела? На том она и погорела, теперь я без труда выведу ее на чистую воду.

Я уже совсем было настропалась топтать в милицию, и тут где-то в глубине, на дне души заворочалась смутная тревога. А чем я докажу, что это она убила Варфоломея? Как чем? Я ведь видела, как она входила в дом! Но не видела, как она входила в офис фирмы Тимура — Варфоломея. Зато фундаментальная секретарша лицезрела меня беседующей с ныне покойным Варфоломеем, что она с удовольствием подтвердит. И тогда подозрение падет на меня. Да, здорово я помогу Тимуру, если загремлю в кутузку. Там я буду долго и упорно объяснять, какое отношение я имею к нему, его жене и Варфоломею, а коварная Альбина за это время успеет замести следы. А вот этого допустить нельзя.

М-да, задача... Хорошо сказать «не допустить», а как это сделать? Каким оружием воспользоваться? Если только фактором внезапности. Очень это рискованное мероприятие, впрочем, как и вся моя бурная и безалаберная сыскная деятельность. Одно греет мою трепетную душу — надежда на приз, светящий мне в случае успеха, приз, имя которому Тимур.

Я поборола в себе остатки страха и смело двинулась навстречу неизвестности. Нет, неизвестность — это еще мягко сказано, на самом деле я решительно ступила на путь опасных приключений.

* * *

Итак, я опять стояла перед знакомой дверью, сжимая в потной ладони ключи, которые вручил мне утром Тимур. Сердце мое бешено колотилось, усиленно гоня по венам кровь, насыщенную не столько кислородом, сколько адреналином. И чего во мне было больше — страха или куража, — я и сама не знала. Сейчас, сейчас я увижу эту женщину, эту ведьму, которая двадцать лет удерживала возле себя мужа с помощью выдуманных болезней и в конце концов пошла на убийство, я загляну в ее глаза и непременно пойму, что, ею двигало: досада, ненависть или банальная жадность.

Я взвесила ключи в ладони, подбросила их вверх, поймала и после недолгого раздумья все-таки нажала на кнопку звонка. Альбина не должна знать о том, что Тимур жив, по крайней мере, до поры, а я могла получить ключи только от него. Звонок не успел доиграть свою электронную мелодию, а дверь уже распахнулась — я даже палец с кнопки убрать не успела. Альбина стояла в сумеречной прихожей и взирала на меня с немим вопросом во взоре. Я тоже смотрела на нее, молча и испытующе, надеясь рассмотреть на холеном, немного апатичном челе признаки беспокойства и волнения или хотя бы парочку намечающихся морщинок. Увы, мне нечем было особенно поживиться: Альбина являла собой образец невозмутимости. Что касается морщин, то кожа у нее была как на барабане.

— Вы ко мне? — поинтересовалась она, когда затянувшаяся пауза ей надоела.

— Да, я к вам, — объявила я многозначительно.

— Не помню, чтобы мы были знакомы. — Она пожала плечами и не выказала ни малейшего намерения впустить меня в квартиру.

Ну конечно-конечно, она ведь видит меня первый раз в жизни. А вчерашняя встреча на кладбище ей, само собой, не запомнилась. Во-первых, там она была слишком убита горем, а во-вторых, стоит ли обращать внимание на невзрачных простушек?

— А мы и не знакомы. — Я даже на носочки немного приподнялась, чтобы казаться повыше. — Вернее, мы знакомы, но заочно.

В ее глазах мелькнула какая-то тень, но уже в следующее мгновение они снова приобрели ясность безоблачного неба. Она просто стояла и ждала, когда я наконец внятно изложу, зачем явилась.

— Я знакома с вами через вашего мужа, — добавила я многозначительно и попыталась беззаботно улыбнуться.

Альбина только пожала плечами:

— И что из этого следует?

— Мне кажется, нам есть о чем поговорить. — Я мысленно похвалила себя за обтекаемую, но многозначительную фразу.

Альбина буркнула под нос что-то типа «Будем делить наследство усопшего» и открыла дверь пошире:

— Проходите, будем разбираться.

И я переступила дверь их квартиры в третий раз за сегодняшний день и впервые с ведома хозяйки. Должна признать, две предыдущие попытки, совершенно наглые и даже воровские,

стоили мне меньшего количества седых волос. Чем я рисковала тогда? Репутацией. Возможно, свободой. А сейчас — жизнью, если вы еще не забыли, что случилось с Тимуром и Варфоломеем.

Черная вдова пропустила меня в прихожую и равнодушно, легким кивком головы обозначила направление моего предполагаемого движения в гостиную, которую во время предыдущих визитов я не успела хорошо рассмотреть. Что ж, отчего не воспользоваться представившейся возможностью?

Гостиная производила более чем благоприятное впечатление, но я целиком и полностью сосредоточилась на Альбине, которая демонстрировала неподражаемое хладнокровие. Не будь я стопроцентно уверена в том, что именно она каких-то полчаса назад убила Варфоломея, ни за что бы на нее не подумала. Интересно, куда она спрятала пистолет? — мелькнуло у меня. Впрочем, почему пистолет? Она вполне могла убить его другим способом, все зависит от ее вкуса. Я ведь не осматривала Варфоломея, мне хватило одного вида его крови, растекающейся по полированной столешнице. Меня опять обожгло запоздалое сомнение: а не слишком ли я рискую? Альбине ведь нечего терять, а мне очень даже есть. И не чего, а кого — Тимура, терпеливо дожидавшегося меня в моей постели. Ох, как нелепо это будет — умереть в тот момент, когда твой любимый наконец-то стал твоим и больше ничьим. Я так разволновалась, что даже мысленно сочинила небольшую молитву для индивидуального пользования, звучащую следующим образом :

«Господи, ты не слишком потратился, когда награждал меня красотой и умом, так не поспешишь хотя бы на удачу в этот трудный и ответственный для меня момент. Обещаю на будущее, что всегда буду скромна и нетребовательна и впредь не стану отвлекать тебя по пустякам...»

Не знаю, дошла ли моя молитва до бога, но Альбина пока что не предпринимала никаких действий, вызывающих опасения. Она просто стояла посреди комнаты и откровенно меня разглядывала. Я решила, что это вызов, и подняла брошенную ею «перчатку»: высоко задрала подбородок и дерзко на нее уставилась. С особенным пристрастием оглядела ее высокую ладную фигуру, не столько на предмет обнаружения очертаний спрятанного в складках одежды пистолета, сколько в надежде узреть явные признаки целлюлита. Так вот, что касается пистолета или другого оружия, то тонкая шелковая туника Альбины для их сокрытия совершенно не годилась (хоть маленькое, но утешение!), зато вероятный целлюлит прекрасно драпировала.

Есть у Альбины пистолет или нет, но я дала себе слово, что буду держаться подальше от нее и поближе к двери соответственно. Эта предусмотрительная тактика уже помогла мне в кабинете покойного ныне Варфоломея, при том, что брошюру об особенностях налогообложения юридических и частных лиц трудно соотнести с пистолетом.

— Я вас слушаю. — Альбина продолжала потчевать меня своим чудным взглядом, одновременно и равнодушным, и изучающим. Так рассматривают прошлогоднюю афишу на заборе, когда нужно убить время.

Она меня слушает, а я не успела заготовить заранее вступительное слово — вот к чему приводят экспромты. Фактор внезапности вещь хорошая, но обоюдоострая. Ладно, сейчас я ей что-нибудь скажу, раз она просит, ей мало не покажется.

Но черная вдова меня опередила.

— А ведь я вас уже видела, — вдруг прозрела она. Я внутренне напряглась, а она добавила беззаботно:

— Вчера на кладбище, ведь так?

Ну вот, сбила с мысли!

А коварная Альбина, окончательно перехватившая инициативу, одарила меня насмешливой улыбкой:

— Только не отпирайтесь, у меня профессиональная память на лица.

И пояснила, с чем связан ее хваленый профессионализм, хотя я об этом не просила:

— Когда-то, очень давно, я мечтала стать художницей и даже подавала большие надежды, но художницы из меня не вышло, а вот кое-какие навыки остались. Сама себе удивляюсь, не глаз, а фотокамера.

— Да? — уточнила я совершенно идиотским образом. Похоже, я окончательно лишилась основного козыря в этой игре — фактора внезапности.

Альбина же огорошила меня свежей порцией пронизательности:

— И вообще я, можно сказать, все про вас знаю, кроме имени разве что. Но это не так уж важно, если на то пошло...

Почва медленно, но верно уходила из-под моих ног, Альбина откровенно наслаждалась моим замешательством.

— Хотите, угадаю, кто вы? — предложила она.

На самом деле мне хотелось сунуть ей в рот кляп, чтобы получить наконец возможность спокойно и обстоятельно пригвоздить ее к позорному столбу, предварительно смазанному какой-нибудь дрянью вроде собачьего дерьма.

— Вы, — Альбина сделала эффектную паузу, — одна из подружек моего покойного мужа, которых у него было великое множество. Просто легион.

Я открыла рот, чтобы положить конец этим неорганизованным выступлениям, загубившим мой сценарий, но Альбина снова меня опередила:

— Да не переживайте вы так, не стоит. Я не собираюсь выцарапывать вам глаза. За живого бы не стала, а за мертвого тем паче... Единственное... Должна сказать, что под конец жизни его вкусы существенно переменились, а ведь я была уверена, что знаю его как свои пять пальцев.

Ну, в этом смысле они с Тимуром — два сапога пара. Тот тоже уверял меня, что читает свою женушку, как букварь, теперь вы в курсе, каким он был самоуверенным болваном.

— Ой, да вы, я вижу, совсем не в курсе! — Альбина всплеснула ухоженными руками. — Впрочем, к чему лишние слова? — Она красиво и грациозно развернулась, в мгновение ока оказавшись у комода темного дерева, то ли старинного, то ли искусно стилизованного под старину, выдвинула один из ящиков... Я запоздало вздрогнула, вспомнив о пистолете, однако она извлекла на свет божий всего лишь конверт, большой и желтый, который выглядел как родной брат того, что еще сегодня утром лежал на лоджии в валенке. — Вот, полюбуйте.

Берите, не бойтесь, это не взрывчатка.

Я послушно приняла конверт и тупо на него уставилась.

— Да вы посмотрите, что внутри, — посоветовала черная вдова.

Я дрожащими руками распечатала конверт, одно неловкое движение — и под ноги мне веером полетели цветные фотографии. Присев на корточки, я подняла верхнюю — с ее глянцевої поверхности улыбался Тимур, только не мне, а какой-то неизвестной девице с роскошной рыжей гривой. Но если б он только улыбался, он еще гладил эту рыжую корову по щеке тыльной стороной ладони! Как это понимать прикажете? Я подняла глаза на Альбину.

Та чиркнула зажигалкой у кончика зажатой во рту сигареты, выпустила колечко приятного терпкого дыма и спросила:

— Что, впечатляет? Но это цветочки, там еще и поинтереснее есть, вы посмотрите, посмотрите...

Проклятые фотографии жгли мне руки. Мне бы зашвырнуть их подальше, а я не могла отвести взгляда от верхней, ну той, на которой Тимур был вместе с рыжей девицей.

— А хотите? — Альбина озорно блеснула глазами. — Возьмите их себе на память, потом рассмотрите на досуге. — Она наклонилась, чтобы помочь мне собрать снимки.

Эту операцию она проделывала неторопливо, с чувством, и сопровождала язвительными комментариями:

— Ой-ой-ой, какой страстный поцелуй, трогательно до слез, а вот здесь — здесь вообще сцена из мексиканского сериала: он весь в черном, она — в алом, прямо открытка пятидесятых годов. Были такие с забавными подписями. К этой бы подошло м-м-м... — она задумалась, — а, вот, «Любящие сердца не разлучить».

Последнюю из поднятых с пола фотографий Альбина держала в руках дольше прочих, потом продемонстрировала мне.

— Самая цепкая из его пассий. В какой-то момент мне даже показалось, что он уйдет к ней. Тогда я еще что-то к нему испытывала, страдала... А эта... эксцентричная дрянь... названивала ему прямо ею, да по несколько раз на день, а когда трубку брала я, говорила гадости. Слава богу, теперь это позади. — Она сунула фотографию в желтый конверт и вручила его мне, но прежде я успела рассмотреть лицо той, которую жена-вдова назвала «эксцентричной дрянью», красивой брюнетки с миндалевидными глазами под высокими дугами черных бровей.

Я машинально приняла желтый конверт, не зная, что и сказать.

Зато Альбина недостатка в словах явно не испытывала:

— Вы в недоумении, я вижу. Думаете, откуда у меня все это? Объясняю: пару лет назад, когда мне еще было не все равно, я наняла частного детектива, и он обеспечил меня этой гадостью. Кстати, на обратной стороне каждого снимка имеется имя и фамилия запечатленной на ней куколки, а также адрес... И вот когда я все это увидела, так сразу к нему и остыла. Он перестал для меня существовать, так, ходит рядом какое-то двуногое в модных штанах. Если на то пошло, то я его совершенно не держала, он сам не хотел уходить. А что он плел этим идиоткам! Мол, не могу бросить жену, как я ее оставляю, когда у нее куча хронических болезней...

Наверное, она заметила, как я побледнела, и решила меня «пожалеть»:

— Только, ради бога, не принимайте этого на свой счет. Вашего снимка там нет, а значит, вы появились позже, а посему я не в претензии. Да что вы все время молчите? Вам плохо?

— Можно, я сяду? — спросила я.

Глава 9

СНОВА УРФИН ДЖЮС

Наверное, это прозвучит кощунственно, но труп Варфоломея произвел на меня меньшее впечатление, нежели фотографии, вывалившиеся из конверта, врученного мне Альбиной. Мой мир, смысл моей жизни рассыпался в одночасье, как цветные снимки по паркету.

Альбина подсунула под меня стул, сбегала на кухню за стаканом воды и теперь увещевала меня:

— Милая моя, успокойтесь, дело-то житейское. Понимаю, вы разочарованы, но взгляните на вещи трезво, и они предстанут перед вами в истинном свете. Мужчина, изменяющий жене, с не меньшей легкостью изменяет любовнице, и если для вас это открытие, вы совершенное дитя, впрочем... Впрочем, нужно знать Тимура, он был непревзойденным соблазнителем, и эта его нелепая и внезапная смерть спасла многих женщин от мук и страданий.

— И вас тоже? — глухо спросила я, комкая в руках конверт со страшными уликами вероломства моего супермена.

— Меня? — Альбина усмехнулась. — Да я ведь давно уже не страдала, я скажу вам больше — я была бы счастлива, если бы он наконец поступил по-мужски, то есть ушел к одной из своих подружек. Да хотя бы к вам. Честное слово, я не закатила бы скандала, я бы его даже благословила!

— Но он не ушел, — напомнила я. — Он не ушел, и вы... !

Альбина не дала мне договорить:

— То, что вы собираетесь мне сказать, лишено каких-либо оснований и глупо, так глупо. Я бы даже сказала, недостойно вас. Поэтому не стоит торопиться с выводами, лучше послушайте меня, послушайте, и вам станет ясно, как вы ошибаетесь.

С этими словами она подвинула свое кресло поближе к моему и продолжила свои откровения в усыпляюще-доверительном тоне:

— ...Вы уж меня простите, я вольно или невольно ввела вас в заблуждение... Видите ли, я знаю, что вы были сегодня у Варфоломея. Только не думайте, что я ясновидящая.

Разумеется, я такого и в мыслях не держала, поскольку видела, как Альбина входила в дом, в котором помещается офис Тимуровой фирмы, а через десять минут вышла. Чего я не ожидала, так это того, что она возьмет и сама во всем признается. Вот уж поистине — дерзость, достойная уважения. Впрочем, она ведь не догадывается, что я успела побывать у Варфоломея уже после ее ухода и знаю, что он убит. Собственно, поэтому она для меня пока не опасна. Она ведь избавляется от свидетелей, а я, по ее мнению, всего лишь влюбленная идиотка. Придя к

такому заключению, я решила пустить дело на самотек, пусть выговорится до конца, раз ей так хочется.

А Альбина щебетала с умопомрачительной беззаботностью:

— Я ведь тоже сегодня заходила к Варфоломею, чтобы поговорить о делах фирмы, но разговора не вышло. Все потому, что вы его здорово напугали. Видели бы вы этого толстяка: глазки бегают, губы дрожат, руки трясутся!

Честно говоря, когда я видела Варфоломея в последний раз, он выглядел несколько иначе. Дырка в голове украшала его еще меньше, чем дрожащие губы. Впрочем, насчет дырки в голове я не особенно уверена, но кровь там была, это точно.

— Зря вы так, честное слово, — между тем укоряла меня Альбина, — Варфоломей существо безобидное, а вы ему такие обвинения! И вообще, с чего вы взяли, что на Тимура кто-то покушался? Да кому он нужен? Ведь совершенно декоративный мужичок был, если честно. Деловых качеств и тех нуль, всю фирму на себе Варфоломей тянул, причем довольно успешно. До семнадцатого августа она была на плаву, а уж потом... Впрочем, после семнадцатого и более серьезные предприятия с трудом концы с концами сводят. Что до Варфоломея, то зря вы обошлись с ним столь сурово, особенно если учесть, что он был искренне привязан к Тимуру, даже слишком привязан. Вы... очень любили Тимура?

Переход был таким неожиданным, что я растерялась и пролепетала:

— Д-да, очень...

И это вместо того, чтобы хладнокровно отчеканить: «Вас это не касается!» Альбина вздохнула:

— Что ж, я могу вас понять, не так давно и я принадлежала к вашему лагерю. Что-что, а внушить любовь он умел, как никто другой. Красавец-мужчина, эрудит и прочее... Впрочем, не стану кривить душой, когда я узнала, что он погиб, испытала что-то вроде облегчения. Ну вот, сказала я себе, подружка по имени Смерть его не отпустит, и он больше не вернется ко мне, сославшись на мои хронические болезни.

Меня бросило в жар:

— И вы... вы...

— Вы хотите сказать, что я знала о легенде, которой он прикрывался? — с готовностью подхватила черная вдова. — Да, знала, что он плетет своим бабенкам (ой, извините): «Не могу же я бросить больную женщину, которая потратила на меня двадцать лет жизни». Вы и представить себе не можете, до какой степени я изучила его репертуар. В прошлом году мне все это окончательно осточертело, я наняла частного сыщика, и тот быстро организовал мне полное досье. И снимки эти он сделал. Я предъявила их Тимуру и потребовала развода, а он мне отказал. Почему, спросите вы? — Альбина откинулась на спинку кресла. Спокойная, почти величественная, с чистым алебастровым лицом, в руке сигарета на отлете — такой стоило восхищаться, а не бегать от нее по другим бабам. Ну, если только ко мне... Но Альбина убийца, убийца! — Так вы недоумеваете, почему он не захотел разводиться? Что же тут непонятного? Элементарно, как дважды два, и вполне соответствует мужской логике. Зачем менять старую жену на новую, если ты в принципе не собираешься хранить верность ни одной из них? Поступать так — только усложнять себе жизнь. Не случись эта авария, он и сейчас был бы со мной, — заключила она и добавила с притворным сочувствием:

— Понимаю, вам неприятно такое слышать, но это всего лишь правда.

Можете себе представить, чего мне стоило не заорать во всю глотку: «А вот и нет! Он жив и вернулся ко мне, ко мне!!!»

Но терпение мое далеко не безгранично, а посему я перешла в контратаку:

— Допустим, я вам поверила. Возможно, Тимур меня обманывал, и... и я сделаю соответствующие выводы,.. А вот вы, вряд ли вы имеете моральное право его судить.

— Это еще почему? — насторожилась Альбина.

— А потому, — заявила я многозначительно, — что вы сами и не думали хранить ему верность.

— Ого! — уважительно воскликнула черная вдова и поцокала языком. — Выходит, я вас недооценила, милая барышня. Вы проницательнее, чем я думала. Ладно, не стану допытываться, откуда вы про это знаете, и скрывать ничего не стану, зачем? Поговорим как женщина с женщиной, — предложила она. — Был грех, только Варфоломея вы зря приплели, он здесь ни при чем. Это совсем другой парень, которого я себе завела исключительно в порядке мщения, потом как-то привыкла... О нет, это не любовь, так, взаимная симпатия, к слову, мы с ним виделись сегодня утром. Так вот, он считает, что раз уж я теперь свободна, то непременно должна связать с ним свою судьбу, а я не согласна. Я хочу свободы, свободы и еще раз свободы. После всех моих страданий и унижений я имею на нее полное право.

Я слушала Альбину внимательно, прямо как Дельфийского оракула, при этом во мне боролись противоречивые, если не сказать взаимоисключающие, чувства. Страха и... уважения, что ли, а может, даже и симпатии. Были в ней несомненный шарм и какое-то дьявольское обаяние, которыми, не исключено, она удерживала Тимура крепче, чем несуществующими хроническими болезнями. А выдержке ее оставалось только позавидовать — и двух часов не прошло, как она убила Варфоломея.

И я пошла на смертельный иск. Не ради истины, ради Тимура. Я должна была доказать и себе и Альбине, что ничуть не уступаю ей в дерзости. Собралась с духом и спросила напрямую:

— Если вы так со мной откровенны, может быть, скажете, за что вы убили Варфоломея?

В ответ она расхохоталась. Смех у нее был красивый, грудной и совершенно искренний.

* * *

Что вы там ни говорите, а побледнеть, как побледнела Альбина, по спецзаказу невозможно. Наверное, даже великая Сара Бернар на такое не сподобилась бы. Кончик аккуратного Альбининого носика покраснел, голубые глаза подернулись влагой, холеные ручки задрожали, того гляди и впрямь паралич разобьет. Ну и талантище!

— Если вы так шутите, — прошипела эта змея, — то это злая, очень злая шутка...

— Какие уж тут шутки! — Теперь я пошла в любовую атаку, только моя смелость была безрассуднее Альбининой. Ведь ее подкреплялась пистолетом или чем-то еще, а моя — лишь любовью к Тимуру. Любовью, граничащей с умопомрачением. — И вы не хуже меня это знаете!

— Что за чушь вы несете? — Альбина вскочила.

Я тоже спружинила со стула и попятилась к двери, чтобы успеть удрать. Но прежде я выиграю это пари, я докажу Альбине, что не уступаю ей ни в чем.

— Немедленно объяснитесь! — потребовала Альбина. — Вы не уйдете отсюда, пока не объяснитесь.

Ну нет, если я решу, что мне пора уносить ноги, ее разрешения дожидаться не стану!

— Извольте, — парировала я, — вы знаете, что я была у Варфоломея перед вашим визитом, но не знаете, что я заходила к нему уже после вашего ухода. Так вот, во второй раз я застала только труп.

— Вы... вы уверены, что он мертв? — Альбина снова рухнула в кресло.

— Абсолютно, — заверила я ее.

— Но почему вы решили, что это я его убила? — Альбино возмущение производило впечатление вполне искреннего, но меня ей не провести.

— А кто же тогда? Я ведь вошла туда через пять минут после вас... Ну, через десять!

Альбина прижала к вискам ладони и наморщила свой высокий безупречный лоб.

— Значит, так... Помню, в приемной никого не было, только книжка какая-то валялась на полу...

— «Особенности налогообложения юридических и частных лиц», — меланхолично вставила я.

— Да-а? — Она посмотрела на меня с уважением. — Названия я тогда не рассмотрела, зато удивилась. Вхожу, Варфоломей сидит за столом какой-то взъерошенный, в общем, не такой, как обычно. Спрашиваю, в чем дело, а он говорит: «У меня только что одна идиотка была...» Ой, простите... Ну вот, говорит, обвинила меня в том, что это я убил Тимура, а ты — это он имел в виду меня — мне в этом помогала. Еще добавил: не удивляйся, если она к тебе заявится, и я, как видите, не удивилась. До этой минуты.

— Значит, вы его не убивали? — уточнила я с насмешкой. — Тогда зачем вы вообще к нему пожаловали?

Альбина слегка порозовела:

— Он просил меня кое-что найти, и я пришла сказать, что не нашла того, что ему нужно...

— А что вы искали? — Я немедленно наострила ушки. Альбина замялась:

— Какие-то бумаги, что-то связанное с фирмой. Варфоломей думал, что Тимур хранил их дома. Но я все проверила и ничего не нашла, ровным счетом ничего. Вот и приехала ему об этом сказать...

— А что, по телефону сообщить нельзя было? — засомневалась я.

— Да можно было, конечно, — безропотно согласилась Альбина, — просто не так уж весело сидеть в четырех стенах после всего, что произошло. Я имею в виду смерть Тимура. Как бы я к нему ни относилась, все-таки двадцать лет жизни связаны с ним...

Ну и лицемерка! Просто образцово-показательная.

Альбина снова вскочила с кресла и забегала по комнате. Я с опаской наблюдала за ее перемещениями.

— Стоп! — отдала она приказ самой себе и остановилась как вкопанная. — Я же там еще кое-кого видела!

Вот так штучка, быстро же она сориентировалась!

— Ну да, — не знаю, кого она убеждала, себя или меня, — возвращаясь, я вызвала лифт, а из него вышел тип... Он смотрел под ноги, но я все равно успела его разглядеть. Я же вам говорила, у меня профессиональная память на лица.

— Ну и как же он выглядел? — хмыкнула я. «Ври, подруга, да не завирайся».

— Довольно высокий, немного сутулый, но достаточно крепкий, можно даже сказать, спортивный. Теперь лицо, лицо... — Альбина свела брови к переносице и медленно провела ладонью по лицу. Такое ощущение, будто она собиралась вызвать на помощь духов. — Лицо — вытянутое, с тяжелым подбородком, надбровные дуги низкие, глубоко посаженные глаза...

Я невольно вздрогнула, да ведь это вылитый Урфин Джюс, ну тот тип, что курил на кладбище, чуть в стороне от траурной процессии. Что это, совпадение? Или тонкая игра? Пойди тут разберись. Я впилась взглядом в Альбино лицо, пытаюсь прочесть на нем тайнопись ее намерений.

Итак, она утверждает, что видела вблизи от офиса человека, похожего на Урфина Джюса, и такое теоретически возможно, я ведь тоже успела побывать там после нее. Как ни крути, а у меня нет прямых доказательств Альбининой вины. Эх, господи, как же трудно совмещать в себе одновременно судью и адвоката. Я бы и рада передать эти обязанности тем, кому за них деньги платят, только как же быть с Тимуром?

— Уже уходите? — встрепелась Альбина.

Можно подумать, я заглянула к ней на чашку чаю с бисквитом!

— Мне нужно срочно кое-что предпринять, — процедила я сквозь зубы.

Времени у меня было в обрез, потому что мертвого Варфоломея или уже нашли, или найдут с минуты на минуту.

— А как быть с Варфоломеем? — окликнула меня Альбина. Я развела руками:

— А чем мы можем ему помочь? Ничем! К тому же... В офис теперь наверняка явилась секретарша, вызвала милицию...

Следовало бы добавить: «И теперь всю дает показания, в том числе и на меня», — но я смолчала. Мне и впрямь некогда было тут рассиживать.

Где-то на дне моей души вспыхнула яркая лампочка — Тимур. Уже несколько часов он оставался один-одинешенек, запертый в моей квартире, со сломанной ногой, в тревоге и смятении. По-хорошему мне следовало поскорее вернуться домой, чтобы окружить его заботой, но в свете последних событий не очень-то мне хотелось торопиться. То, что я узнала от жены

своего супермена, сильно подпортило его реноме. Любить я его, конечно, не перестала, но любовь моя как-то ужалась и потеснилась, уступив небольшое местечко беспокойству за собственную судьбу, а она представлялась мне не слишком радужной, что неудивительно. Именно в моей квартире скрывался человек, которого все считали погибшим и вокруг которого происходили ужасные события.

Глава 10.

НЕЗАБВЕННОМУ КОТИКУ ОТ КИСКИ

У ворот Новониколаевского кладбища — а я отправилась именно туда, а не домой — было довольнолюдно. Все знакомые мне личности наличествовали: вороватая старуха, как и накануне, взяла букеты, мошенник-бомж, неплохо поживившийся на моих чувствах, слюнявил растрепанный окурочок. Я попыталась поймать его блуждающий взгляд, а бомж взял да и повернулся ко мне тыльной стороной, а потом и вовсе бодро заработал ногами и в считанные секунды скрылся за кладбищенской оградой.

— Эй! — крикнула я и бросилась за ним.

В то же мгновение наперерез мне прямо под ноги кинулся дурно пахнущий карлик, протянул грязную ладошку и заканючил:

— Подайте калеке на протез... Пришлось мне раскошелиться, хотя я не заметила у попрошайки особенных изъянов, по крайней мере, конечности были при нем. Какой протез он имел в виду, интересно? Заодно я поинтересовалась, как звать-величать моего давешнего приятеля, почему-то не желающего меня узнавать.

Мечтающий о протезе ханыга поскреб грязную шею, задумчиво посмотрел вслед беглецу и махнул рукой.

— А, этот... Неуловимый Джо. Кто скажет, что у кладбищенских аборигенов нет чувства юмора? Не будь я сверх всякой меры озабочена своими проблемами, непременно расхохоталась бы до слез.

А бомж-мошенник по кличке Неуловимый Джо словно сквозь землю провалился (опять кладбищенский юмор!). Где теперь его искать? Впрочем, еще неизвестно, будет ли от него толк, хотя в прошлый раз он и продемонстрировал кое-какую наблюдательность.

Я прошла мимо увешанного венками флигелька, в котором помещалась кладбищенская контора. Из приоткрытого окошка донеслось: «Э, нет, парень, не путай, пики козыри, а не черви!» Похоже, кладбищенское начальство снова резалось в карты.

Еловая аллея была безлюдна и сумеречна, а могилки по обеим ее сторонам выглядели так сиротливо, что сердце сжималось от жалости. Да, не самое уютное местечко, должна признаться. Странно, но вчера я чувствовала себя здесь по-другому, а все потому, что думала только о Тимуре, глаза мои были застланы слезами, а сердце полно запоздалым раскаянием. Подумать только, ведь с того момента прошло чуть больше суток, а как все переменилось.

Наконец я поравнялась с «Тимуровой» могилой, в которой на самом деле лежал его невезучий убийца. Как я и предполагала, на ней не осталось ни единого цветочка, зато появился новый венок, небольшой, но из живых цветов, голубых, похожих на незабудки. Лента была не черной, а белой, а на ней надпись золотыми буквами: «Незабвенному котик от киски». Меня прямо

передернуло: фу, какая пошлость.

За моей спиной кто-то кашлянул. Я вздрогнула и медленно обернулась. От сердца у меня отлегло, когда я узнала в нарушителе моего уединения все того же бомжа-мошенника.

— Новый веночек-то, нонешний, — бросил он в пространство, зевнул и потер ладонью колючий подбородок. — Дамочка приходила, такая занятная...

— И что же в ней такого занятного?

— Так ведь... — Неуловимый Джо затоптался у могилы, как стреноженный конь. — Мне бы похмелиться для просветления мозгов.

Все ясно, сначала он собирался дать от меня деру, а потом вспомнил, какая я щедрая дура, и решил, что с его стороны будет грешно не слупить с меня лишнюю десятку. Нет, десятки на бутылку не хватит, именно поэтому ровно столько я ему и дам.

Бомж посмотрел на купюру так, словно я сунула ему фантик от карамельки. Ничего, остальное ему еще придется заработать.

— Говоришь, веночек кто-то принес? — осведомилась я вкрадчиво.

— Ага. — Неуловимый Джо икнул. — Такая баба, фу-ты ну-ты, в шляпе, с этой... сеткой такой...

— С вуалью, — механически поправила я.

— Вот именно, — с готовностью подхватил бомж-аферист, — с нею с самой, вся в черном с головы до пят, в черных очках опять же... Приехала на такси, каблучками цок-цок и прямо сюда. Веночек приспособила, постояла и назад. Опять цок, цок...

Наверное, одна из многочисленных возлюбленных Тимура, мелькнула у меня ленивая мысль. А что, у нас равноправие, раз мне можно, то почему остальным нельзя? Что мне интересно, так это удалось ли моему проворному приятелю-бомжу слупить с этой дамы под вуалью десятку-другую за охрану дорогой могилы? Веночек вон до сих пор в порядке, только легкий ветерок играет с ленточкой... Но надпись, надпись, мама дорогая, «незабвенному котик...» и так далее! Ничего, доберусь я до этого «котика», уже сегодня доберусь, и даже его загипсованная задняя лапка меня не разжалобит!

Ладно, пока что мне нет дела до подружек моего супермена, время, как говорится, не пришло. Сейчас меня волнует другая личность — Урфин Джюс, тот самый тип, который накануне скромно стоял в сторонке, курил и внимательно наблюдал за похоронами мнимого Тимура. Впрочем, это теперь, задним умом, я понимаю, что наблюдал, вчера у меня такого и в мыслях не было. Чудо, как я его вообще рассмотрела за пеленой горячих слез.

— А кроме дамы под вуалью, здесь больше никто не появлялся? — осведомилась я у кладбищенского аборигена.

Тот старательно изобразил глубокую задумчивость:

— Не-а, никого не было. Только свои, местные...

Под «местными» он, конечно же, имел в виду старух, ворующих цветы с могил.

— А такого не замечал? — Я подробно описала Урфина Джюса практически в тех же

выражениях, что и Альбина.

— Сейчас соображу, — пообещал бомж, и в его блеклых глазках мелькнул огонек оживления. Он видел его, видел!

— Соображай побыстрее! — взмолилась я, чуть не подпрыгивая от нетерпения.

— Голова чужелая после вчерашнего, — пожаловался хитрый бомж.

Намек понят, я сунула руку в сумку. Одною этого хватило, чтобы развязать язык Неуловимому Джо.

— Вчера... Вчера он был здесь, когда вашего хоронили. Только не подходил, вон там стоял, под елкой. — Он указал как раз то самое место, где накануне я и столкнулась с Урфином Джюсом. Этот проходимец замолчал, и мне пришлось подбодрить его видом собственного кошелька. — Ну вот... А потом он уехал, на машине, кхе-кхе... Машина иностранная, синяя, на заднем стекле такая рука, вроде как машет... Так он на ней и уехал...

— И все? — Я упала духом.

— Все, — подтвердил бомж и плотоядно облизнулся, глядя на мой кошелек.

Я достала десятирублевую бумажку. Бомж ее будто слизнул, а потом похлопал по карману своих грязных заношенных штанов:

— Тут у меня есть одна вещица, которая стоит дороже. Я напряглась:

— Что еще?

— А вот! — торжественно провозгласил Неуловимый Джо, и я увидела в его заскорузлой ладони смятую пачку из-под сигарет, кажется, «Честерфилд». Точно, «Честерфилд».

— Ну и что? — пожала я плечами.

— А это видела?! — Неуловимый Джо сунул мне смятую пачку прямо под нос, и я успела рассмотреть намалеванные на ней шариковой ручкой мелкие циферки, смахивающие на наспех записанный номер телефона.

* * *

Неуловимый Джо пересчитывал выручку и с чувством рассказывал историю обретения заветной пачки из-под сигарет «Честерфилд»:

— ...Он ее уронил, когда по аллее шел, уронил, значит, и не заметил. А я гляжу — в ней еще три сигареты, чо, думаю, добро пропадает. Вот я их и скурил, а пачечка завалилась, хе-хе-хе...

Я слушала его вполуха, изучала цифры на пачке и на чем свет кляла себя за то, что неосмотрительно показала кладбищенскому проходимцу свою излишнюю заинтересованность в Урфине Джюсе, уж слишком дорого она мне обошлась. И вовсе не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле.

Бомж проводил меня до самых ворот, но не думаю, что из радушия. Скорее всего нам просто было по пути, наверняка он спешил потратить мои денежки. Честно говоря, я и сама торопилась, так что церемония прощания не затянулась. Неуловимый Джо беззаботно махнул

рукой, а я сквозь зубы процедила «пока». И мы разошлись, как в море корабли. Бомж двинулся в сторону ближайшего магазина, а я на поиски работающего телефона-автомата, а они не так уж часто встречаются в наших широтах. Да что я вам рассказываю, вы это лучше меня знаете.

Может, конечно, на пачке был записан вовсе и не номер телефона, но существовал только один способ это проверить — попробовать позвонить. Что я и сделала, когда буквально в пятидесяти метрах от кладбищенских ворот обнаружила вполне целую телефонную будку, разве что чуть-чуть попахивающую мочой. Сняла трубку, набрала цифры с сигаретной пачки и услышала в ответ:

— Фирма «Окна и жалюзи».

Я растерянно замычала.

На другом конце провода не стали ждать, когда я произнесу что-нибудь членораздельное, и бросили трубку.

Пришлось мне снова крутить диск и быть немного порасторопнее. На этот раз, услышав про окна и жалюзи, я вежливо поинтересовалась, как до них добраться. Там не стали упрямыться и доходчиво объяснили, предупредив, что через сорок минут они закрываются. Времени у меня было в обрез, а ехать нужно было в центр. Пришлось потратиться на такси. Дорогой я молила бога сделать так, чтобы машина не попала в пробку, а двадцать пять минут спустя, расплачиваясь с таксистом у дверей фирмы «Окна и жалюзи», пообещала себе, что без всякого ложного стеснения стребую с Тимура возмещения расходов в пятикратном размере.

Толкнув тяжелую дверь, я вошла в небольшой офис, ничем не отличающийся от прочих, каких в городе великое множество. Даже секретарша выглядела как младшая сестра той, что отвечала на звонки в фирме Тимура и Варфоломея. Ох, о последнем я вспомнила зря, сразу сердцебиение участилось.

Так вот, о секретарше. Вопрос ее прозвучал вполне традиционно:

— Что вы желаете?

Если бы я сама знала! Трудно сказать, на что я рассчитывала, направляя стопы по адресу, продиктованному по телефону. Если в общих чертах, то, наверное, увидеть или узнать нечто такое, что сразу пролило бы свет на все загадки, но вряд ли мне так повезет. Очень сомнительно, чтобы Урфин Джюс мог иметь непосредственное отношение к фирме «Окна и жалюзи», иначе зачем ему записывать их телефон на пачке сигарет. А вдруг он просто хотел воспользоваться их услугами, шел по городу, увидел объявление, черкнул на скорую руку?.. Ну просто анекдот: киллер попался, когда собрался сделать евроремонт в собственной квартире! Даже не смешно, честное слово.

— А-а... У вас тут больше никого? — обвела я взглядом стены.

— Так ведь конец рабочего дня, — терпеливо пояснила вышколенная секретарша. — А вы хотите окна заказать?

— Ага, — кивнула я.

— Ну сегодня вы поздновато, — развела она руками, — могу предложить вам только вот это. — На стол легли рекламные проспекты приличного качества. — Ознакомьтесь. Выбор у нас хороший и недорого.

— Большое спасибо, — с чувством сказала я и сделала вид, что поглощена изучением расценок на пластиковые окна, а сама исподтишка наблюдала за секретаршей, которая собирала сумочку. Девушка она была молодая — лет двадцать пять максимум — и очень даже симпатичная. А может — меня посетила дурацкая мысль, — Урфин Джюс познакомился с ней где-нибудь на улице и, как бывает в подобных случаях, слово за слово, а там: «Позвольте ваш телефончик...» Да, красивая версия, но не спросишь же у нее в лоб: «Простите, пожалуйста, у вас нет знакомого киллера?»

— Ну, мне пора, — сказала вежливая девушка и повесила сумку на плечо.

Я тоже поднялась со стула, и в этот момент на столе зазвонил телефон. Секретарша вздохнула и подняла трубку, а через минуту ее раздраженное лицо прояснилось.

— Константин Сергеевич? — прошептала она. — Нет-нет, еще не ушла, как раз собираюсь... Да-да, все закрою... Что? Звонил он, звонил после обеда, и я ему передала, что вы будете его ждать... Да, как вы сказали, в девятнадцать тридцать на Кондратьевской набережной возле газетного киоска. Не за что... До свидания, до завтра.

Девушка положила трубку на место и вопросительно на меня посмотрела. Я поняла, что мне пора retirроваться. Вежливо попрощавшись, я отправилась на Кондратьевскую набережную, чтобы посмотреть на неведомого Константина Сергеевича. А разве у меня были какие-то другие варианты?

Глава 11.

ПОДХОДЯЩЕЕ МЕСТЕЧКО ДЛЯ НЕВЕРНЫХ МУЖЕЙ

Мне снова пришлось потратиться на такси. Если дело пойдет так и дальше, я окончательно вылезу в трубу, одна надежда на содержимое знаменитого желтого конверта, извлеченного из валенка, хранившегося на лоджии. На этот раз я таки попала в пробку, так что к условленному месту на набережной прибыла всего на четверть часа раньше назначенного срока.

Народу на набережной было более чем достаточно — влюбленные парочки, прогуливающиеся вдоль парапета, детишки, мечтательно смотрящие на воду, пенсионеры, дремлющие на скамейках, — затеряться в такой толпе было совсем нетрудно. Я огляделась по сторонам, заметила газетный киоск, у которого должна была произойти встреча, заставившая меня сюда примчаться. Встреча неизвестно кого неизвестно с кем. А все из-за нескольких цифр, накорябанных кем-то на коробке из-под сигарет «Честерфилд», якобы выпавшей из кармана Урфина Джюса. Вот именно: якобы. Ведь я этого не видела, то-то, что не видела. А Неуловимый Джо ради наживы мог все придумать, этот мошенник уже усвоил, как легко меня надуть. Вот он и всучил мне пустую пачку из-под сигарет за двадцать рубликов.

С тяжким вздохом я отошла в сторонку, купила фруктовое мороженое в стаканчике (сегодня я только им и питаюсь!), выбрала позицию, открывающую наилучший обзор, и приготовилась ждать неведомого мне Константина Сергеевича. Непонятно, правда, как я его узнаю в такой-то толчее, ведь я его ни разу в жизни не видела. Вкушая холодную кисло-сладкую влагу, я запоздало попеняла себе за то, что не расспросила о нем секретаршу, не напрямую, конечно, а как-нибудь тактично, издалека. Теперь придется полагаться исключительно на везение. Впрочем, не слишком ли часто я на него полагаюсь?

Чтобы хоть чем-то себя занять, а также отвлечься от мыслей о вероломстве Тимура, я сконцентрировала внимание на самой колоритной из романтических парочек, фланирующих

по набережной. Посмотреть там было на что: она — здоровая дылда с рыжими волосами, забранными в высокий кукиш на темечке, он — невысокий коренастый крепыш с тщательно зализанным пробором, чем-то похожий на Варфоломея. Влюбленные беззаботно щебетали и поминутно целовались, нимало не смущаясь тем обстоятельством, что ради этого даме приходилось чуть ли не пополам складываться. Всегда завидовала людям без комплексов.

Неожиданно для себя я сверх всякой меры увлеклась созерцанием чудной парочки, не выпуская их из виду, пока они не завернули за угол, потом у меня потекло мороженое, и мне пришлось срочно от него избавляться. Наконец я удосужилась перевести взгляд на газетный киоск и чуть язык не откусила! Там стоял Урфин Джюс! Я без труда его узнала, несмотря на черные очки, которые он нацепил. Урфин Джюс, как и на кладбище, курил и нервно поглядывал на часы. Я тоже посмотрела на свои: тридцать пять минут восьмого. А встреча назначена на семь тридцать, и назначена неким Константином Сергеевичем, по крайней мере, так его называла секретарша фирмы «Окна и жалюзи». А это значит... А это значит, что Константин Сергеевич и Урфин Джюс — одно и то же лицо? Киллер, он же специалист по окнам. А что, может, в этом и есть какая-то логика... Если он киллер и если Альбина действительно видела его сегодня, выходя от Варфоломея. Хочу подчеркнуть: от живого Варфоломея.

В какой-то момент мне показалось, что Урфин Джюс смотрит прямо на меня, и я смертельно испугалась. А что, раз я его запомнила, то и он мог запомнить меня. Не исключено, что у киллеров память не хуже, чем у художников. Так это или иначе, но на всякий случай я все-таки отступила за фонарный столб. Урфин Джюс докурил сигарету, бросил ее под ноги и затоптал, потом снова посмотрел на часы. Тот, кому он назначил встречу, явно задерживался, и это его раздражало. Урфин Джюс вертел головой, пытливо вглядывался в даль, и даже снял свои черные очки. Без двух минут восемь его терпение иссякло, он резко развернулся и двинулся в сторону шоссе. Я вприпрыжку бросилась вслед за ним.

Синюю иномарку с пластмассовой ладонью на заднем стекле я разглядела издалека и сразу заволновалась. Сейчас Урфин Джюс в нее сядет и исчезнет из зоны моей видимости, черт!.. Еще я мысленно прикинула, сколько бранных бумажек осталось в моем изрядно отощавшем кошельке, осилю ли я еще одну прогулку на такси? И пришла к выводу, что все зависит от ее продолжительности: в пределах города еще куда ни шло, а в пределах области я уже не потяну, это точно.

Урфин Джюс подошел к своей тачке, нажав на кнопку брелка для ключей, снял ее с сигнализации, кинул взгляд через плечо, чтобы в последний раз убедиться: тот, кого он ждал, так и не пришел. Затем сел за руль и завел мотор... Я лихорадочно соображала, в какой конец бежать, где ловить такси. Слава богу, на глаза мне попала медленно отъезжающая от стоянки старая, ржавая и одышливая «Волга» с наклеенной на ветровое стекло буквой У. Насколько я знаю, У — означает «за рулем ученик», но могла ли я выбрать?

Я отчаянно замахала руками, и одышливая «Волга» послушно затормозила у кромки тротуара. Я чуть в обморок не упала, когда увидела за рулем совершенно зеленую девицу лет восемнадцати от силы.

— Куда едем? — спросила эта соплячка. Я невольно заколебалась вместе с воображаемыми чашами весов, на левой из которой примостилось чувство страха за собственную жизнь, а на правой — стремление поскорее разобраться в том, что происходит вокруг моего коварного, но горячо любимого супермена. Мне ли вам рассказывать, что правая перевесила. И уже не в первый раз.

— За той синей машиной. — Я показала на удаляющуюся иномарку Урфина Джюса.

— Погоня? — Девушка многозначительно свела брови на переносице. — А что, это даже интересно. Садитесь, — разрешила она, — только не забудьте пристегнуться.

Мысленно перекрестившись, я уселась на переднее сиденье. Девчонка нажала на акселератор и с заметным усилием потянула на себя рычаг коробки передач. Ох, не кончится это добром, помяните мое слово!

— И кого мы преследуем? — тоном заговорщика осведомилась она, когда мы сели на хвост Урфину Джюсу, причем намного плотнее, чем следовало. — Опасного преступника?

— Всего лишь неверного мужа, — схитрила я и попросила:

— Нельзя ли держаться немного подальше, чтобы он меня не заметил?

— Нет проблем! — бойко отрапортовала певица и резко надавила на тормоз. Видно, таким образом она здорово кого-то подрезала, потому что сзади пронзительно засигналили, однако мою гонщицу это не смутило, она даже показала палец в зеркало заднего вида. Юная нахалка!

— Думаешь, у него свидание? — панибратским тоном спросила девчонка.

— У кого? — Я неотрывно следила за мельтешащей за стеклом иномарки ладошкой.

— Ну у мужа твоего, у кого же еще!

— А-а, ну да. Он мне изменяет, у меня есть целый конверт с фотографиями его подружек, — импровизировала я на ходу. Впрочем, правды в моих словах было гораздо больше, чем мне хотелось бы.

Девчонка дернула плечами:

— И на кой черт он тогда нужен, такой муж, не понимаю. Удивляюсь я нашим женщинам, следят, унижаются, с соперницами отношения выясняют... Вместо того чтобы взять этих мужей за шиворот и под зад коленом с лестницы спустить!

— А детей куда? Тоже за шиворот? — Я продолжала нести заведомую чушь.

Девчонка-водительница была непреклонна:

— А зачем детям такой отец? Какой он пример им показывает!

И кто меня за язык тянул сказать, что Урфин Джюс — мой неверный муж, теперь она замучит меня проповедями. Надо же, такая молодая — и такая въедливая, прямо как старая дева. Не знаю, чего бы я еще от нее наслушалась, если бы наше путешествие не завершилось. Неожиданно, но вполне благополучно.

— Ваш неверный муж тормозит, — объявила девчонка и в свою очередь сбросила скорость.

Урфин Джюс и впрямь припарковал свою тачку у двухэтажного особняка, вышел из нее и скрылся за стеклянными дверями.

— Все, приехали, — сказала девушка и поставила «Волгу» на ручной тормоз.

Я полезла в сумку за кошельком, но она решительно пресекла мои попытки вознаградить ее за услугу:

— Ничего не нужно. Я же не из-за денег, а из чувства солидарности. И потом, мне для практики нужно больше ездить.

Прежде чем отъехать, она успела пожелать мне удачи, а также, выглянув из машины, полюбопытствовать, куда направил свои стопы тот, кого она мастерски преследовала.

— Клуб «Розовый фламинго»! — присвистнула девчонка, прочитав вывеску на стене особняка, и заключила со знанием дела:

— Подходящее местечко для неверных мужей.

* * *

Наверное, клуб «Розовый фламинго» был исключительно мужским заведением. По крайней мере, ни одной женщины я там не увидела, даже за стойкой бара. Впрочем, времени на рекогносцировку у меня было в обрез, потому что Урфин Джюс споро и деловито прошествовал между столиками и нырнул в неприметную на первый взгляд дверь неподалеку от закрытой занавесом сцены. Хоть меня и мучили тайные сомнения и предчувствия, я, само собой, последовала за ним. Не то чтобы мне нечего было терять, как раз наоборот, пусть даже тот, кому в последние двадцать четыре часа посвящались все мои подвиги, по большому счету их не стоил. Но вы же знаете, что такое любовь: это ведь почти всегда не «благодаря тому-то и тому-то», а «вопреки всему и против всякой логики». Так и я, несмотря на все перипетии и пертурбации, оставалась преданна своей любви, и драгоценное имя Тимур по-прежнему было вышито золотом на моих знаменах и хоругвях. Вооружившись ими, я практически не испытывала страха, ну почти не испытывала. Если только самую малость.

За дверью, в которую я шагнула вслед за Урфином Джюсом, было тихо и сумеречно. Мне даже пришлось остановиться и подождать, пока глаза привыкнут к полумраку, из опасения на что-нибудь налететь. А когда я наконец смогла кое-как различать очертания окружающих предметов, выяснилось, что Урфином Джюсом в этом чулане и не пахло. А пахло в нем свежей краской и еще чем-то непонятным, смахивающим на конский пот. Я осмотрелась, чтобы понять, куда мог подеваться Урфин Джюс, и обнаружила еще две двери. За одной из них, вероятнее всего, и скрылся мой кладбищенский приятель. Я было хотела проверить свою догадку эмпирическим путем, но вовремя одумалась. Риск, конечно, благородное дело, но во всем нужно знать чувство меры.

Я решила тихо ретироваться и подождать Урфина Джюса в зале либо, на худой конец, возле входа в клуб, но тут услышала доносившийся из-за ближайшей ко мне двери разговор. Мягкий вкрадчивый баритон кого-то нудно и педантично отчитывал, а бухающий басок виновато оправдывался. Жаль, не разобрать ни слова, а соблазн так велик. Ведь там, за дверью, Урфин Джюс.

Естественно, я клюнула на эту удочку и преступно пренебрегла здоровым чувством опасности и инстинктом самосохранения. Я подошла к двери, из-за которой доносился неразборчивый разговор, и в буквальном смысле приложила ухо к замочной скважине. Слава богу, при моем росте это было технически несложно.

— Ну где, где она?

Это спросил зануда-баритон. И добавил:

— Пятнадцать минут осталось!

— Может, в пробку попала, — предположил сочный басок, — Арнольд сказал, что в восемь будет.

— А сейчас без пятнадцати девять! — мстительно напомнил баритон.

— А что я могу сделать? — чуть не плакал бас. — Может, все на час перенести, а я пока свяжусь с Арнольдом и что-нибудь организую?..

Упрямый баритон решительно не желал идти на компромиссы:

— Перенести?! После таких обещаний?!

Да я тебя самого погоню, ты сам у меня будешь...

Что именно будет делать плачущий бас, если не явится некто обещанный загадочным Арнольдом, я так и не узнала, потому что, увлекшись разговором, невзначай надавила на дверь сильнее, чем следовало, и та с предательским скрипом растворилась...

Глава 12.

БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Глаза я зажмурила чисто инстинктивно, а когда открыла их вновь, увидела совсем не то, что ожидала. По крайней мере, Урфина Джюса там не было. Зато на меня пялились два типа: тщедушный карлик в хорошем летнем костюме и чуть не двухметровый молодой здоровяк с пунцовой от жары физиономией.

— Извините, — пролепетала я и стала потихоньку отступать назад.

Карлик перевел взгляд на бугая и осведомился:

— Это она?

— Наверное, — молвил тот неопределенно, как-то странно ко мне присматриваясь.

— Ну спасибо твоему Арнольду, — недовольно проворчал карлик, — надо бы хуже, да некуда.

Что бы он там ни имел в виду, мне такая оценка собственных данных совершенно не понравилась. При других обстоятельствах я бы сказала ему пару ласковых, но сейчас я сочла за лучшее молча удалиться, благо моя первоначальная растерянность сменилась острым желанием поскорее покинуть гостеприимные стены клуба «Розовый фламинго».

— Эй, куда это она? — воскликнул заморыш и снова набросился на бугая:

— Ты чего стоишь? Держи ее. Хоть такая... Где мы сейчас другую найдем?!

Ясное дело, после таких слов я не стала утруждать себя новыми извинениями и попытками придать своему позорному бегству видимость благопристойности. Мол, ошиблась, с кем не бывает.

Но силы были слишком неравные: здоровяк настиг меня в два прыжка и больно вцепился в

локоть. Ну и влипла я, доложу вам, и это еще не Урфин Джюс, а что будет, когда он увидит меня, даже подумать страшно!

Я стала отбиваться и глупо хныкать:

— Ну что вы пристали, в самом деле, пустите меня!

Громила и не думал ослаблять хватку, втащил меня в комнату и довольно миролюбиво поинтересовался:

— Чего убегаешь, тебя же Арнольд прислал?

— Не знаю я никакого Арнольда! — Я была близка к тому, чтобы разреветься.

Заморыш и здоровяк переглянулись, после чего первый зловеще объявил второму:

— Я тебе сказал, что ты пойдешь. Как ты будешь выкручиваться, я не знаю, но я тебя выставлю!

Верзила затоптался на месте, все еще цепко сжимая в своей громадной клешне мой правый локоть. Потом обернулся, посмотрел на меня чуть ли не со слезой во взоре и стал нести какую-то несусветную чепуху, то и дело повторяясь:

— Слушай, подруга, выручай... У нас тут накладка вышла, должна была одна коза появиться и не появилась. Так что выручай, а? Всего несколько минут — и хорошие «бабки»... А тебя мы загримируем, так что никто не узнает, честное слово! Можно вообще маску надеть. Соглашайся, не пожалеешь.

Ну и какой вывод можно сделать из этого бреда? Только один: моим в высшей степени захватывающим приключениям не видно конца. Меня опять приняли не за ту. Впрочем, может, оно и к лучшему, потому что еще неизвестно, как бы они себя повели, узнав истинную причину моего визита в это злачное местечко. А в том, что оно злачное, сомневаться не приходилось. Заведение для сомнительных личностей вроде Урфина Джюса, который здесь наверняка свой в доску. И он где-то рядом, может быть, за соседней дверью.

И все же интересно, что имеет в виду этот громила, когда говорит о возможности заработать? Что я могла бы тут делать? Полы помыть? Или побегать между столиками в качестве официантки? Пожалуй, для разведывательной деятельности второй вариант выглядел предпочтительнее, но при чем тут маска, о которой говорил бугай.

Я снова дернулась изо всех сил, но прилипчивый верзила этого даже не заметил. Вместо того, чтобы отпустить восвояси, он выволок меня в сумеречный тамбур, а потом втолкнул в следующую дверь, за которой, по моим прикидкам, находился Урфин Джюс, сопроводив это бесцеремонное действие более чем настораживающей репликой:

— Вот она, и она вся ваша. У вас только десять минут на то, чтобы ее подготовить. Вернее, уже девять...

Я снова зажмурилась, но, как выяснилось, напрасно. Урфина Джюса там не наблюдалось. Зато наблюдалась лохматая крашенная блондинка с сигаретой на губе. Блондинка сидела в кресле и весело болтала ногой, обутой в растоптанную домашнюю тапку. Мало того, из одежды на ней был только махровый купальный халат отвратительного рыжего цвета (в таком только шпалы на железной дороге укладывают) и тот наполовину расстегнут. Не знаю почему, но эта девица

мне сразу не понравилась. Чуть позже я рассмотрела, что она не одна, ибо неподалеку, возле кресла, здорово напоминающего парикмахерское, копошилось унылое существо в сером.

Что касается комнаты, то она производила убогое впечатление: замызганные стены, засиженное мухами старое зеркало, пыль в углах. Да, еще ширма из пластика, вроде тех, какие бывают в больницах. Как все это контрастировало с тем, что я успела разглядеть в зале, через который я пролетела галопом. Там-то все блестело. Прямо Нью-Йорк — город контрастов.

Существо в сером никак не отреагировало на мое явление, зато девица в рыжем халате моментально очнулась от меланхолии и набросилась на бугая с претензиями:

— Ты кого мне привел, Лонг?

Верзила с готовностью откликнулся на звучное прозвище:

— Не шуми. Марго, я привел тебе напарницу.

— Эту?! — Лохматая Марго чуть не подавилась своей сигареткой. — Ты что, очумел? Да ее же только под увеличительным стеклом рассматривать! Ну нет, я с ней не выйду!

— Выйдешь! — рявкнул Лонг, который, похоже, разозлился.

— Черта с два! — Строптивая Марго нервно затянулась в последний раз, после чего раздавила окурок прямо на растрескавшейся поверхности старого и грязного туалетного столика, сиротливо притулившись у обшарпанной стены. — Тоже мне, напарница. Долго же вы ее, наверное, искали!

Интересно, что эта хамка хотела сказать? Я посмотрела на Лонга с укором. Раз уж он приволок меня сюда против моей воли, то просто обязан заткнуть рот этой фурии. Однако этот трус сразу пошел на попятную, видно, не хотел портить отношения с Марго:

— Да ладно тебе, Маргош, что ты в самом деле? Было бы из-за чего переживать!

Делов-то на десять минут!

— Да?! — В запале гнева Марго так тряхнула ногой, что ее правая тапочка отлетела в угол. — Ты мне что обещал, а?

Шоу на европейском уровне! А сам привел в этот занюханый клоповник. — Она презрительно наморщила нос. — Тут, — Марго огляделась, — даже переодеться негде!

— Но Марго, — заканючил Лонг, — ты же знаешь, мы только начинаем, вот раскрутимся и устроим тут голубой бассейн. Мы же первооткрыватели, наше шоу — первое в городе, вот настрижем «бабок», тогда и развернемся, а пока...

— А пока я должна выступать в собственном купальнике, потому что вашими только унитазами драить! — С этими словами Марго распахнула рыжий халат и продемонстрировала свои внушительного вида прелести, обтянутые черным в желтую полоску купальником.

Если я что-то понимаю в мужской психологии, то у Лонга от этого зрелища слюнки закапали.

— Отлично выглядишь! — возвестил он громогласно. — Публика будет стонать от восторга.

— От хохота! — возразила ему непреклонная Марго. — Публика будет по полу валяться, когда

увидит напарницу, которую ты мне притаранил. Ты хоть представляешь, как мы будем с ней выглядеть: как Тарапунька и Штепсель!

Эти бессмысленные препирательства мне порядком надоели, и я вмешалась в спор басистого Лонга и лохматой Марго, тем более что весь сыр-бор, насколько я поняла, разгорелся из-за меня, — Послушайте! — попыталась я перекрыть визг Марго. — Я вам никакая не напарница, а потому вы зря меня оскорбляете!

Марго сразу заткнулась и зыркнула на Лонга:

— Значит, она не будет выступать? Еще лучше! Тогда что я здесь делаю? До свидания, я умываю руки!

Марго схватила брошенный ею на кресло рыжий халат и стала его напяливать.

Может, тем бы все и кончилось, но тут, на мое несчастье, в комнате образовался карлик. Этот сразу завелся с пол-оборота:

— Что? Она еще не одета?

И посмотрел на меня.

Как это понимать прикажете? Между прочим, я-то как раз одета в отличие от лохматой Марго. Все это возмутило меня выше всякой меры, и я предприняла очередную попытку объяснить, впрочем, такую же безуспешную, как и все предыдущие. Я только и успела произнести многозначительное «н-но...» и тут же потеряла дар речи, потому что передо мной возникло унылое существо в сером с какой-то зеленой тряпкой в руках.

— Вот, этот подойдет.

— А не велик? — усомнился Лонг.

— Все равно меньше нет, — отрезало существо, в котором я наконец не без труда опознала субъекта мужского пола, которому на вид можно было дать не более семнадцати лет. Такой прыщавый подросток с редкой порослью на подбородке и засаленным, схваченным аптекарской резинкой хвостиком на затылке. Я рассмотрела и тряпку, которую он держал, — это был дешевый зеленый купальник, какими завалены барахолки от Парижа до Находки.

От такого потрясения мой дар речи восстановился в полном объеме.

— Что... Что вы мне предлагаете? — заорала я дурным голосом и наступила на ногу Лонгу. Тот поморщился, но мою руку не выпустил.

— Значит, так, — снова заговорил карлик, обращаясь к Лонгу, — меня не интересует, как ты это устроишь, но через пять минут они должны быть в зале, иначе публика всю мебель переломает.

— Ты слышал? — Лонг переадресовал эту угрозу прыщавому подростку.

Последний индифферентно пожал плечами и вздохнул.

Неожиданно в дело вмешалась Марго.

— Тащите ее за ширму! — приказала она.

Надо же, а ведь еще пять минут назад она не желала, чтобы я участвовала в этом сомнительном шоу.

После таких речей Лонг воспрял духом и торжественно передал меня в руки Марго и серого субъекта. Естественно, я сопротивлялась, но вдвоем они легко со мной справились. Я не успела и до десяти сосчитать, а они уже затолкали меня за ширму, после чего Марго, несмотря на явный саботаж с моей стороны, облачила меня в совершенно уродливый зеленый купальник. Потом вытащила на середину комнаты, видно, для того, чтобы продемонстрировать, что из меня получилось. Прыщавый подросток тоже внес свою лепту в эту преступную деятельность, несколько раз мазнув по моему лицу штуковиной, похожей на помазок, и сумрачно буркнул: «Прическу делать некогда».

— И так сойдет, — оценил Лонг, — можно выпускать! — И снова схватил меня за руку, чтобы я далеко не убежала.

Я совершенно обезумела от злости и только мычала и пиналась. У меня было странное ощущение, будто я наблюдаю за этой идиотской сценой со стороны, будто весь вышеописанный маразм происходит с кем-то другим, а не со мной. Или даже если со мной, то не на самом деле, а во сне. И мне снится эта жуткая комната, зануда-карлик, прилипала-Лонг, прыщавый серый субъект и Марго в черном в желтую полоску купальнике. Я даже потерла глаза в надежде стряхнуть с себя этот тягучий сон. Безрезультатно, картина не изменилась. Только Марго решительно прошествовала к выходу.

— Ладно, где там эти уроды, которым не хватает острых ощущений, сейчас им будет весело, — зловеще пообещала она.

Глава 13.

ЗАГНАННЫХ ЛОШАДЕЙ ПРИСТРЕЛИВАЮТ

Сон это был или все-таки явь, до счастливого пробуждения, как выяснилось впоследствии, было еще очень и очень далеко, поскольку настоящий кошмар еще только начинался. Карлик, Лонг и прыщавый подросток-гример препроводили нас в третью дверь, которую я не заметила вначале, потому что она была завешена куском синего бархата.

— А перчатки? Перчатки! — вдруг завопил карлик.

Прыщавый исчез ровно на секунду, а возник... с двумя парами боксерских перчаток. Ну боксерских не боксерских, но, по крайней мере, здорово на них смахивающих. Марго сама сунула руки в перчатки, а мне их напялил тщедушный гример. Пока он управлялся, бдительный Лонг держал меня за плечи и приговаривал:

— Хорошие «бабки» получишь, фирма гарантирует...

Я уже почти ничего не понимала и не чувствовала. И практически не сопротивлялась.

— Ну вот и умница, — одобрил мою покладистость Лонг и, подтолкнув в спину, благословил:

— Ну, с богом!

Честное слово, это было почти трогательно.

Теперь Лонг меня больше не удерживал, зато Марго подхватила от него эстафету и поволокла меня за собой, повторяя на ходу:

— Главное, не смотри в зал и не обращай внимания на этих придурков. У них вместо мозгов — собачье дерьмо.

— Отпусти! — прошипела я, и в то же мгновение в глаза мне ударил яркий, ослепляющий свет. Не поддержи меня Марго, я бы, наверное, растянулась. Впрочем, может, дело было не столько в ярком свете, сколько... Что-то странное творилось с полом, который буквально разъезжался под моими ногами. Такое ощущение, будто я провалилась в студень, а вокруг стоял оглушительный визг, свист и ор...

— Где мы? — спросила я у Марго, втягивая голову в плечи.

— Я же сказала, не обращай внимания, — беззаботно ответила та, — старайся почаще падать, и все будет в порядке.

Я вняла ее совету, хотя и не по собственной воле: шлепнулась в какую-то скользкую розовую субстанцию, прохладную на ощупь, по внешнему виду напоминающую густой кисель из концентрата.

— Ты рано упала, — недовольно загундосила надо мной Марго и потянула меня из скользкой и чавкающей розовой слизи. Но едва я поднялась на ноги, как она же меня и толкнула, не сильно, боксерской перчаткой в грудь, и я снова забарахталась в странной массе, точно муха, попавшая в варенье. А со всех сторон понеслось улюлюканье, крики и почти истерический хохот. А кто-то и вовсе заорал:

— Дай ей сдачи, малютка, чего смотришь!

Я повернула голову и с ужасом увидела зал, через который каких-то полчаса назад прошмыгнула вслед за Урфином Джюсом. Там, за столиками, сидели разнокалиберные мужики и с интересом натуралистов наблюдали, как мы с Марго копошимся в» розовом желе. Чувствовалось, что они от этого зрелища получают колоссальное удовольствие, чуть ли не коллективный оргазм испытывают.

— Да что здесь происходит? — пролепетала я, когда Марго склонилась надо мной, чтобы снова привести в вертикальное положение.

— Что-что, — пробормотала та, отфыркиваясь, как навьюченная лошадь, — развлекуха у них такая новомодная, первое представление в городе. Вишь ты, в Америке есть, в Москве есть, а мы чем хуже... Да шевелись ты, шевелись сама, думаешь, легко тебя таскать, когда качает, как на палубе!

Это еще слабое сравнение было, ну, насчет палубы, там хоть зацепиться за что-нибудь можно, за мачту, например, а тут — только зубами за воздух или за Марго, но последняя, едва дождавшись, когда поднимусь, снова пнула меня в солнечное сплетение, не сильно, буквально мизинцем, но этого хватило, чтобы я снова чуть не по пояс погрузилась в скользкую розовую массу.

— Ты чего толкаешься? — На этот раз я возмутилась.

— Так положено, — прошипела Марго, — в том-то вся и штука: мы с тобой пихаемся, а эти полудурки ржут. Ты что, не поняла еще?

Это открытие так меня поразило, что я разинула рот и уставилась в зал, в котором, если верить моей напарнице-сопернице, сидели сплошные полудурки. Пожалуй, она была права.

— Ну вставай, вставай, — снова затормошила меня Марго.

Я уперлась в пол боксерскими перчатками, потом приподнялась на коленях, полуобернулась... И тут в поле моего зрения попал Урфин Джюс. Он сидел за столиком возле барной стойки и, не обращая ни малейшего внимания на наши с Марго выкрутасы, трепался по сотовому.

* * *

Пока я рассматривала Урфина Джюса, Марго залепила мне оплеуху, не дожидаясь, когда я окончательно встану на ноги. Причем оплеуха была довольно увесистой. То ли она раззадорить меня хотела, то ли ей просто-напросто надоело вытаскивать меня из чавкающего желе. Сбоку кто-то разочарованно присвистнул и заорал:

— Давай, малютка, давай, я на тебя поставил!

Как я разозлилась, если бы вы только знали! Да что им здесь, ипподром, большое дерби? Я даже поискала взглядом козла, который «на меня поставил». Он сидел совсем рядом со сценой и тянул пиво из большой керамической кружки: маленькие заплывшие глазки, вислые пшеничные усы, корочка, мерзкая рожа. Заодно я снова поймала «на мушку» Урфина Джюса — тот продолжал прижимать к уху сотовый, игнорируя наши с Марго скачки по сцене.

Кстати, о Марго. Эта подруга совсем распоясалась, похоже, идиотские выкрики из зала действовали на нее, как допинг. Теперь она осыпала меня звонкими шлепками, не смущаясь тем обстоятельством, что я и без ее помощи барахтаюсь в розовом студне. Не могу сказать, чтобы ее удары были такими уж болезненными, но обидными несомненно. А из зала несло:

— Эй, оглобля, поддай ей еще, поддай! Как я понимаю, под «оглоблей» незамысловатые клиенты «Розового фламинго» подразумевали мою противницу — лохматую Марго. А что, это незамысловатое прозвище ей подходило. Вон какой у нее крепкий каркас, а ноги как балясины парадной лестницы! А ведь, поди, именно такие и нравятся моему любвеобильному супермену. И вообще, может, ее снимок тоже наличествует в коллекции фотографий, которую мне вручила Альбина и которую я еще не успела как следует рассмотреть? С каждой минутой я распялялась все больше и больше. И когда Марго склонилась надо мной, чтобы в очередной раз шлепнуть и тем самым доставить удовольствие беснующимся завсегдатаям «Розового фламинго», я обхватила боксерскими перчатками ее крепкие лодыжки и изо всех сил потянула на себя. «Оглобля» с размаху бухнулась на пятую точку, да так, что к потолку полетели плевки розового желе.

Зал просто зашкалило от децибел, какими только способами зрители не выражали свой идиотский восторг: свистели, орали, топотали ногами, стучали по столам пивными кружками. А я продолжала расправляться с Марго. Не то чтобы я испытывала к ней лютую ненависть, просто только таким образом я могла покончить с этим сумасшедшим представлением. Однако моя соперница быстро пришла в себя и одним прыжком вырвалась из плена розового желе (вот что значит практика!). Пришлось мне нокаутировать ее снова, причем все тем же способом, сама-то я встать не могла. В продолжение следующих семи-десяти минут я повторяла этот нехитрый прием бесчисленное количество раз, и, судя по громогласным овациям, полудуркам с пивными кружками он несколько не надоел.

— Давай, давай, малютка! — орали со всех сторон. — Так ее, так!

Можно подумать, что я ради них старалась, на самом деле я просто пыталась улучшить момент, чтобы подняться и сбежать, но Марго-оглобля пресекала мои попытки буквально в зародыше, несмотря на то, что сама находилась на положении стреноженной лошади. Но в конце концов она уходилась не меньше моего, и какое-то время мы сидели в розовом желе друг напротив дружки, шумно дыша и отфыркиваясь. В рядах «восторженных зрителей» такая наша заминка вызвала недовольное роптание.

Изловчившись, я приподнялась на локтях, сгруппировалась и вырвала свое бренное тело из розовой зыби. «Публика» встретила мою «победу» шквалом аплодисментов, зато «оглобля», переняв у меня мою излюбленную тактику, попыталась вцепиться в мои лодыжки. И тогда я пнула ее ногой. Полудурки из зала взревели от наслаждения, а я, чтобы не потерять равновесие, замахала руками, как ветряная мельница. Удержавшись от падения, я почувствовала себя почти всемогущей и, когда Марго предприняла новую отчаянную попытку меня остановить, пнула ее ногой еще раз, уже посильнее.

Слышали бы вы, какие аплодисменты я сорвала, еще немного — и в меня полетели бы цветы, если бы, конечно, сидевшие за столиками парнокопытные хотя бы подозревали об их существовании. В любом случае я не стала дожидаться продолжения и удрала со сцены. Я уже скрылась за занавесом, а публика все еще скандировала:

— Малютка! Малютка!

В сумрачном тамбуре меня «принял» Лонг, сосватавший мне эту милую развлекуху.

— Куда?! — завопил он. — Все еще только начинается.

— Черта с два! — рывкнула я и пошла на него, словно он был невидимкой.

Хоть Лонг и отшатнулся, пара-тройка розовых плевков все же пристала к его костюму, и ему пришлось оттирать их платком. Я же двинулась в комнату с ширмой и засиженным мухами зеркалом, где остались мои вещички.

Бесцветный парнишка-гример дремал в кресле, и мое явление застало его врасплох.

— Где у вас душ? — гаркнула я.

— Что? — Он вздрогнул.

— Где душ, спрашиваю? — повторила я с придыханием.

Моя решимость привела его в полную растерянность.

— У нас пока нет душа, — пробормотал он, оправдываясь, — я дам вам чистое полотенце.

Еще бы он дал мне грязное!

— Черт знает что! — выругалась я, скрываясь за ширмой. — Сначала бросают в это розовое дерьмо, а потом говорят, что душа нет. — Полотенце из рук бесцветного типчика я все-таки приняла, двумя пальчиками, и стала вытираться, поминутно чертыхаясь.

За ширмой кто-то откашлялся, и я приподнялась посмотреть, кого там еще принесло по мою душу. Пыл недавнего поединка с долговязой Марго еще не остыл во мне, и я готова была оторвать голову первому встречному-поперечному. А если учесть, что таковым оказался

карлик, по прямому повелению которого меня выпихнули на этот, с вашего позволения, ринг...

— Ну что еще? — прорычала я на него из-за ширмы. — Может, стриптиз показать? — Страх, еще недавно владевший мною всецело, совершенно улетучился, уступив место тотальной ненависти. Я ненавидела всех поголовно, начиная с Урфина Джюса и кончая Тимуром, который преспокойненько отлеживался в моей постели, пока я подвергала себя опасностям и унижениям. Кстати, еще неизвестно, что хуже.

Однако, против ожидания, заморыш моего грозного рыка не убоился и завел престранную речь:

— Э-э, милая... У меня к тебе выгодное предложение. Поскольку публике ты понравилась, не желаешь ли заключить контракт? Ну, хотя бы на полгода. Уверю тебя, ты не пожалеешь.

Спешно натягивая юбку на скользкое, несмотря на усиленные обтирания полотенцем, тело, я живо представила себе умильную картинку: висящий у входа в это паршивое заведение рекламный щит «Только раз и только у нас. Знаменитая Малютка — победительница Оглобли!» Бр-р!..

— Ну так что, по рукам? — Карлик был само обаяние, насколько это возможно при его внешних данных, разумеется.

— Нет, не по рукам! — огрызнулась я, напяливая блузку.

— Почему? — искренне обиделся мой тщедушный вербовщик.

— Муж не разрешает, — фыркнула я, проверяя содержимое своей сумки. Кто знает, на что способны эти проходимцы.

— А что муж? — не отставал от меня карлик. — С теми бабками, которые ты будешь иметь, он будет сидеть дома и варить тебе борщ!

Я попыталась вообразить Тимура с поварешкой в руках, но это мне не удалось. Может, потому что он был мне и не муж вовсе? Что бы она там ни говорила, права на него оставались у Альбины, а у меня... а у меня — мои знамена и хоругви с любовно вышитым на них золотом именем «Тимур». С ними-то я кидаюсь очертя голову из одной передраги в другую. Вот и сейчас в голове у меня только одно: не упустила ли я Урфина Джюса? Когда я удирала со сцены, он еще трепался по мобильнику, но с тех пор вполне мог и слинять. Поэтому времени на разглагольствования со всякими там сомнительными карликами у меня не было. А тот прилип не хуже розового желе:

— Так договорились или нет?

— Не договорились! — отрубила я и вылетела из-за ширмы.

Карлик мне особенно и не препятствовал, зато откуда ни возьмись в дверях возникла Марго, злая, липкая и ошиканная «публикой».

— Ты чего вытворяешь?! — завопила она на меня. — Ты почему меня бросила?

— С дороги! — рывкнула я, и мой более чем решительный вид заставил ее отступить. Только мне и не хватало упустить по ее милости Урфина Джюса! К чему тогда, спрашивается, все мои жертвы?

Не знаю, стоит ли считать это везением, но Урфин Джюс был все еще в зале. Он как раз расплачивался, облокотившись о стойку бара. Я полюбовалась на него сквозь стеклянную дверь вестибюля, соображая, что мне предпринять дальше. Пожалуй, лучше подождать его у входа, а заодно и машину подыскать, чтобы не метаться в панике, когда он запрыгнет в свою синюю тачку с ладонкой на заднем стекле.

Именно так я и поступила, и все было бы замечательно, если бы на улице меня не догнал Лонг. Видно, карлик его послал.

— Ну зря, ну зря ты так, — запричитал он, — работа плевая, а деньги хорошие!

— Отстань! — отрезала я громким шепотом.

Урфин Джюс как раз вышел из «Розового фламинго», и мне совсем не хотелось привлечь его внимание к своей персоне.

А Лонг из кожи вон лез, пытаюсь меня переупрямить:

— От таких бабок отказываешься, всего за десять минут работы. Да если я свистну, столько желающих набегит...

— Вот и свистни! — посоветовала я ему, продолжая следить за Урфином Джюсом. Должна сказать, наша с Лонгом перебранка не ускользнула от внимания Урфина Джюса. Прикуривая сигарету, он покосился в нашу сторону, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. А вдруг он меня узнал?

Закурив, он достал из брючного кармана ключи от машины, нажал на брелок сигнализации, и синяя иномарка ответила ему нежным, почти голубиным воркованием. Я отпихнула от себя Лонга, почти как Марго, столь ненавистную мне на ринге, и вытянула шею, высматривая поблизости такси. На мое счастье, бежевая «Волга» с шашечками, будто по заказу, припарковалась на стоянке у «Розового фламинго», из нее выкатился мерзкий тип с блудливыми глазками. (Эх, бедняга, такое представление пропустил!) Я тут же бросилась к освободившемуся такси:

— Свободен?

Водитель, парень лет двадцати семи, безразлично пожал плечами: мол, сама видишь, и я торопливо плюхнулась на переднее сиденье. И тут же мне на колени полетели свернутые в трубочку деньги. Я подняла глаза и увидела Лонга.

— Это тебе за сегодняшнее, — заявил он с усмешкой. — Надумаешь еще — приходи, всегда рады.

Таксист приподнял брови и усмехнулся:

— Так куда едем?

Могу себе представить, что он обо мне подумал, но стоит ли объяснять, какая я на самом деле белая и пушистая, все равно ведь не поверит. Поэтому я только уточнила:

— Жми за той синей машиной, видишь?

Таксист молча прибавил газу.

Глава 14.

ПЛАЧ ПО УРФИНУ ДЖЮСУ

Можно подумать, Урфин Джюс решил меня разорить, так долго он кружил по городу.

— Денег-то хватит? — покосился на меня таксист, который в отличие от зануды-ученицы на старой одышливой «Волге» не донимал меня расспросами о том, кого это я преследую. И слава богу. Что бы я ему сказала? Над историей про неверного мужа после сцены публичного метания дензнаков он наверняка посмеялся бы.

Я вздохнула, покосилась на грязные бумажки, брошенные мне на колени, брезгливо их пересчитала, а заодно сверила полученную сумму с цифрами, прыгающими в счетчике. Вроде должно хватить, если только этот поганец Урфин Джюс не усвистит за пределы области. Куда его черт несет, интересно? Мы давно миновали центр города и теперь пылили по одноэтажным дачным предместьям, тихим и, как принято считать, экологически чистым, за которыми открывалось чистое поле. Вернее, чистое до недавних пор, потому что около года назад здесь закипела стройка века. Что именно здесь возводится, сказать трудно, но краем уха я слышала, будто бы чуть ли не фешенебельный микрорайон для особо зажиточных граждан.

Лично я верю в это с большим трудом, хотя местечко и в самом деле неплохое: рядом березовая роща, чистая (пока что) речка, пруды, именуемые в народе Пионерскими, песчаный пляж и прочая природа. Короче, не знаю, что будет в этом райском уголке, но в данный момент тут можно наблюдать около десятка недостроенных девятиэтажных панельных коробок. Они производят впечатление позабытых-позаброшенных, и вообще не заметно, чтобы здесь кипела работа. Прибавьте к этому жуткую, разбитую строительной техникой дорогу — просто колдобина на колдобине, а также котлованы и рытвины по обеим ее сторонам. Прямо лунный ландшафт какой-то.

И вот сюда-то и прикатил Урфин Джюс, а за ним и я. Синяя иномарка притормозила у крайней девятиэтажки, Урфин Джюс выбрался из машины и юркнул в подъезд недостроенного дома. Что ему там понадобилось, хотела бы я знать?

— Ну все, что ли, приехали? — осведомился таксист, тормознув на приличном расстоянии от моего «объекта», хоть я его об этом и не просила. По крайней мере, не дурак, понимает, что слежка — дело серьезное и тонкое, почти как Восток.

— Приехали, — кивнула я и сунула ему бумажки, заработанные возней в розовом желе.

Таксист быстро пересчитал деньги и уважительно присвистнул:

— Что, подождать?

— Естественно, — капризно дернула я плечом, хотя первоначально этого не планировала. И вообще я не знала, что делать дальше. Все-таки безлюдный пустырь не набережная и не клуб «Розовый фламинго», здесь я вся на виду. Не лучше ли отсидеться в такси?

Я так и сделала, открыла дверцу, чтобы было не так жарко, и стала ждать, когда Урфин Джюс вернется в свою машину. Пейзаж вокруг был унылый, индустриальный, и ни одной живой души, что, впрочем, неудивительно — время-то позднее. Тем более непонятно, что здесь мог делать Урфин Джюс.

Прошло минут двадцать, а мой кладбищенский знакомец не возвращался. Я стала ерзать на

сиденье, а таксист то и дело многозначительно посматривал на счетчик.

— Ладно, — сказала я себе, — пойду посмотрю.

Нехотя выбралась из машины и направилась в сторону недостроенной панельной коробки.

Можете себе представить, какое у меня при этом было настроение. Я ведь надеялась, что Урфин Джюс приведет меня к своему дому или, на худой конец, к дому своей любовницы, после чего я, применив женскую хитрость, все про него выведаю у соседей. А он приволок меня в этот волчий угол, вошел в недостроенную девятиэтажку, зачем, почему — ломай теперь голову. Что он там вообще делает? Единственный способ это узнать — войти в тот же подъезд. А дальше? Вдруг я столкнусь с ним нос к носу, что тогда? Но ждать до бесконечности я не могу. Во-первых, через час-полтора станет совсем темно, во-вторых, таксист уже сейчас выказывает нетерпение, а остаться в таком безлюдном месте одной, ну нет, увольте. В общем, выбор у меня скудный: либо идти за Урфином Джюсом, либо возвращаться назад. Предпочтительнее, конечно, второе, но тогда зачем я вообще сюда приволоклась? Спросите что-нибудь полегче.

И все-таки я решилась. Чем ближе я подходила к пустой девятиэтажной коробке, тем больше замедляла шаг. Представляю, как нелепо я выглядела со стороны: словно кто-то невидимый подталкивал меня в спину. Время еще покажет, скольких седых волос мне стоило войти в дверной проем проклятой девятиэтажки, но я это сделала. Предварительно развернув над головой свои умозрительные знамена и хоругви. И только я поставила ногу на цементный пол долгостроя, как откуда-то сверху до меня донесся явственный стон. Мурашки пробежали по моему телу, все еще липкому от розового желе...

В идеале мне нужно было бежать куда глаза глядят. А еще лучше вообще здесь не появляться. И не влезать в эту запутанную и страшную историю. Но тогда мне как минимум не нужно было встречаться с Тимуром, любить его и думать о нем всякую минуту, и пускать его, побитого и несчастного, в свою квартиру прошлой ночью. Но разве могла я так поступить? Думаю, ответ вам ясен. Вот и сейчас, вместо того чтобы бежать без оглядки, я медленно пошла вверх по грязной, заваленной ржавой арматурой и кусками застывшего цемента лестнице.

Урфин Джюс, скрючившись, лежал на площадке второго этажа. Мне одного взгляда хватило, чтобы понять: в данный момент он не представляет для меня никакой опасности. Этот урод прижимал руки к животу и протяжно стонал, его крупные ладони мужика от со?(и были щедро вымазаны кровью. Капельки яркой крови трогательными бусинками то тут, то там светились в строительной пыли. Предательский червячок жалости к Урфину Джюсу шевельнулся в моей груди.

Я присела рядом с ним на корточки и глянула ему в лицо, выражавшее безмерное страдание: низкие косматые брови сведены на переносице, синюшные губы стиснуты. Я подумала, что даже киллеры не заслуживают таких мучений.

Вдруг он открыл глаза и посмотрел на меня.

— А, это опять ты... — тихо сказал он.

Значит, узнал.

Я зачем-то взяла его за руку и пообещала:

— Сейчас мы отвезем вас в больницу. Тут у меня рядом такси...

— Не надо, — отрицательно покачал он головой и снова застонал.

— Сейчас, сейчас! — Я вскочила, хотела уже бежать за таксистом, но остановилась. Снова наклонилась над раненым киллером и спросила, вежливо так и участливо:

— Скажите, пожалуйста, кто и почему хочет убить Тимура Проскурина?

Урфин Джюс растянул губы в странном подобии улыбки:

— Я тут ни при чем...

Я хотела ему возразить, но его мученическое лицо вдруг разгладилось, он зевнул, словно только что встал с постели, и затих. Умер, Урфин Джюс умер! Я села на пыльные ступеньки и заплакала. Я плакала от усталости, от обиды, от безнадежности собственных попыток разобраться в хитросплетениях этой запутанной головоломки и еще самую малость... от жалости к Урфину Джюсу. Пусть он и киллер, но тоже имеет право на малую толику сочувствия. До вчерашнего дня я ничего о нем не знала, половину сегодняшнего дня люто ненавидела, а теперь он лежал у моих ног, в пыли, мертвый и беззащитный, как брошенный ребенок. А Варфоломей? Варфоломея я тоже впервые видела вчера, на кладбище, над могилой мнимого Тимура, а через день-другой его самого заруют где-нибудь неподалеку. Ужас? Еще какой!

Поглощенная этими печальными мыслями, я не сразу сообразила, что тот, кто убил Урфина Джюса, сейчас где-нибудь поблизости. Не исключено, что он стоит этажом выше и только и ждет удобного момента, чтобы нанести новый удар. Крик застрял у меня в горле, в сознании все смешалось...

Очнулась я только в такси. — Все в порядке? — спросил меня парень-водитель.

Я молча кивнула. Не могла же я ему рассказать о трупе, лежащем на грязной лестнице недостроенной панельной девятиэтажки.

* * *

Я чувствовала себя чуть-чуть получше, чем Урфин Джюс, и страстно мечтала о собственной постели, в данный момент занятой любимым, но неверным мужчиной. Кстати, только мысль о нем заставила меня разлепить пересохшие губы и попросить таксиста, чтобы он остановил машину у ближайшего к моему дому гастронома.

— Подождать? — привычно осведомился он. Видно, щедрость моих чаевых произвела на него благоприятное впечатление.

Я распределила остатки сил таким образом, чтобы их хватило на две вещи: отрицательно покачать головой и, побряхтывая, выбраться из автомобиля. Вот уж не думала, что за один только день можно из в меру привлекательной женщины в расцвете лет превратиться в полную развалину. Впрочем, экономить следовало не только силы, но и деньги, ибо последние неумеренные траты нанесли существенный, если не сокрушительный удар по моему бюджету. Во всяком случае, того, что у меня осталось после расчетов с таксистом, хватало на литр молока и пару сдобных булок. Ничего, больным показана диета. Такси медленно отъехало от тротуара, подмигивая мне на прощание левой фарой, а я побрела к гастроному, прихрамывая на обе ноги.

Нехитрые покупки отняли у меня кучу времени, потому что я бродила между уставленными

товаром полками, будто в трех соснах заблудилась, а мысли мои были там, в недостроенной девятиэтажке. Все, мой поиск зашел в тупик, вынужденно констатировала я, последняя ниточка оборвалась. Мне не удалось выяснить, с кем должен был встретиться Урфин Джюс на Кондратьевской набережной, мне даже не удалось узнать, кто убил Варфоломея: Урфин Джюс или Альбина. Мне вообще ничего не удалось. Впрочем, тут с какой стороны посмотреть. По крайней мере, участи Варфоломея и Урфина Джюса я все-таки избежала, при том, что мои шансы разделить их печальную судьбу были очень даже велики. Мне нужно радоваться, а я давлюсь слезами, и все из-за того, что мне рассказала Альбина. Из-за этих паршивых фотографий, вдребезги разбивших мои мечты о любви. Подумать только, ведь еще сегодня утром я на одной ножке от счастья прыгала: мой супермен вернулся ко мне даже с того света, ко мне и только ко мне!

С головой погрузившись в эти безрадостные размышления, я проблуждала по гастроному не меньше четверти часа, не сразу вспомнив, за чем я, собственно, пришла. Я ничего не видела, потому что перед моими глазами стояли пышнотелые блондинки и субтильные брюнетки из коллекции моего супермена, которого я считала лучшим мужчиной всех времен и народов! Вот приду сейчас и выскажу ему все, что я о нем думаю. Швырну в его смазливую рожу глянцевые карточки, сделанные частным сыщиком по Альбининому заказу.

К тому моменту, как я добралась до кассы, я распалилась до такой степени, что с великими трудностями отсчитала нужную сумму. С каким удовольствием я бы расцарапала физиономию этому блудливому мартовскому коту, если бы она, эта физиономия, не была бы помята и без моей помощи. Вспомнив о Тимуровых увечьях, я самую малость поостыла. Эх, придется мне повременить с праведным гневом, по крайней мере до тех пор, пока Тимур не поправится. Вся проблема в том, что я его люблю так же сильно, как ненавижу.

— Ладно уж, потерплю, самую малость потерплю, — цедила я сквозь зубы по дороге к дому, и редкие ночные прохожие шарахались от меня в стороны, принимая за городскую сумасшедшую. Не так уж сильно они ошибались.

Что меня насторожило, так это темные окна моей квартиры. Сначала я запаниковала, а потом рассудила, что Тимур всего лишь не хочет афишировать своего присутствия исключительно в целях конспирации. Чтобы найти ключ от квартиры, мне пришлось перетряхнуть сумку. Ужаснее всего, что фотографии Тимуровых одалисок при этом рассыпались по кафельному полу и мне пришлось долго собирать их в крошечной темноте, проклиная себя за неуклюжесть и вытирая пыль подолом юбки. Потом я возблагодарила бога за то, что подниматься мне нужно всего лишь на один этаж, в противном случае я бы, наверное, заснула в подъезде под лестницей, так я устала.

Наконец я открыла злополучную дверь, ввалилась в квартиру и нашарила на стене выключатель. Свет выхватил из темноты вешалку в прихожей, кресло и край свисающего с кровати одеяла.

— Тимур! — позвала я слабым голосом.

В ответ — ни звука.

Я сбросила туфли, идти босиком было приятно. Вошла в комнату и остолбенела:

Тимура в постели не было!

Это был шок. Какое-то время я молча гипнотизировала пустую кровать, потом плотно зажмурила глаза и открыла их вновь в надежде увидеть Тимура. Увы, моим чаяниям не

суждено было сбыться. Я стала метаться по квартире, заглядывая во все уголки и щели, словно искала не высокого мужчину в расцвете лет, а иголку. Нигде! Не только Тимура, но даже малейшего напоминания о нем. Словно его и не было вовсе. Я потеряла лоб: так что же, он мне приснился? А желтый конверт? Я подбежала к кровати и сунула руку под матрас: ничего!

Стоп, сказала я себе, успокойся и сосредоточься, но вместо этого галопом бросилась на кухню, чтобы заглянуть в мусорное ведро, в котором должны были лежать ошметки гипса, оставшиеся после утреннего визита Люси. Но и ведро оказалось девственно чистым. Мне стало страшно. Нет, не за себя, ибо я ни одной минуты не сомневалась в том, что с головой у меня все в порядке, а за Тимура. Где он, что с ним?

Я вернулась в комнату, легла на кровать, еще хранившую запах Тимура (вот оно доказательство!), и уставилась в потолок. Я прокручивала в голове варианты один страшнее другого. Номер один: Тимура арестовала милиция. Нет, это исключено. Стали бы милиционеры выносить мое мусорное ведро! И потом, меня бы тогда тоже замели за соучастие, или, как там у них, за укрывательство. Значит... Значит, милиция тут ни при чем.

Но если не милиция, то кто? А вдруг до него добрались те самые негодяи, что уже пытались его убить? Но как они могли узнать, что он жив? Как-то узнали, а теперь им и вовсе никто не воспрепятствует с ним расправиться, поскольку для всех, кроме меня, Тимур мертв. Кто помешает им убить его и замести все следы вплоть до ошметков гипса в мусорном ведре? Никто, кроме меня, потому что я знаю, что он жив, и им придется убить и меня тоже. Странно, что они до сих пор этого не сделали. Раз уж они проникли в мою квартиру, запросто могли бы устроить здесь засаду, я бы и пикнуть не успела. Отсюда вывод: либо эти преступники не блещут умственными способностями, либо они вернутся с минуты на минуту и доведут свое черное дело до конца, либо...

Либо вариант номер три. Здесь не было ни милиции, ни преступников, Тимур сам ушел. Со сломанной ногой? Но ведь как-то он прищандыбал ко мне прошлой ночью, да и Люська не дала мне стопроцентной гарантии в том, что у него перелом. Может, ушиб или вывих. А чтобы подтвердить или опровергнуть предварительный диагноз, нужно сделать рентген.

Ну хорошо, допустим, Тимур в состоянии передвигаться без посторонней помощи. Ему надоело здесь валяться, и он ушел. Вот только куда? Сердце мое кольнуло: а если он все-таки решился на явку с повинной? Но почему он не оставил мне даже записки, почему? Будто не знал, что я буду волноваться! И вдруг меня словно током пронзило, я вспомнила слова Альбины:

«Будь он жив, наверняка вернулся бы ко мне».

Ну нет... А почему, собственно? Все-таки, несмотря ни на что, она его законная жена, к тому же их связывают двадцать лет совместной жизни. Но ведь прошлой ночью он пришел ко мне, схватилась я в который раз за тонкую соломинку. Это значит, что я ему небезразлична, что в трудный момент он вспомнил обо мне, ну как в песне поется: «Ты так захочешь теплоты, не любившейся когда-то...» Ага, выпал из своей разбитой машины и сразу же захотел моей теплоты.

Если только всему этому не найдется более прозаического объяснения. Как вам такое, например? Я живу на окраине, а следовательно, ко мне с загородного шоссе, ведущего к Тимуровой даче, добираться ближе. Это называется: а ларчик просто открывался... Ох, лучше об этом не думать! Я пододвинула к себе телефон, набрала номер Тимура, прижала трубку к уху и замерла. В ответ — только протяжные гудки. Нажав на рычаг пальцем, я повторила свою попытку — и снова безуспешно.

Я еще долго набирала номер домашнего телефона Тимура, иступленно вслушиваясь в гудки. Дошло до того, что мне за ними стали мерещиться странные звуки, похожие на смех. Как будто Тимур и Альбина хихикают над моей наивностью и доверчивостью. Испугавшись этой галлюцинации, я отшвырнула трубку и свернулась калачиком на полу, совсем как умирающий Урфин Джюс. Итак, мой супермен или ушел в милицию сдаваться, или попал в руки врагов, или вернулся к Альбине. Уж не знаю, что и предпочесть.

Глава 15.

В КОТОРОЙ Я ЗАВРАЛАСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО И, ОЧЕНЬ МОЖЕТ БЫТЬ, БЕСПОВОРОТНО

Вы пробовали когда-нибудь спать на полу? Нет? Тогда не советую вам этого делать и впредь. Мой пример тому печальное подтверждение. Ума не приложу, как я умудрилась заснуть на полу, зато, проснувшись, почувствовала себя говяжьей отбивной. Меня только и оставалось посолить, поперчить и сунуть в духовку. Я даже подняться сразу не смогла, встала на четвереньки и, увидев пустую постель, брошенную на пол сумку и вывалившиеся из нее фотографии, чуть не завывала от тоски. Затекшее тело ломило, а душа разрывалась от страха и отчаяния.

И все-таки я заставила себя сварить крепкого кофе без сахара, а затем его выпить. Не могу сказать, чтобы это сильно улучшило мое настроение, но мозги немного прояснило. Походив из угла в угол, я снова вцепилась в телефонный аппарат и даже набрала две первые цифры Тимурова номера, но потом передумала и вернула трубку на рычаг. Допустим, на этот раз мне ответят. Хорошо, если Тимур. А вдруг это будет Альбина? И что я ей скажу? Спрошу:

«Не у вас ли случаем ваш муж?» А если он не у нее и она по-прежнему пребывает в святой уверенности, что ее гуляка-муж лежит на Новониколаевском кладбище и ей не стоит больше переживать по поводу его многочисленных интрижек на стороне?

Взвесив все «за» и «против», я решила снова нагреть к Альбине без предупреждения. Она откроет дверь, и уже по ее первой реакции я догадаюсь, вернулся к ней Тимур или нет. Гм-гм, а что я стану делать, если он там? Вежливо извинюсь и ретируюсь? Ну нет, так легко он не отделается. Уж я не откажу себе в удовольствии залепить ему пару оплеух за все: за то, что врал про разбитую болезнями жену, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся вполне здоровой роскошной блондинкой, за обширную коллекцию любовниц (а я-то была уверена в своей исключительности!), а также за череду неприятных приключений, пережитых мною по его же милости. Да-да, я непременно надаю ему пощечин и посоветую самостоятельно выбираться из своих передрыг. Пусть теперь рассчитывает на Альбину или на какую-нибудь из фотографических красоток, но только не на меня. Одним словом, баста!

Правда, прежде чем отправиться по знакомому адресу, мне пришлось позвонить на службу и попросить еще один отгул, сославшись на семейные обстоятельства. Начальник дал мне «добро», хоть и не без скрипа, и в голосе у него были недовольные нотки. Ну, разумеется, я ведь усложняла его жизнь, зато, когда он просит меня поработать в выходной, мое согласие воспринимается так естественно. Ну что ей еще делать, раз у нее ни мужа, ни детей!

Урегулировав вопрос с отгулом, я взялась за гардероб, взялась серьезно и основательно. Ничего удивительного, последнюю встречу с предавшим меня любовником следовало обставить по высшему классу. Не могу же я явиться к нему в измятой юбке и с размазанным макияжем! Ну нет, в таком виде только ползать у ног и молить: вернись, я все прощу. А я не

умолять туда явлюсь, а заклею его презрением. Войду, выскажу все, что думаю, и удалюсь с гордо поднятой головой, эффектно и непреклонно. Чтобы он до конца своих дней вспоминал, как я на него взглянула, как повернула голову, как простучала каблучками на прощание... У Блока, кажется, есть подходящие строчки на эту тему, дай бог память. Ах да: «...Неужели и жизнь отшумела, отшумела, как платье твое?» Я так растрогалась, представив Тимуровы угрызения на склоне дней, что чуть не разревелась.

Но рыдать мне было не с руки, потому что слезы сильно затруднили бы выбор подходящего наряда, ну того самого платья, которым мне предстояло «шуметь», навсегда уходя из жизни Тимура. А почему бы не надеть бирюзовое из натурального шелка? Между прочим, оно было на мне при первой нашей случайной встрече. А что, это было бы неплохо, как говорится, в чем пришла, в том и ушла. Опять же у меня к бирюзовому платью имеются замечательные сережки с голубыми топазами, похожими на глаза сиамской кошки. Отлично, а что мне обуть? Лучше всего белые лодочки на высокой шпильке, в них я буду выглядеть почти высокой, да и оплеухи Тимуру отвешивать в них будет не в пример удобнее, поскольку на маленьком каблучке я едва дотягиваюсь до его подмышек.

Покончив с экипировкой, я взялась за макияж. Никогда прежде я не наносила его с таким тщанием. Когда работа была выполнена, я прошла перед зеркалом, будто Синди Кроуфорд по подиуму. В принципе я была собой довольна. Может, захватить несколько цветочков для романтического флера? Сначала я обрадовалась этой мысли, но, по зрелом размышлении, не без сожаления от нее отказалась. В бирюзовом платье, белых лодочках да еще с букетом я буду похожа на невесту. И вообще лучше бы мне явиться туда с веночком, чтобы повесить его на шею «усопшему». Не смотаться ли мне на, кладбище за тем, из голубых незабудок, с посвящением «Незабвенному коту от киски», чтобы доставить его адресату? А что, неплохая идея, если бы не одно «но»: я сильно сомневаюсь, что трогательные незабудки все еще украшают свежую могилку. Неуловимый Джо и его подопечные старушки-бомжихи наверняка уже приделали ноги этому прощальному дару любви и скорби.

Всю дорогу до дома Тимура я репетировала свой монолог, который, непременно, должен быть: а) кратким, б) ироничным и в) производить эффект внезапно сошедшей с Гималаев лавины. Оказавшись у знакомой двери, я констатировала, что моя пламенная речь вполне готова, но в конце концов решила положиться на импровизацию, поскольку заученный текст легко смешать одной-единственной фразой. Прежде чем нажать на кнопку звонка, я не поленилась достать из сумочки пудреницу, дабы проверить состояние макияжа, потом поправила платье, откашлялась и...

Дверь мне открыла вовсе не Альбина. И даже не Тимур. А какой-то совершенно неизвестный мужик в расстегнутой чуть не до пупа рубашке, светлых брюках и кроссовках.

— А... Альбину... можно? Где она? — растерянно пробормотала я. Мой решительный настрой разбился о круглую физиономию незнакомого типа, как волна о скалистый берег.

— Проходите, пожалуйста, — вежливо предложил незнакомец.

И я перешагнула порог, как механическая кукла, которая не может остановиться, пока завод не кончится. В прихожей ничего не изменилось, что творилось на кухне и в других комнатах, осталось для меня тайной, а в гостиной обнаружили еще трое совершенно неизвестных мне типов. Один выглядывал в окно, придерживая двумя пальцами ажурный тюль, второй почему-то копался в том самом комод, из которого накануне Альбина достала фотографии Тимуровых «кисок», а третий и вовсе ползал по полу, такое впечатление, что он рассматривал рисунок на ковре. Уж не сцену ли ограбления я застала?

Я застыла, как соляной столб, а четвертый, ну тот, что вежливо пригласил меня войти, а теперь стоял за моей спиной, настойчиво предложил во второй раз:

— Проходите, пожалуйста. Я была не оригинальнее его, потому что повторила:

— А где Альбина?

— Ладно, Потапов, я сам поговорю с дамой. — Тот, что рылся в комод, прервал свое увлекательное занятие и повернулся ко мне лицом. Не могу сказать, чтобы оно у него было супермаргинальное, но ярких признаков интеллекта на нем не наблюдалось. И внешность такая невыразительная, что даже с возрастом определиться проблематично, что-нибудь от тридцати двух до пятидесяти.

Потапов безропотно ушкандыбал в прихожую, а уславший его тип вкрадчиво осведомился у меня:

— А вы Альбине Васильевне кто будете?

— Я? — Мне стало как-то нехорошо, даже голова закружилась. — Просто... Просто знакомая. А в чем дело? Вы... вы кто?

— Извините, не представился. — Он сунул мне под нос небольшую красную книжечку, которая подействовала на меня не хуже нашатыря, и прибавил на словах:

— Капитан Петраков.

— Очень приятно. — Я так боялась показаться невежливой, что скорее всего выглядела полной идиоткой.

— А мне приятно, что вам приятно. — У этого капитана Петракова было специфическое чувство юмора. — Но мне будет еще приятнее, когда я узнаю, с кем имею дело.

Собственные имя и фамилию мне удалось выговорить приблизительно с шестой попытки, никак не раньше, а отчество я вообще с перепугу перепутала. Боюсь, что моя растерянность не осталась незамеченной капитаном Петраковым.

— А... где же все-таки Альбина? — пролепетала я.

Но капитан Петраков ничего не ответил, только показал мне на кресло, то самое, в котором я сидела накануне, когда притачилась сюда, вся кипящая праведным гневом. А сам уселся в другое — в нем вчера сидела Альбина — и буднично так поинтересовался, словно желая заполнить образовавшуюся паузу:

— Значит, вы знакомая Альбины Васильевны. А при каких обстоятельствах произошло это знакомство, если, конечно, не секрет?

Я догадалась, что это уже допрос, но не совсем типичный, как бы даже изощренный. Впрочем, много ли я знала о допросах, ведь этот, если мне не изменяет память, первый в моей жизни.

— С Альбиной? — тупо переспросила я. Роль идиотки удавалась мне на славу, таким образом я маскировала лихорадочную мыслительную деятельность. Разумеется, не в моих интересах дурить компетентные органы в лице капитана Петракова, но страх навредить Тимуре заставлял меня быть осмотрительной. Все зависит от того, знает ли этот капитан правду о Тимуре. Если

знает, значит, я должна, нет, просто обязана быть с ним предельно откровенна, если же нет, то лучше мне повременить до выяснения всех обстоятельств. Наконец я сообразила, что мне ему ответить:

— Я... Я знала ее через мужа. Через ее мужа. Он... он заказывал рекламу в нашем агентстве, ну, в агентстве, в котором я работаю.

Молодец, девочка, мысленно похвалила я себя, здесь не придерешься. Тимур действительно заказывал рекламу в нашем агентстве, и только благодаря этому мы и познакомились (зачем скрывать то, что легко проверить?), а наши с ним романтические отношения я никогда и ни с кем на работе не обсуждала. Так что здесь не столько ложь, сколько полуправда, ну если хотите, фантазия или игра воображения. Как вам больше нравится. Кроме того, льщу себя надеждой, этим ответом я убивала сразу двух зайцев. С первым зайцем мы более-менее разобрались (см, выше о лжи и полуправде), что касается второго, то, намеренно упоминая Тимура, я рассчитывала на реакцию капитана Петракова. Возможно, капитан как-нибудь проговорится, и тогда я пойму, что он знает о Тимуре.

Но капитан Петраков не проговорился, точнее, он ничего не сказал о моем супермене, только неопределенно молвил:

— Понятно, понятно...

А в следующую минуту огорошил меня очередным вопросом, который я бы назвала убийственным:

— А сегодня вы зачем к ней пожаловали? Весь ужас состоял в том, что на этот вопрос можно было сказать либо правду, либо ложь. Третьего мне было не дано, поскольку я так и не выяснила, что капитан Петраков знает о Тимуре. И тогда я пошла ва-банк:

— Н-ну, вчера я случайно узнала, что Тимур, ее муж, трагически погиб в аварии, и пришла выразить ей свое соболезнование.

Тут уж было что ни слово, то вранье, как вы понимаете. Вот что значит привычка к риску.

— Соболезнование? — многозначительно повторил капитан Петраков и с интересом посмотрел на мое бирюзовое платье, словно хотел фасончик снять.

Я подавленно кивнула. Что и говорить, вид у меня был далеко нетраурный, хорошо еще, что я цветочки с собой не захватила, как собиралась.

— Надеюсь, вы не очень торопитесь? Неожиданный переход! Главное, непонятно, куда он клонит? Намекает на то, что домой я сегодня не вернусь?

— Это я к тому спрашиваю, что беспокоюсь, не задерживаю ли вас? — растолковал свой предыдущий вопрос капитан. — Вид у вас такой торжественный. — Все-таки он меня уколол.

— Н-нет, — замотала я головой, — т-то есть да, у меня еще есть кое-какие дела, но если вас что-то интересует, я готова ответить на все ваши вопросы.

— Вот и миленько, вот и симпатично. — Капитан Петраков как-то нехорошо улыбнулся. — Тогда я воспользуюсь вашим благорасположением.

Я вся напряглась, а он продолжил свою вежливую пытку:

— Значит, вы узнали о смерти Тимура Проскурина. А при каких обстоятельствах, не припомните?

— Так ведь... Я позвонила к ним на фирму — я же вам говорила, что наше агентство делало для них рекламу, — а секретарша мне прямо так и сказала: Тимур Алексеевич погиб в автокатастрофе...

— Ясно, — капитан Петраков шмыгнул носом, — а Баркасова вы тоже знали по работе?

— Баркасова? — На этот раз мне даже не пришлось морщить лоб, изображая глубокую задумчивость. Эта фамилия мне и в самом деле ничего не говорила. Понятия не имею, кто такой Баркасов. И вообще я слышу эту фамилию первый раз в жизни.

— Варфоломея Баркасова, компаньона Проскурина, — услужливо подсказал капитан.

Надеюсь, что после этого уточнения чело мое прояснилось самым естественным образом:

— Ах, Варфоломей! Ну да, его я тоже знала, немного, тоже по работе.

Теперь я догадалась, откуда ветер дует. Конечно, они уже нашли труп Варфоломея, расспросили секретаршу, которая рассказала им о моем вчерашнем визите к Варфоломею. И я сыграла на опережение, предвосхитив вопрос, наверняка крутившийся на языке у моего визави:

— К нему, ну, к Баркасову, я тоже вчера заходила, чтобы урегулировать кое-какие проблемы, связанные с оплатой услуг нашего агентства... И соболезнование я ему тоже высказала...

— Гм-гм, — капитан Петраков откашлялся в крепкий крестьянский кулак. — Не помните ли, в какое время вы его посетили?

— Нет ничего проще. — Я снова храбро полезла в воду, не зная броду. — Когда мы разговаривали, в кабинет заглянула секретарша и отпросилась на обед, так что было около часа, я думаю.

— И долго вы у него пробыли?

— Да минут десять, не больше. — Теперь я говорила чистую правду, но в общем контексте...

Я приготовилась к новым вопросам, но капитан Петраков повел себя как-то странно. Поднялся с кресла, потянулся с хрустом и объявил:

— Ну что ж, благодарю вас за помощь.

— Я могу быть свободна? — усомнилась я в своем счастье.

— Разумеется, — капитан Петраков развел руками, — не смею вас больше задерживать. Оставьте только, пожалуйста, ваши координаты, ну домашний адрес, рабочий телефончик. Извините, формальности.

Я послушно выполнила его просьбу, все еще не веря, что так легко отделалась. Неужели этот капитан такой легковверный? Ведь он ровным счетом ничего не выяснил. Впрочем, я тоже ничего не поняла. Я по-прежнему не знаю, куда девался Тимур и где сейчас Альбина. Кстати, не повторить ли мне свой вопрос? По-моему, это будет вполне логично.

— Но где же все-таки Альбина?

— А разве я вам не сказал? — удивился капитан Петраков.

— Да нет, — растерялась я. Он вздохнул:

— Тогда придется вас расстроить. Вашу знакомую, Альбину Васильевну, этой ночью убили.

— Кто? — истошно заорала я и прикрыла рот ладонью.

— А вот этого мы пока не знаем, — озабоченно изрек капитан.

Я другими глазами посмотрела на паркет, по которому все еще ползал один из помощников капитана Петракова. Значит, законная жена Тимура Альбина, красивая, насмешливая и ироничная, теперь мертва?

Не могу в это поверить! Выходит, она так и не узнает, что ее любвеобильный супруг не спит вечным сном на Новониколаевском кладбище и что еще вчера он был в моей кровати, а где теперь, неведомо.

— До свидания, — сказала я деревянным голосом и шагнула в прихожую.

Парень, который впустил меня в квартиру, предупредительно распахнул передо мной дверь, и я шагнула в гулкую и безнадежную пустоту.

Глава 16.

КТО ТЫ, МОЙ СУПЕРМЕН?

С лестницы я скатилась кубарем, пулей вылетела из подъезда и рысью понеслась от этого проклятого дома. Дальше, дальше, дальше... Быстрее, быстрее, быстрее... Вдруг сыщики передумают и вернут меня обратно? Я словно слышала вкрадчивый голос капитана Петракова: «Ну и заврались же вы, гражданка Колпакова, мы ведь знаем, в каких отношениях вы были с гражданином Проскуриным. Не в служебных, а в любовных. А еще мы знаем, что ваш любовник жив. И сюда вы пришли не соболезнования вдове выражать, а его искать».

Остановилась я лишь после того, как совершенно выбилась из сил. Обнаружила себя в каком-то сквере и рухнула на ближайшую скамейку.

Что дальше, спрашивала я себя и не находила ответа. Может, вернуться домой, запереть дверь и тихо ждать, чем дело кончится, ни во что не вмешиваясь. Да, хорошая мысль, жаль только, не пришла мне в голову раньше. Теперь поздно. И если я вернусь домой, мне только и останется ждать, когда по мою душу явится капитан Петраков или кто-нибудь из его команды. Например, тот парень, что открыл мне дверь. И боюсь, на этот раз одними расспросами дело не обойдется. Ведь я теперь первейшая кандидатура на роль убийцы Варфоломея, поскольку остальные, а именно Урфин Джюс и Альбина, вышли из игры. Странно, что меня не арестовали прямо в Тимуровой квартире. И этой странности есть только одно объяснение — им не хватает фактов, они еще не знают, какие отношения связывали меня и Тимура, или догадываются, но пока не могут доказать. Зато когда докажут, навесят на меня всех: и Альбину, и Варфоломея. И тогда без Тимура мне не выкрутиться.

Да где же этот Казанова? Втравил меня в такую авантюру, а потом взял и исчез в неизвестном

направлении. А мне теперь расхлебывай. Пока его носит неведомо где, кто-то убил его жену, а он об этом даже не знает. Мысль о том, что с ним тоже расправились, я прогоняла от себя, как шелудивую уличную собачонку. Это что же: потерять его во второй раз, причем теперь на самом деле? Ну нет, я этого не переживу. Слезы полились из моих глаз, я полезла в сумочку за носовым платком и, конечно же, наткнулась на эти ужасные фотографии в конверте. Ох, лучше бы они мне не попадались, потому что на ум мне вдруг пришла совершенно запредельная идея: а что, если Альбину убил Тимур? Разумеется, я тут же погнала ее прочь самой что ни на есть поганой метлой, но она засела во мне, как заноза.

Этого не может быть, говорила я себе, Тимур не убийца. И сама же себе противоречила: «А много ли ты о нем знаешь, о своем драгоценном супермене?» И крыть было нечем, поскольку снимки, лежащие у меня на коленях, уже поколебали мою беззаветную веру. И все же ходить налево — это одно, а убивать — совсем другое. Сколько мужиков имеют любовниц, но это не означает, что они спят и видят, как порешить собственных супружниц. Что меня смущает, так это странное совпадение его исчезновения с убийством Альбины. Если бы сыщики знали то, что знаю я, то наверняка бы обвинили Тимура в убийстве Альбины, а меня объявили сообщницей. А если прибавить сюда то, что случилось с Варфоломеем и Урфином Джюсом... Господи, я похолодела, да ведь я понятия не имею, когда Тимур покинул мою квартиру, может, через пять минут после меня. А если так, то чисто теоретически все три убийства можно запросто повесить на него.

Но человек с ногой, закованной в гипс, на такое физически не способен, упорно искала я алиби для Тимура. Увы, и оно было весьма шатким. Во-первых, вы, конечно, помните, что перелом моя подруга Люся оставила под вопросом. Во-вторых, уж если он каким-то образом ко мне добрался, а потом ушел, то, откровенно говоря, все остальное тоже вполне вероятно. По крайней мере, с точки зрения формальной логики, коей и будет руководствоваться сыщик Петраков. А почему бы, задастся он вопросом, бизнесмену Проскуруину не убить и жену, и компаньона? И не привлечь при этом в помощницы свою полюбовницу гражданку Колпакову? Не сомневаюсь, он подгонит нас с Тимуром под подходящую статью. Вот только убийство Урфина Джюса не укладывается в сухую схему, но ничего, капитан Петраков придумает, как и его навесить на нас с Тимуром. Да, на нас с Тимуром, но это в том случае, если он найдется, а если нет? А если нет — отвечать за все буду я одна. Ну уж нет, я им не дамся за рубль двадцать!

И все же, как я ни хорохорилась, паническое настроение захватывало меня все больше и больше. В какой-то момент я даже пожалела, что не выложила сыщикам все от начала до конца: и про Тимура, и про Урфина Джюса, и про желтый конверт, извлеченный из валенка, и про то, зачем я в действительности посещала Варфоломея и Альбину. Может, вернуться и все им рассказать, уныло спросила я себя. После этого они почти наверняка меня упекут, но когда-нибудь все выяснится, и меня отпустят. Да, только прежде им нужно будет найти убийцу. Но вот незадача, станут ли они его искать, когда под рукой уже имеются два замечательных кандидата: я и Тимур. И мотив не придется высасывать из пальца, поскольку он на поверхности, такой простой и незамысловатый: неверный муж избавляется от надоевшей жены и партнера по бизнесу, не желая с ними делиться. Осуществить этот коварный план помогает ему любовница, то есть я. Прощу любить и жаловать.

Отсюда вывод: все, что мне остается, самой докопаться до истины, и сделать это надо прежде, чем меня припрут к стенке. И времени у меня очень мало, речь идет о считанных часах, если не минутах. Как только они все проверят и сопоставят, так сразу и прискачут ко мне с наручниками. Собственно, поэтому мне и нельзя возвращаться домой. Мне нужно действовать, действовать, действовать. И действовать быстро, эффективно и хладнокровно. Да, но с чего начать? Впрочем, здесь двух мнений быть не может: я должна как можно скорее найти Тимура.

И мой первый вопрос к нему прозвучит так:

«Кто ты, мой супермен? Может, я чего-то о тебе не знаю?»

И подразумевать я буду не только барышень с фотографий, как вы догадываетесь.

Кстати, о барышнях. А не взяться ли мне за них? Кто мешал Тимуру перебазироваться к одной из них? Помнится, ему не понравилось мое угощение, вот он и перебрался к дамочке позаботливей, а такая наверняка имеется в его обширной коллекции. Знать бы только, какая точно. Я брезгливо вытряхнула из сумочки снимки, врученные мне Альбиной, разложила их на скамейке и принялась изучать на предмет выявления наиболее хозяйственной особи. А это было очень даже непросто, учитывая тот факт, что коллекция, собранная нанятым Альбиной детективом, насчитывала восемнадцать разнокалиберных красоток, и еще неизвестно, все ли Тимуровы подружки в нее попали. Моей карточки, к примеру, в ней нет, и не могу сказать, чтобы я сильно убивалась по этому поводу.

Я долго перебирала фотографии, время от времени тяжело вздыхая. По мне, все эти «киски» были на одно лицо, и брюнетки, и блондинки, и рыжие, потому что индивидуальности в них — чуть. Смазливые бабенки — это все, что о них можно сказать, ну разве что за Исключением вот этой, стриженной под мальчика, с выразительными глазами цвета янтаря. Кажется, ее Альбина называла эксцентричной дрянью? Но как раз она меньше всех прочих походила на преданную Пенелопу, а потому я отложила ее фотографию в сторону. Зато на Пенелопу тянула пышногрудая шатенка с сонным коровьим взглядом. Я перевернула снимок и прочитала на обратной стороне: «Березуцкая Наталья, город Киев, Крещатик, 146, квартира 19» — и присвистнула. Ничего себе география! Нет, Киев — это, пожалуй, далековато.

Фотографии киевской Пенелопы и янтарноглазой оригиналки я сунула обратно в конверт и вплотную занялась шестнадцатью оставшимися соискательницами любви моего неверного супермена. И уже из этих отобрала три наиболее подходящие кандидатуры. Крашеной блондинки с огромным акульим ртом, позирующей на фоне черного «Мерседеса», сосредоточенной брюнетки с усиками на верхней губе и простоватой бабенки в сарафане в горошек, на снимке увлеченно поглощающей мороженое. Эти по крайней мере проживали в нашем городе, причем та, с мороженым, судя по сделанной детективом записи, жила в одном районе со мной, буквально через две улицы. Не исключено, что Тимур посещал ее, возвращаясь от меня, ревниво подумала я, или меня — по дороге от нее. Вот с нее-то я и начну!

* * *

Она смотрела на меня удивленно. Эта самая Людмила Провоторова, в жизни еще более простецкая, чем на фотографии, особенно в застиранном ситцевом халате с обвислыми рюшами. И что он в ней только нашел, право слово!

— Вы ко мне? — спросила она, вытирая руки о подол своего выцветшего халата.

— К вам, к вам, — заверила я ее.

— Да? — поджала она губы. — Что-то я вас не знаю.

— Зато у нас есть общие знакомые, — объявила я с нарочитым пафосом. — Например, Тимур Алексеевич Проскурин.

Простушка побледнела, как полотно, судорожно вцепилась в ворот халата и прошептала:

— Проходите...

Я воспользовалась ее радушным приглашением, сама же хозяйка, прежде чем закрыть за мной дверь, обвела встревоженным взглядом лестничную площадку, словно желая удостовериться, что нас никто не подслушал. Многообещающее начало!

В квартире она вела себя не менее странно, суетливо металась по прихожей и протяжно вздыхала. Я помалкивала, ожидая, что такое ее поведение как-нибудь объяснится. Вдруг она волнуется из-за того, что в ее спальне скрывается Тимур? Может, стоит, не теряя времени, провести разведку боем?

— Я тут как раз огурцы закрываю, — наконец произнесла простоватая Людмила. — И... Может, мы на кухню пройдем?

На кухню так на кухню. Между прочим, эти самые огурцы только подтверждают мою версию. Простушка-то хозяйственная.

На кухне было парко, как в русской бане, еще там пахло уксусом, укропом и лавровым листом. Прибавьте к этому трехлитровые банки, теснящиеся на обеденном столе, мокнувшие в тазу огурцы и большую эмалированную кастрюлю на плите — и картину бурной хозяйственной деятельности можно считать завершенной.

Здесь наша простушка молитвенно сложила на груди руки и пробормотала извиняющимся тоном:

— Честное слово, это у нас было всего три раза, ну четыре, и с тех пор мы больше не виделись. Уже полтора года не виделись!

Уж не принимает ли она меня за его жену, явившуюся, чтобы проредить ее унылый перманент?

Я не успела ничего возразить, а хозяйственная Тимурова пассия захныкала:

— Только не говорите ничего моему мужу, я вас умоляю, он... он должен с минуты на минуту прийти...

Ну раз так, то Тимура здесь точно нет, решила я, не стоит на эту Людмилу терять свое драгоценное время.

А та продолжала каяться:

— Сама не знаю, как грех такой на меня нашел? Чем хотите клянусь, чтобы я когда-нибудь прежде или потом — ни-ни, а тут просто не знаю, не знаю... А муж, он у меня такой ревнивый, он меня сразу убьет!

Она громко зарыдала.

— Раньше думать нужно было, — зачем-то ляпнула я, при том, что сама была в той же самой шкуре. Вернее, не совсем в той, я, по крайней мере, не замужем в отличие от этой падшей домохозяйки.

Простушка зарыдала пуще прежнего и шумно высморкалась в рюши.

— Я... Я его не завлекала, вы не думайте, — донеслось до меня сквозь протяжные всхлипы, —

мы случайно познакомились, на остановке. Я... Я даже думала сначала, что он разведенный...

— Понятно, понятно, — вяло махнула я рукой.

Только интимных подробностей мне и не хватало. В другой раз я, может быть, намотала бы их на ус, но сейчас мне было не до того.

— Да не убивайтесь вы так, я не в претензии, — буркнула я и напустила туману:

— Во всяком случае, пока.

Падшая домохозяйка перестала реветь и захлопала слипшимися ресницами:

— И что... И что же вам надо? Резонный вопрос. Я пожала плечами:

— Честно говоря, ничего. Просто хотела познакомиться.

Не знаю, удовлетворилась бы таким ответом хозяйственная простушка или снова принялась бы оправдываться, но дверь в прихожей громко стукнула.

— Мой муж, — прошептала бывшая любовница моего супермена и ошалело уставилась на меня.

Сейчас я стану свидетельницей семейного скандала, а то и битвы на сковородках!

Только я так подумала, как в кухню ввалился угрюмый коренастый тип с авоськой картошки. Я вежливо с ним поздоровалась, а совращенная Тимуром с пути истинного домохозяйка затарахтела:

— Это сослуживица, вот, пришла узнать, как я тут, в отпуске...

— Опять срочная работа? — начал медленно свирепеть супругник и швырнул авоську с картошкой на пол.

— Нет-нет, что вы, что вы, я всего лишь на минутку. — С этими словами я стала отступать к двери, предоставляя этой парочке выяснять отношения без меня.

Кажется, я догадываюсь, каким образом наша хозяйственная пчелка улучала минутку для свиданий с Тимуром — ссылалась на срочную работу и, не исключено, практиковала этот повод до сих пор. Может, с Тимуром, а может, с другим. Не так уж это сейчас важно, главное, Тимура у нее нет. Не станет же она прятать его под супружеской кроватью!

Глава 17.

ПОДРУГИ ПО ЖЕНСКОМУ СЧАСТЬЮ

Следующий визит я нанесла на улицу Макаренко. Именно там, если верить надписи на обратной стороне фотокарточки, проживала усатая брюнетка с претенциозным именем Лилия. Лилия Карташова. Но та, что открыла мне дверь, совершенно на нее не походила. У нее было веснушчатое лицо, бесцветные ресницы, а что касается волос, то рассмотреть их не представлялось возможным, поскольку голову она обмотала махровым полотенцем, словно только что вышла из ванной.

— Вам кого? — хмуро осведомилась женщина.

— Мне Лилию Карташову, — смиренно ответствовала я.

— Да? — Особа в полотенце недовольно скривила рот, словно передразнивая меня. — А Карташовой, между прочим, нужно три раза звонить.

Я скосила взгляд и увидела незамеченную мной прежде табличку у двери: «Татаринцева — 1 звонок, Барчук — 2 звонка, Карташова — 3 звонка». Значит, я имею дело с Татаринцевой. Как говорят в таких случаях, приятно познакомиться.

— Извините, не знала, — пробормотала я.

— А что, она вас не предупредила? — смерила меня подозрительным взглядом неприветливая соседка Лилии Карташовой.

— Нет, — покачала я головой и призналась:

— Честно говоря, я без приглашения пожаловала.

— Да? — как-то странно переспросила женщина. — Ну так ее все равно нет, укатила вчера на юга со своим хахалем.

— Хахалем? — Бог знает, почему я так растерялась. Не могла же я предположить, что Тимур махнул на юг в гипсе?

— Ну да, — соседка Лилии Карташовой продолжала полировать меня своим изучающим взглядом, — собралась и умотала. А что ей, ни забот, ни хлопот, ни угрызений совести. Крутит с женатым мужиком напрапалую, как будто так и надо!

Мне стало как-то не по себе.

А соседка усатой подружки Тимура истолковала мое замешательство на свой лад:

— А вы, видать, его жена? Да, позднехонько вы хватились, позднехонько, ничего не скажешь. Он тут уже целый год пасется, а вы и в ус не дуете.

— Год? — Я мучительно сопоставляла сроки, пытаюсь вспомнить, что мне вчера говорила Альбина. Когда она закончила свою слезку за Тимуром?

— Да без малого. Только от нее прежний отвадился, коммерсант, так тут и ваш объявился, весь пылает от любви. Чуть не каждый день тут околачивается и на гитарке своей с утра до вечера брынькает.

У меня отлегло от сердца, когда я услышала про эту гитарку.

Я даже позволила себе улыбнуться:

— Нет, мой на гитаре не играет.

— Тогда чей же он, если не ваш? — недоверчиво переспросила соседка. — Вашего как зовут, Олег?

— Нет, — покачала я головой.

— А как? — не унималась эта въедливая особа. Видно, уж очень ей хотелось, чтобы мой муж оказался «хахалем» Лилии Карташовой.

Я решила сделать ей мелкую пакость:

— Моего мужа зовут Варфоломей.

— Как-как? Вар... Варфоломей? — Эта гримза призадумалась. — Нет, такого у нее вроде не было. Шурка был, ну, Александр, Борис, Николай, — она загибала пальцы, — этот, как его, Тимур, а Варфоломея не было. Точно не было. Так что вы своего в другом месте поищите. Мало ли в городе прилипал вроде Лильки, которые на чужих мужиков падкие. Я сама через такую пострадала, пришлось даже квартиру с мужем разменивать, вот, полюбуйтесь, в коммуналке теперь загораю.

— Сочувствую, — сказала я фальшивым тоном, но, если честно, эта коммунальная стерва в полотенце не вызывала у меня ни малейшего сочувствия. Впрочем, ее следовало поблагодарить за помощь, потому что беседа наша не отняла много времени, зато оказалась в высшей степени информативной. Благодаря ей я так много узнала о неведомой Лилии Карташовой и ее образе жизни, а главное, убедилась в том, что на улице Макаренко Тимура нет. Не такой он дурак, чтобы прятаться в коммуналке да еще под носом у столь желчной и бдительной соседки.

* * *

С третьей — той самой блондинкой с акульим ртом по имени Алена — я столкнулась нос к носу возле подъезда ее дома. Она была не одна: игриво прижималась к локтю очень красивого парня. А уж если я говорю «красивого», можете мне доверять, уж в этом я толк знаю. Парочка непринужденно щебетала и пожирала друг дружку алчущими взорами, откровенно игнорируя происходящее вокруг. Меня, например, они даже не заметили, обошли, словно булыжник на дороге. На меня только духами хорошими пахнуло, и я ревниво подумала, что, очень даже не исключено, духи эти блондинке подарил Тимур. Как он ее называл, интересно, Аленкой, Алесей? И что самое для меня обидное, в жизни эта Алеся выглядела намного лучше, чем на фотографии. Черт бы ее подрал совсем! Прямо как назло, все у нее на месте: и нос, и талия, и ноги. А сколько чувственности! Мужскому глазу было на чем задержаться, а также расположиться и отдохнуть со всеми удобствами.

Впрочем, пора бы мне подумать о деле. Судя по тому, что блондинка вышла из своего подъезда с мужчиной, вряд ли стоит искать у нее Тимура, если, конечно, их отношения не носят экстраординарного характера. Гм-гм, а может, я перепутала, и это не она, мало ли на свете крашенных блондинок? Я приоткрыла сумку, заглянула в желтый конверт и сверила копию с оригиналом, то бишь фотографию с блондинкой. Все-таки это была она! Правда, пока я возилась с желтым конвертом, она чуть было не улизнула прямо из-под моего носа. Мне даже пришлось ее окликнуть, когда она уже усаживалась в новый серебристый «мерс» (парень, оказывается, был не только красивый, но и богатый).

— Алена, постойте! Можно вас на минуточку? — завопила я, бросаясь к блестящему «Мерседесу».

Она оглянулась, придерживая рукой дверцу роскошной тачки, и, близоруко сощурившись, озадаченно уставилась на меня. Мол, кто такая, первый раз вижу. Ее красавчик, который успел завести мотор, тоже покосился на меня с неодобрением. Видно, его время дорого стоило, что, впрочем, и неудивительно при таком-то «Мерседесе». А у нашей Алески губа не дура. Похоже,

она в отличие от меня не долго горевала после того, как Тимур ее бросил, а быстро сориентировалась на местности и подобрала себе вариант не хуже.

— Вы меня? — спросила меня «коллекционная» блондинка, когда я подошла поближе.

Я кивнула.

Тогда она посмотрела на своего обнявшего баранку красавчика и пожала плечами, словно извиняясь за заминку.

— Так что вы хотели?

— Поговорить.

Алеся наморщила гладкий алебастровый лобик и протянула:

— А-а-а... Вы, наверное, от Нонны, по поводу шубы... Где же вы были, я вас вчера весь вечер ждала!

Я не успела ей возразить, а она уже обернулась к красавчику в «мерее»:

— Артем, подожди пять минут, я пойду шубу покажу.

Пригожий Артем послушно заглушил мотор и послал бывшей возлюбленной Тимура обворожительную улыбку. Кстати, не слишком ли самонадеянно и легкомысленно я отнесла сексуальную Алену к разряду бывших возлюбленных моего супермена? Ведь ухромал же он от меня к кому-то на своей загипсованной ноге. Ладно, сейчас разберемся.

— Ну что же вы стоите! — прервала мои размышления блондинка. — Идемте, у меня нет времени!

— Куда идем? — тупо повторила я.

— Как куда? — теперь уже опешила Алеся. — Вы разве не шубу смотреть пришли?

Я хотела было развеять ее заблуждение, но в последний момент у меня хватило ума оценить представившийся шанс. Когда еще я побываю в логове такой хищницы, может быть, самой главной из моих соперниц?! И потом, вряд ли нам удастся поговорить с ней по душам на улице, на глазах у ее нового любовника. Наверняка она станет все отрицать и делать вид, будто первый раз слышит имя Тимура.

— Так вы идете или нет? — снова спросила Алеся.

— Иду, — твердо заверила я, приняв наконец нужное решение.

Блондинка открыла дверь парадного, пропустив меня вперед. В подъезде она вызвала лифт, в кабинке нажала на кнопку шестого этажа и полезла в сумку за ключом. Я молча переминалась с ноги на ногу, готовясь к серьезному разговору.

— Проходите, — сказала она, повернув ключ в замке и толкнув хорошо укрепленную дубовую дверь.

Я только успела протиснуться в прихожую, а она уже щебетала где-то в глубине квартиры:

— Сейчас, сейчас... Только меряйте побыстрее, пожалуйста, я тороплюсь... Ну где же вы там пропали? Идите, идите сюда!

Хоть Алеся меня и торопила, я все же не смогла удержать себя от соблазна заглянуть в ближайшую комнату, впрочем, не слишком надеясь застукать в ней Тимура. Чутье мне подсказывало, что его здесь нет.

Между прочим, комната, в которую я свернула по пути, оказалась Алесиним будуаром. В ней и мебели никакой не было, кроме огромной, как цирковой манеж, кровати, еще сохраняющей очертания двух тел.

Значит, здесь Тимур некогда проводил свои счастливые часы? Слава богу, что его здесь нет, иначе я бы его убила, и, уверяю вас, на этот раз его смерть была бы настоящей, а не мнимой!

— Милочка моя, вы не заблудились? — За моей спиной возникла нетерпеливая Алеся. — Впрочем, ладно, здесь тоже зеркало есть. — И она швырнула на свою необъятную кровать шубу из голубой норки. Только... — Она наморщила носик. — Ой, она ведь вам не подойдет по росту!

Странно, что она догадалась об этом только сейчас.

Не имело никакого смысла продолжать эту игру, и я открыла карты:

— Мне ваша шуба не нужна.

— А что же вам тогда нужно? — В капризном голосе Алеси возникли нотки тревоги.

— Я же вам сказала — поговорить, — с убийственным спокойствием ответила я. А что, терять-то мне было нечего.

— Поговорить? О чем? — Она начала озираться по сторонам.

— Не о чем, а о ком! — припечатала я ее к стенке. — О Тимуре! Только не говорите, что вы в первый раз слышите это имя!

— А какого Тимура вы имеете в виду? — парировала эта крашенная нахалка.

Я не смогла отказать себе в удовольствии съязвить:

— А что, их у вас было много?

Но у нее пропало желание пикироваться:

— Ладно, мне некогда. Если вы о Проскурине, то я его уже три месяца не видела.

И добавила: «Слава богу». Наверное, чтобы сбить меня с толку.

— Так уж и слава богу? — выразила я обоснованное сомнение.

Алеся фыркнула, опустилась на свою безразмерную кровать и погладила распластавшуюся на покрывале голубую норку;

— А что вас, собственно, удивляет? Мы с Тимуром расстались, можно сказать, любовно. Сначала он, конечно, немного покапризничал, но потом смирился.

— А можно поинтересоваться причиной вашего взаимного охлаждения? — осведомилась я ехидно. Все во мне клокотало от одной только мысли, что Тимур мог «совмещать» меня с этой хорошенькой самонадеянной стервочкой, а так оно, наверное, и было, если она не привирает насчет пресловутых трех месяцев.

Алеся безмятежно улыбнулась во все свои тридцать два безупречных зуба, почти как на фотографии:

— А охлаждение взаимным не было. Оно было односторонним. Это я к нему охладела, если хотите. А причина? Да не было никакой причины, просто как-то скучно стало, вот и все.

Вот уж во что я никогда не поверю! Я рассмеялась в лицо этой безбожной врушке, а она, нимало не смущаясь, продолжила свои притворные откровения:

— В конце концов я в нем просто разочаровалась. Поначалу-то, конечно, он произвел на меня сильное впечатление, но потом... В общем, его беда в том, что он, как и большинство мужчин, мечтает найти женщину, которую можно было бы сдать в камеру хранения и уйти по своим неотложным делам. Вернуться года через три, а она — на месте, в целости и сохранности, пылает от страсти и готова к совокуплению без предварительных ласк. Короче, ничего нового и оригинального.

Должна признать, эта эскапада произвела на меня впечатление, я даже не нашлась что сказать в ответ, чем не преминула воспользоваться многомудрая Алеся, окончательно и бесповоротно захватившая в свои руки нить разговора.

— Ну что, ваше любопытство удовлетворено? — Она снова погладила норку и грациозно потянулась. — Могу я теперь удовлетворить свое? С какой стати вы задаете мне свои вопросы или, как принято говорить, по какому праву?

Я не стала выдумывать велосипед, тем более что с ходу это сделать довольно проблематично, и воспользовалась уже опробованной нехитрой ложью:

— А по такому, такому... что я его жена! Алеся отреагировала на мое признание в высшей степени странно — она расхохоталась! А потом и того хуже — перешла на оскорбительный панибратский тон:

— Да ладно тебе... Не свисти, подружка, никакая ты ему не жена! Ты промахнулась, его жену я видела, как тебя, чтоб ты знала, и она ни одной минутки на тебя не похожа.

А вот это новость! Альбина была у Алеся? А ведь клялась, что не унижалась до банальных разборок с Тимуровыми подружками. Верь после этого женщинам.

Мне не пришлось придумывать оправдания своему визиту, потому что Алеся сама во всем разобралась:

— Все ясно, ты одна из многих, в чьих сердцах он оставил неизгладимый след. Ну и наследил, паршивец! Тогда предупреждаю на будущее: его благоверная жуткая скандалистка.

— Скандалистка? — Я вызвала в памяти образ красивой и ухоженной, а главное, живой Альбины. Хреновый же я, оказывается, психолог.

— Еще какая! — присвистнула Алеся. — Металась передо мной, как шаровая молния, и такую искру высекала! «Ты — исчадие ада, гасишь свет моей жизни!» — передразнила она. — По-

моему, у нее не все дома! Недаром же он от нее на сторону бегаёт. Нужно видеть эти запавшие, горящие глаза, искусанные губы, прямо мурашки по коже...

— Запавшие глаза, искусанные губы... — повторила я в растерянности. Странно как-то Алеся описывала Альбину, странно и непохоже.

— Вот именно, — с готовностью подхватила моя подруга по несчастью, или по счастью, что-то я совсем запуталась. — Прибавь к этому стрижку чуть не под ноль, армейские ботинки и шаль с бахромой. С воображением дамочка, одним словом. Притащилась ко мне и ну вопить ни за что ни про что. Мы ведь с ее драгоценным супругником к тому времени уже успели разбежаться. С тех пор, между прочим, я зареклась с женатиками связываться, уж больно это хлопотно...

Тут я с ней согласна, а вот во всем остальном... По крайней мере, портрет Альбины ей точно не удался, о чем я и поспешила ее уведомить:

— У жены Тимура роскошные волосы, а глаза никакие не запавшие.

Я хотела прибавить «были», но промолчала.

— Да? — Алеся приподняла брови. — Тогда кто приходил ко мне?

Честно говоря, я и сама не прочь в этом разобраться!

Глава 18.

ВТОРАЯ ЖЕНА

С улицы почти умоляюще воззвал автомобильный клаксон, Алеся резво соскочила с кровати и бросилась к окну. Отодвинула тюль и взглянула вниз. Провела ладонями по бедрам, разглаживая короткую юбку, и объявила:

— Ну все, мне пора.

Она сладко зажмурилась и улыбнулась своим тайным мыслям. Похоже, красавец из «Мерседеса» ей еще не наскучил. Или она была уверена, что он не станет сдавать ее в камеру хранения? Гм-гм, камера хранения, камера хранения... Захочешь — не придумаешь более идиотского сравнения. И все же... И все же где-то на доньшке моей души что-то такое защемило, отозвалось: а как я, может, я тоже пылилась на полке до времени? Ах, ладно, подумаю об этом на досуге, когда вся эта запутанная история придет к какому-нибудь концу. Желательно, конечно, счастливому. Такому простенькому и незамысловатому хеппи-энду.

Застоявшийся «мерс» подал еще один призыв, долгий, как паровозный гудок, и Алеся, подхватив свою голубую норку, направилась в другую комнату. У двери она задержалась и скользнула по моему лицу рассеянным взглядом:

— Значит, шуба не интересует? А жаль, мне срочно нужны деньги.

Ну да, шуба мне сейчас нужна, как рыбке зонтик, потому что еще неизвестно, где именно я буду коротать долгие зимние вечера. Очень даже не исключено, что в городской тюрьме, в ожидании суда, на котором моим ближайшим соседом на скамье подсудимых будет Тимур, если, конечно, найдется.

— Ну пойдем, что ли? — опять заглянула в опочивальню Алеся. — Честное слово, у меня

времени в обрез.

Я подавленно кивнула и пошлепала вслед за ней в прихожую. Ни о мнимой смерти Тимура, ни о всамделишной — его жены, которую Алеся теперь уже никогда не увидит, я рассказывать не стала. Что это изменит? Ясно же, Тимур у нее давно не появлялся.

В парадном мы налетели на ее воздыхателя, уставшего дожидаться, когда вернется его белокурая дульциня.

— Я здесь, здесь, — проворковала она, ласково потрепала его по свежевыбритой щеке, и смазливая физиономия парня прояснилась. Этот голубок готов был клевать с ее ладони все, что угодно.

— Всего хорошего! — пожелала мне Алеся, полуобернувшись, и бодро зацокала каблучками в направлении серебристого «Мерседеса».

И надо же было такому случиться, что меня осенило именно в тот момент, когда она распахнула дверцу «мерса»!

— Стой! — заорала я во всю глотку, готовая, если понадобится, броситься под колеса автомобиля.

— Ну что еще? — нахмурилась Алеся.

— Вот... Вот... — Я выхватила из сумки желтый конверт с фотографиями. — Посмотри, нет ли ее здесь...

— Кого? — Похоже, она успела выбросить из головы наш недавний разговор и целиком и полностью сосредоточилась на своем красавце.

— Н-ну... Той, скандалистки.

Алеся вздохнула и выхватила из моих рук толстую пачку фотографий, быстро перетасовала их, дольше прочих задержавшись на собственной, и буднично отрапортовала:

— Вот она.

— Что? — Я отказывалась верить в удачу. — Эта? — С фотографии, на которую указывала Алеся, на меня смотрела янтарноглазая «эксцентричная дрянь».

— Ну да! — дернула плечиком Алеся. — Только здесь она не лысая, а ко мне приходила с ежиком в два сантиметра и такая изможденная, будто вчера из Освенцима. — Она взвесила на ладони стопку фотографий. — Кстати, что это за коллекция?

— Пассии Тимура, — отмахнулась я от нее, мои мысли были заняты янтарноглазой.

— Что? — Алеся смешалась на какую-то долю секунды, а потом расхохоталась. — Поняла, поняла, это все его нежные возлюбленные. Ай да Тимур! Такого даже я не ожидала. Сколько их там?

— Восемнадцать, — буркнула я.

— Включая меня и тебя, — усмехнулась Алеся.

Я вспыхнула:

— Меня там нет.

— Меня тоже, — подмигнула Алеся, опять перетасовала фотографии, нашла свою и торжественно, с чувством разорвала на мелкие кусочки. — Не хочу быть ни в чьей коллекции, уж лучше свою заведу. — С этими словами она нырнула в хромированную утробу «мерса» и захлопнула дверцу.

А я осталась наедине с фотографией янтарноглазой скандалистки, выдававшей себя за Тимурову жену. На обратной стороне ее карточки, как и на всех прочих, рукой детектива были выведены фамилия, имя и адрес. Звали янтарноглазую Вероникой, Вероникой Чулковой, а проживала она в Гончарном переулке, и очень даже не исключено, именно там сейчас и скрывался мой неверный возлюбленный. Ну ничего, я еще до него доберусь!

* * *

В дверь Вероники Чулковой я звонила так долго, что указательный палец, которым я отчаянно давила на звонок, побелел. Однако никто мне не открывал. Я приложила ухо к двери и прислушалась, пытаюсь уловить малейший шорох. Ведь где-то там, в квартире скандальной Вероники, прятался сбежавший от меня Тимур. Как я ни напрягала слух, мне не удалось различить ни единого звука. В конце концов нервы мои сдали, и я принялась тарабанить в дверь руками и ногами, а также орать:

— Тимур, Тимур! Я знаю, что ты здесь!

Минут через пять мне ответили. Правда, из-за соседней двери и отборной площадной бранью.

Я перестала колошматить по шершавому дерматину и, переждав поток ругательств, вежливо спросила:

— Вы не знаете, где сейчас ваша соседка, Вероника Чулкова?

— Очень мне надо следить, где эта стерва! — злобно огрызнулась соседняя дверь. — Нацепила свое воронье гнездо и отчалила куда-то полчаса назад!

Судя по последнему высказыванию, тот, кто скрывался за соседней дверью (а по голосу трудно было определить даже пол), являл собой ярчайший пример небезызвестной находки для шпиона, что меня более чем устраивало. Я только-только откашлялась, чтобы задать еще парочку-другую наводящих вопросов, а соседняя дверь безо всякого принуждения выдала очередную порцию желчного ворчания:

— Шастают тут всякие... Какая сама — такие и подружки... Тоже — дворянка... Думает, если морду только прикрыла, так все перед ней кланяться должны, а сама никогда лестницу не моет!

Пришлось мне потрудиться, чтобы отделить зерна от плевел! Факт Вероникиного отлынивания от уборки лестничной клетки сам по себе, разумеется, прискорбный, меня мало заинтересовал, а вот тюль, о каком тюле речь? И опять я не успела и слова произнести, потому что соседняя дверь словно читала мои мысли.

— Конечно, конечно, — истошно проверещал «внутренний голос» лестничной площадки, — она же в трауре, у них любовник разбился, где тут шваброй орудовать...

Окончание этой гневной тирады я дослушивала уже на бегу. Все, все стало на свои места. Вероника Чулкова, она же «эксцентричная дрянь», она же самозванка, выдававшая себя за жену Тимура (гм-гм, в этом она была неоригинальна), — та самая дамочка под черной вуалью, что украсила сиротливую могилку псевдо-Тимура веночком из незабудок с трогательной надписью на ленте «Незабвенному котик у от киски». Ясное дело, «котик» не вынес такого напора и прихромал к своей преданной «киске». Что ж, я знаю, где она сейчас — на Новониколаевском кладбище!

Тут я заметила отходящий от остановки автобус, прибавила скорость, догнала его, запрыгнула буквально на ходу, отдышалась... И в этот момент мою истерзанную сомнениями душу посетило еще одно. Стоп, сказала я себе, а с чего бы этой даме под вуалью толочься на погосте, раз она осведомлена о том, что «незабвенный котик» вовсе не откинул лапки? Да-а, что-то тут не сходится. Или... А вдруг это такой ловкий трюк, для отвода глаз? Ведь откуда-то она знает о его смерти, пусть и мнимой, в то время как остальные Тимуровы подружки, по крайней мере, те, которых я успела обежать, об этом понятия не имеют. Разве это не подозрительно? Еще как!

* * *

Главный вход Новониколаевского кладбища выглядел как-то непривычно. Чего-то не хватало. Вернее, кого-то. Не хватало разношерстной компании неунывающих бомжей. Не было ни попрошаек, ни старух — собирательниц могильных цветов, Неуловимый Джо и тот куда-то запропастился. Да и сама площадка у облупившейся арки ворот производила впечатление подозрительно чистой и прибранной. Субботник у них здесь прошел накануне, что ли?

Я нырнула под арку и очутилась возле кладбищенской конторы, которую, как и прежде, украшали рекламные венки. За приоткрытой дверью было тихо, только большая навозная муха жужжала, как «Мессершмитт», и отчаянно билась в стекло.

Я уже завернула за угол, когда на пороге показался маленький картежник, которому я, помнится, отстегнула на сохранность цветочков на неизвестно чьей могилке. Впрочем, это сейчас неизвестно, а тогда... Маленький картежник зевнул, потянулся и снова скрылся во флигельке. Наверное, отправился партию в «дурака» доигрывать.

Еще пятьдесят метров, и передо мной возникли профессиональные плакальщицы — голубые ели, отсюда и до могилы псевдо-Тимура рукой подать. «Даму под вуалью» я заметила издали. Она стояла у знакомого мне холмика, опустив голову и сложив руки на груди. То ли скорбящая мать, то ли кающаяся Магдалина. Впрочем, она-то себя, поди, безутешной вдовой считает. Ну ничего, сейчас мы все расставим по местам.

Я решила зайти с тыла, сильно рассчитывая на эффект внезапности, однако хрустнувшая под каблуком сухая ветка смешала мои планы. Самозванная жена Тимура обернулась. Смотри-ка, а ведь насчет горящего взгляда Алеся не перебрала, именно таким меня и встретила Вероника Чулкова — ее глаза сверкали из-под черной вуали, как два уголька на пепелище. А на могилке был новый веночек — из желтых хризантем, с новой же ленточкой. Чтобы прочитать ее, мне пришлось склонить голову набок. «Моя нежность останется с тобой» сообщали золотые буквы. Что ж, это, по крайней мере, звучит не так банально, как «незабвенному котик у от киски». По крайней мере, можно констатировать, что качество скорби повысилось.

Моя саркастическая полуулыбка не осталась незамеченной.

— В чем дело? — глуховатым голосом осведомилась безутешная Вероника.

— Да ни в чем, — ответила я с вызовом.

— Тогда канай отсюда! — «Дама под вуалью» не стесняла себя в выражениях. Мне не было резона ей уступать;

— А ты что, эту могилу приватизировала, что ли?

«Угольки на пепелище» вспыхнули, как порох:

— Вали отсюда, пока я тебе морду не разрисовала!

Ого, сколько экспрессии! Уж с этой Тимуру скучать не приходилось. Я покосилась на его портрет и дружески ему подмигнула, чем еще больше взбесила безутешную Веронику. Она двинулась на меня, подметая полами своей бесформенной черной хламиды рыжую могильную глину.

На всякий случай я все же отступила назад, не очень далеко, всего лишь на пару шагов. Может, у этой Вероники ногти длинные и острые, как клыки у тигрицы.

Слава всевышнему, она не стала на меня бросаться, удовлетворившись воинственной позой и фразой, полной патетики:

— В этой могиле — вся моя жизнь, и нечего тут всяким топтаться.

— В какой могиле, этой? — издевательски уточнила я. Эта игра начинала меня забавлять.

Потеря бдительности чуть не вышла мне боком. Я и глазом моргнуть не успела, а самозванка налетела на меня, как коршун, вцепилась мне в волосы и принялась мотать мою голову из стороны в сторону, будто пыталась ее выдернуть, как репку из грядки. Это было так больно и обидно, что я взвыла:

— Да было бы из-за чего драться! В могиле ведь не Тимур, а неизвестно кто!

Вероникина рука дрогнула и ослабила хватку. Воспользовавшись замешательством противницы, я вывернула шею и заглянула в ее лицо, полуприкрытое дурацкой вуалью, а на нем, между прочим, ясно вырисовывалось удивление.

— Как это неизвестно кто? — Она перевела свой бешеный взгляд на портрет, словно спрашивая его совета, слушать меня дальше или не стоит. Ничего не скажешь, натурально она прикидывалась.

Хоть она и перестала трясти меня, как грушу, рука ее все еще не отпускала мои волосы. Кто бы знал, как мне это надоело! Я предприняла отчаянную попытку освободиться, но у меня ничего не вышло. Единственное, что мне удалось, так это стянуть с Вероникиной головы ее старомодную панаму с вуалью. Взору моему предстал почти голый череп, покрытый робко пробивающимся ежиком из волос. Ухватиться тут было совершенно не за что. Интересно, зачем она такое с собой сотворила? Назло кому-то, в знак протеста или у нее просто-напросто не все дома? Лично я все больше и больше склонялась к последней версии и теперь кляла себя за легкомыслие. Мало ли что еще придет на ум этой идиотке! К тому же в таком безлюдном месте...

Опасения мои оказались не лишены основания. Хватка цепких Вероникиных рук усилилась, я уперлась ладонями в ее плечи, пытаюсь оттолкнуть, она не удержалась на ногах,

запутавшись в своих длинных обносках, и мы дружно рухнули на свежий могильный холмик. Причем я, неловко шмякнувшись, подмяла под себя венки из желтых хризантем. Что касается Вероники, то она шлепнулась навзничь и смешно завопилась на спине, как жук, который не может перевернуться. Я воспользовалась удачным моментом, подпрыгнула и пришила ее к земле своей острой коленкой. Эта стерва недовольно заворочалась подо мной, а я прикрикнула:

— Лежи, не дергайся и давай-ка выкладывай побыстрее, где ты прятал Тимура, а то мне некогда!

Глава 19.

МАНЬЯК КРАСНОДЕРЕВЩИК

Мы еще минут десять барахтались в рыхлой глине и, наверное, не на шутку растревожили лежащего под ней покойника. Еще не хватало, чтобы он прикрикнул на нас в буквальном смысле замогильным голосом:

— Да дайте же покоя наконец! Вероника давила на меня массой, зато я превосходила ее в изворотливости. Да и опыт, полученный в «Розовом фламинго», не прошел для меня даром. Вот только глина — не розовое желе, и комков в ней многовато.

Короче говоря, сентиментальная самозванка выдохлась первой. Перестала сучить руками, поднялась на ноги и принялась обирать с подола репейники. Потом, всхлипывая и отфыркиваясь, разыскала в кустах свою идиотскую шляпку, отряхнула ее и водрузила на стриженную под машинку голову. Жалкое это было зрелище, если честно. Зачем она так себя изуродовала, ведь исходные данные у нее очень даже ничего: выразительные глаза, тонко очерченный овал лица, вот только насчет ног ничего определенного сказать не могу, поскольку длинная хламида мешала их разглядеть.

Тут в поле зрения Вероники попал измятый в процессе борьбы венки из желтых хризантем, и она расчувствовалась пуще прежнего. Разрыдалась, как маленькая, жалобно причитая:

— Прости... Прости, дорогой, за эту унижительную сцену... Я... я не хотела!..

И как это понимать прикажете? Выходит, она и впрямь считает Тимура умершим. Тогда где мне его искать? Хотя в сумке у меня еще полтора десятка фотографий с адресами, энтузиазма это обстоятельство не прибавляет. Я буду бегать по ним еще неделю, а милиция тем временем... Короче, на нарах мне придется скучать в одиночестве, без Тимура. Ох, не нравятся мне такие расклады.

— Слушай, — я тряхнула за плечи раскисшую Веронику, — ты что, и в самом деле не знаешь, что он жив?

— Кто? — тупо спросила Вероника, любовно расправлявшая ленту на веночке.

— Кто-кто! — гаркнула я. — Тимур. Вот тут, — я кивнула на могильный холм, — не Тимур, а кто-то другой.

— Кто? — повторила самая преданная из его наложниц, не считая меня, конечно. Пластинку у нее заело, что ли?

— Я бы тоже хотела это знать. Еще как хотела бы. А пока я знаю только то, что в этой могиле лежит человек, который пытался убить Тимура. По крайней мере, он так мне сказал.

— Кто? — Вероника глупо улыбнулась.

— Я же говорю — Тимур! — Односложность Вероникиных вопросов начинала мне потихоньку надоедать. — Я тоже думала, что он покойник, и носила сюда цветочки. И еще одному местному бомжу за их охрану четвертак отвалила.

— А я — полсотни, — растерянно прошептала Вероника. По крайней мере, пластинку сменила.

— А зря, — резюмировала я. Вероника снова посмотрела на помятый веночек и пробормотала задумчиво:

— Значит, Тимур жив... Но где, где он?

— До вчерашнего дня был у меня, — я вздохнула, — а где сейчас, понятия не имею. Вот думала, что ты это знаешь, но ошиблась. А мне он позарез нужен, потому что я по его милости влипла в очень неприятную историю.

Вероника по-прежнему не сводила взгляда с могилы псевдо-Тимура. Похоже, моя информация с трудом укладывалась в ее стриженной голове, что, впрочем, неудивительно. Могу себе представить, сколько там всякого хлама! Сдается мне, зря я ей все разболтала, прониклась, так сказать, сочувствием к ее горю. С другой стороны, после всех смертоубийств, к которым я против своей воли оказалась причастной, даже Тимур не осудил бы меня за то, что я выдала его тайну. Мне бы только его найти хоть на пять минут раньше, чем за мной придут с наручниками. И уж тогда я расколюсь на полную катушку, пусть Тимур на меня не надеется. Все-таки я слабая и беззащитная женщина, а не супервумен. А потому у него времени до вечера, и если он не объявится раньше, я выложу скромным товарищам в серой униформе все, что знаю. А буде они засомневаются, я призову на помощь Люську, которая видела Тимура живым и почти здоровым.

Пока я обдумывала свои ближайшие перспективы, Вероника, как выяснилось, тоже времени не теряла. Похоже, ей таки удалось разгрести хлам, скопившийся в ее экстравагантной лысой голове, потому что речи ее оказались в высшей степени осмысленными. А сказала она следующее:

— Кажется, я знаю, кто мог желать ему смерти.

— Ну-ну, и кто же это? — подбодрила я ее.

— Я!

Ну вот вам, это называется «приехали». По этой идиотке психушка плачет, а я, дура, пытаюсь разговаривать с ней как с нормальной.

— Это я, это я вынесла ему приговор! — Эта блаженная продолжала нести стопроцентную чушь. — Я... я затаила на него обиду... и... в конце концов она на него перешла. Она, она обрушилась на его голову, как дамоклов меч!

Сколько я помню, голова Тимура в результате покушения особенно не пострадала, но это и неважно в свете открывшихся фактов, а именно — того обстоятельства, что у самой Вероники с головой не в порядке, и скорее всего уже давно, судя по скудной растительности на ее

черепушке. Спрашивается, зачем я трачу время на душеспасительные беседы с этой умалишенной, когда у меня под ногами земля горит?

— Ладно, я пошла. — Я устало махнула рукой, на прощание по-дружески посоветовав:

— Не стоит тратиться на венки, все равно ведь украдут.

Но уйти мне не удалось. Вероника вцепилась мне в локоть и затараторила, затараторила... Сказать, что это была бессвязная речь, значило бы не сказать ничего. Это был поток сознания, прерываемый пространными паузами, охами, вздохами и неразборчивыми лирическими отступлениями. Признаюсь, я совершенно не рассчитывала обнаружить в этой куче словесного навоза жемчужное яйцо, а напрасно!

Мало-помалу привыкнув к своеобразной Вероникиной манере изложения мыслей, я научилась отделять немеренные завалы эмоций от сиротливых крупинок дельной информации. Сначала я эти крупинки заботливо отобрала, потом аккуратно подогнала друг к дружке, как детали детской мозаики, и поразилась сложившейся картинке. А на ней вырисовывалось следующее: наша экзальтированная Вероника была повернута на Тимуре без малого два года, все это время ухитряясь методично отравлять жизнь ему, его жене, ныне покойной, а также вычисленным ею любовницам (мне повезло, я счастливо избежала их участи). Мало этого, она еще умудрялась держать при себе на коротком поводке воздыхателя, у которого, судя по отрывочным Вероникиным сведениям, крыша тоже была не на месте. Какой нормальный мужик стал бы так долго позволять, чтобы его использовали в качестве жилетки для горьких слез по другому. Ну да, эта покинутая Тимуром краля пудрила мозги какому-то сохшему по ней хахалю в таком духе: мол, я бы тебя полюбила, если бы мое сердце не принадлежало тому, кто... Короче, «я другому отдана и буду век ему верна».

Так вот, как я уже сказала, преданный Вероникин поклонник терпел эти измывательства очень долго, а не далее как на прошлой неделе пообещал избавить ее от мук неразделенной любви, а заодно и себя, надо полагать. Каким образом, он не уточнил, да и сама Вероника не придавала значения его словам, и только теперь до нее дошел их смысл.

— Это я его толкнула на преступление! — закончила она свою исповедь, сильно смахивающую на психологический триллер.

Конечно, эта история выглядела не очень правдоподобной и даже искусственной, как веночек из желтых хризантем и шляпка с вуалью, но проверить ее следовало. Опять же заочный образ Вероникиного обожателя наталкивал на кое-какие сомнения. У меня складывалось такое впечатление, что с головой у него было не лучше, чем у Вероники. По крайней мере, навязчивые идеи этой парочке явно присущи. Он зафиксировался на Веронике, а она в свою очередь — на Тимуре. Гм-гм, а как же тогда со мной? Я ведь тоже прямо прикипела к Тимуру. Впрочем, речь ведь не обо мне, до меня еще очередь дойдет.

— Когда ты его видела в последний раз? — набросилась я на Веронику.

— Кого? — Эта чокнутая уставилась на меня из-под вуали, — Да хахаля своего!

— Как раз тогда, ну, неделю назад, — пролепетала Вероника, — а с тех пор — ни разу. Это так странно, он ведь каждый день ко мне приходил или звонил, а тут... Но я не придавала значения, а тут еще то... то, что случилось с Тимуром!

— А где он живет, знаешь? — прервала я утомительные излияния.

— Конечно, он живет в общежитии, — торопливо отрапортовала Вероника, прямо как на допросе у сурового следователя.

Я невольно себя зауважала.

* * *

Я схватила Веронику за шиворот и поволокла к кладбищенским воротам. Не могу сказать, чтобы она особенно сопротивлялась, только заикнулась:

— Ку-куда тащишь?

— Куда надо, — прошипела я и ущипнула ее за локоть.

Блаженная слабо взвизгнула, но затрусилась быстрее. И все же я немного переусердствовала, подталкивая Веронику, один раз она чуть не упала, я поддержала ее в последний момент. Второй раз она налетела на невесть откуда взявшегося Неуловимого Джо, который сделал вид, что совершенно этого не заметил. Опустил долу свои пройдошистые глазки и засеменял в сторону кладбищенской конторы. При других обстоятельствах я бы непременно провела с ним воспитательную беседу, но сейчас у меня и без него забот хватало. И потом, не будь его, как бы я догадалась, что скандалистка, донимавшая Алесю, и дама под вуалью одно и то же лицо? Как-никак это он поведал мне, откуда на якобы Тимуровой могилке появился веночек с умильным посвящением «Незабвенному котикю от киски». Так что бог с ним, пусть себе спокойно промышляет, прошу я его, пожалуй.

Возле автобусной остановки я притормозила и тряхнула Веронику:

— А где это самое общежитие, далеко? Та шмыгнула носом:

— На Вознесенской...

— Понятно, — протянула я уныло, — добираться с тремя пересадками. Так, едем на такси, расходы пополам. — А что, по-моему, это вполне справедливо.

— Я по нулям, — отозвалась на мое предложение эта юродивая.

Ну конечно, все денежки пошли на веночки, а раскошелиться придется мне, как будто я миллионерша. Ну, доберусь до Тимура, потрясу его знаменитый желтый конверт. Только бы мне его найти, только бы найти...

Поймать такси оказалось задачей не из простых. И вовсе не потому, что мы ловили машину у кладбища. Проблема была в экстравагантной Вероникиной внешности. Завидев брошенную Тимурову подружку, таксисты не только не тормозили, а, напротив, прибавляли газу. Я уж было хотела заставить ее снять идиотский чепец, но потом пришла к выводу, что без него будет еще хуже. В конце концов я поступила, как в рекламе шампуня. Отошла от Вероники метров на десять, остановила машину, договорилась с водителем, а уж потом позвала эту унылую жердь под вуалью. Видели бы вы физиономию несчастного таксиста, этот бедолага чуть шею не свернул, все оглядывался назад, на Веронику. Мне даже пришлось ему напоминать, чтобы он хоть изредка смотрел на дорогу.

Как бы там ни было, а до Вознесенской мы добрались быстро и без происшествий. Я расплатилась с таксистом и подтолкнула Веронику к крыльцу трехэтажной панельной коробки, на двери которой красовалась замызганная вывеска: «Общежитие мебельной фабрики». Так,

значит, наш безответный влюбленный какой-нибудь столяр-краснодеревщик? Что ж, очень романтично. Небось ваяет очередной диван-кровать, а все мысли у него о разлюбленной Веронике. И что мы имеем в результате? Как минимум кривоногий диван или рахитичную тумбочку.

— В какой комнате он живет? Вероника прикусила нижнюю губу:

— Номер не помню, но могу найти...

— Тогда вперед. — Я распахнула перед ней дверь.

— Еще бы сказала «фас», — огрызнулась Вероника.

Я оставила ее реплику без комментария, копила силы для скорой встречи с ее хахалем, подозревая, что услышу от него свежую порцию завиральных идей.

Мы поднялись на второй этаж по грязной, пропахшей кошачьей мочой лестнице, блаженная немного поозиралась и неуверенно указала на дверь в конце коридора:

— Кажется, здесь...

— Кажется или точно? Вероника только передернула своими худосочными плечиками.

Из-за двери неслась громкая бравурная музыка. По крайней мере, там кто-то есть. Я пару раз стукнула по прессованной фанере костяшками пальцев и поняла, что это бесполезно: включенный магнитофон с лихвой перекрывал мои усилия. Тут ногой надо лупить. Или кирпичом.

К счастью, Вероника додумалась взять инициативу в свои руки, что было вполне логично: муж-то все-таки ее. Она не стала ни стучать, ни кричать, просто толкнула дверь, и та открылась, легко и беззвучно. Впрочем, насчет второго ручаться трудно, много ли расслышишь за музыкальной канонадой?

Итак, фанерная дверь медленно уплыла вовнутрь, обнажив содержимое убогой комнаты: письменный стол у окна, пару ободранных стульев, две пустые кровати, хотя... Кажется, я поспешила с выводами: на дальней кровати, в углу, наблюдалась какая-то странная и непонятная возня под покрывалом. Ну вру, вру, это я для красного словца сказала, что возня была непонятная, на самом деле ее природа не вызвала сомнений.

Я покосилась на Веронику. До чего же не везет этой бедной овечке: один бросил, другой клянется в вечной любви, а между делом устраивает акробатические этюды на кровати. Наверное, она подумала о том же, стремительно пересекла комнату и, очутившись у кровати, содрала с нее покрывало. Ничего неожиданного моему взору не предстало: две включенные головы, а к ним, соответственно, две ошарашенные физиономии и четыре вытаращенных глаза. Через секунду одна из голов снова скрылась под покрывалом, зато вторая обложила нас отборным матом. Вот вам и романтика!

Я ожидала, что бледная немочь под вуалью в обморок грохнется, а она, не растерявшись, перекрыла «фонтан» пойманному с поличным краснодеревщику:

— Заткнись. Где Руслан?

Руслан? Кто такой Руслан, что-то мне невдомек? Не хочет ли она этим сказать, что постельный

акробат и ее обожатель далеко не одно и то же лицо?

— Видал я его, знаешь где! — ответствовала разозленная голова и подробно разъяснила, в каком именно месте она лицеизрела Вероникиного обожателя и когда. Так вот, если голова ничего не перепутала, было это аккуратно в день покушения на Тимура. В тот день влюбленный краснодеревщик взял на работе отгул, и с тех пор его никто не видел.

Мы с Вероникой многозначительно переглянулись.

Глава 20.

В ДВУХ СОСНАХ

— Ну что, допрыгалась? — прошипела я, когда мы с Вероникой выкатились в коридор, оставив парочку под простыней в покое. — Это твой хахаль пытался убить Тимура!

Бледная немочь не отвечала, только смотрела куда-то вдаль, точнее, в самый темный и пыльный угол длинного кишкообразного коридора. Выражение лица у нее было такое, словно она собиралась грохнуться в обморок.

На всякий случай я дернула ее за рукав:

— Эй, ты где? Очнись!

Вероникины зрачки еще сильнее расширились, а губы побелели. Ну вот, сейчас она свалится на пол, а мне что делать прикажете, поддерживать ее? Тошная-то она тошная, но и я не девушка с веслом.

— Ты чего? — На всякий случай я отвесила ей звонкую пощечину, исключительно для того, чтобы привести в чувство.

Подействовало — Вероника пришла в себя. Кровь начала приливать к ее лицу.

— Руслан хотел убить Тимура? — прошелестела она сухими, как бумага, губами.

— Вот именно, — поддакнула я, — и, между прочим, с твоей подачи.

— Я тут ни при чем, я этого не хотела! — взвизгнула Вероника. — Можешь спросить у Руслана, я не говорила ему, чтобы он убивал Тимура!

— Спрошу, непременно спрошу, — пообещала я, — когда мы с ним встретимся на том свете. Надеюсь, это не скоро произойдет.

Вероникины глаза стали снова вылезать из орбит:

— Что ты хочешь этим сказать? Вот тупая корова, только и умеет, что напяливать идиотские шляпки да скандалить!

— Да ничего я не хочу этим сказать, уже все сказала, — отрезала я и решительно направилась к выходу.

Некогда мне было с ней лясы точить, когда у меня столько проблем. И так я потратила на нее слишком много времени. Правда, благодаря ей я и выяснила кое-что, впрочем, это кое-что так

и не приблизило меня к разгадке ужасной тайны. Ну знаю я теперь, кто лежит в могиле вместо Тимура: Вероникин краснодеревщик, измученный ревностью и неразделенной любовью, ну и что с того? Ясно же, что ко всем остальным убийствам он не имеет ни малейшего отношения. Если, конечно, он не восстает время от времени из могилы. Да и Тимура я так и не нашла, по крайней мере, у Вероники его точно нет. А я так на нее рассчитывала!

— Ты куда? — Вероника настигла меня возле заплеванной лестницы и сразу же гирей повисла на моем правом локте.

— По своим делам, — буркнула я неприветливо, — не висни, мне некогда.

— Ты... ты меня бросаешь? — капризным тоном возмутилась бледная немочь. Можно подумать, я ей нянька!

— Отцепись! — Я дернула рукой.

— Нет, ты так не уходи, не уходи, — затараторила эта помешанная, — это что же, Тимур жив?

Надо же, как быстро до нее доходит!

— А там вместо него Руслан! Там Руслан, Руслан, да?!

Я ничего ей не отвечала, продолжая вырываться. И без того я убила на нее слишком много драгоценного времени. Можно сказать, последние свои часы на свободе я тратила на бесполезные беседы с буйнопомешанной Тимуровой подружкой.

В результате юродивой пришлось довольствоваться беседой с самой собой.

— Руслана больше нет? — спрашивала она себя и тут же отвечала:

— Конечно, конечно, его нет, иначе он бы пришел ко мне, а он не появлялся уже пять дней. Он больше не придет ко мне никогда? Никогда?

— По всей видимости, — кивнула я устало и принялась методично оттирать от своего локтя холодные и тонкие Вероникины пальцы, цепкие, как щупальца спрута: мизинец, безымянный, средний... Слегка переусердствовав, я сломала ей ноготь, она взвизгнула и отдернула руку. Ну вот, давно бы так. Я быстро побежала по лестнице вниз.

Вероника неслась за мной, громыкая подошвами армейских ботинок и поскуливая:

— Ну куда ты уходишь? Не бросай меня, не бросай!

Признаюсь, она меня разжалобила, на последней ступеньке я остановилась и обернулась к ней:

— Ну что ты расхныкалась? Тимур ведь жив, и это главное. Иди домой и отдыхай.

— А Руслан?

— Но ведь ты его не любила? Ты же любила Тимура, так что ты не в убытке. — Я попыталась хоть как-то ее урезонить.

Уверена, моя доброта когда-нибудь меня погубит, потому что и на этот раз участие в Вероникиной судьбе едва не стоило мне разбитой головы. Не знаю, что нашло на эту дурочку

(сама Вероника впоследствии утверждала, будто у нее просто подкосились ноги), но она вдруг буквально рухнула на меня сверху, как кирпич с крыши. Я попятилась и спиной уперлась в стену, при этом больно стукнувшись затылком.

А Вероника глубоко и часто задышала мне прямо в лицо:

— А если я не знаю, кого я действительно люблю: Тимура или Руслана? Они мне оба нужны, оба!

Ну все, полный финиш. За что мне это наказание? Почему я должна выслушивать бред сумасшедшей Вероники? Оказывается, она заблудилась в трех, вернее в двух, соснах, если только можно сравнивать мужиков с соснами, а меня выбрала в проводницы. Мне бы кто указал дорогу к светлому будущему.

Затылок мой саднил, в ушах звенело, а потому моральные Вероникины искания не нашли во мне должного отзыва.

— Все, — выдавила я из себя, — ты меня достала! — и, собрав остатки сил, оттолкнула ее от себя. Та отлетела в сторону легко, как воздушный шарик, уселась на лестницу и уронила голову на грудь.

Воспользовавшись моментом, я поторопилась покинуть «гостеприимные» стены общежития мебельной фабрики. Вероника не стала больше меня преследовать, Правда, поспешно удаляясь, я еще слышала ее нечленораздельное хныканье, это она убивалась по обделенному любовью краснодеревщику. Лучшего примера, чтобы проиллюстрировать мудрую пословицу «Что имеем не храним, потерявши, плачем», не найти.

* * *

Теперь, избавившись наконец от назойливой Вероники, я могла в относительно спокойной обстановке взвесить свои шансы, которых у меня было очень мало. Точнее, всего два. Первый — двинуться в милицию и выложить все начистоту, а дальше — будь что будет. Вторым — найти Тимура и с его помощью разобраться в этой запутанной истории, а уж потом — смотри пункт первый. Наверное, благоразумнее было бы сразу же начать с него, но Тимур, Тимур... Я должна хотя бы попытаться его разыскать, иначе меня совесть потом замучает. И потом, если я не предъявлю живого Тимура, в милиции мне могут и не поверить.

В общем, я решила продолжить его поиски. Вот если бы только знать, где искать. На Веронику, как выяснилось, я надеялась зря. Правда, в запасе у меня были еще полтора десятка фотографий Тимуровых «кисок», но внутренний голос громко подсказывал мне, что их лучше оставить в покое.

Кроме того, на то, чтобы всех их проверить, мне понадобится не меньше недели, а таким временем я не располагала. И какой из всего этого вывод? Только один: новая версия и новый след! След Урфина Джюса! Ох, лучше бы я о нем не вспоминала, потому что меня сразу холодный пот прошиб.

Я опять почесала затылок, в голове у меня после длительного общения с полоумной Вероникой была настоящая каша. Но если на Тимура покушался Вероникин краснодеревщик, который теперь вместо него в могиле, то Урфин Джюс, может, никакой и не киллер, как я предполагала ранее. Тогда что он делал на кладбище? А что, если он друг Тимура, так сказать, пришел проститься? Пожалуй, такая вероятность не исключена. Тогда мне нужно разузнать его имя немедленно! Но как? А фирма «Окна и жалюзи»? Ну да, конечно, конечно!

И я привычно бросилась догонять отходящий от остановки автобус, направлявшийся в центр.

* * *

Фирма «Окна и жалюзи» встретила меня запертыми дверями, которые, судя по висящему на стекле объявлению, должны были быть открытыми нараспашку в ожидании клиентов, по крайней мере, еще часа три, до семи вечера. Приложив ладонь к глазам, я заглянула в окно, пытаюсь рассмотреть, есть ли в офисе кто-либо живой. Стол секретаря был пуст, а стоящий на нем телефон прямо-таки разрывался. Значит, точно никого.

Впрочем, что тут странного? Ведь Урфина Джюса, владельца фирмы «Окна и жалюзи», вчера убили, и, может, он все еще лежит в той недостроенной многоэтажке, в пыли. Я еще немного постояла у дверей наглухо запертого офиса, не зная, что предпринять дальше. А потом меня окликнула дородная мороженщица, скусающая под зонтиком на противоположной стороне улицы. Она-то и сообщила зычным голосом:

— Сегодня они не появлялись. Клиенты ходят, ругаются, говорят, они заказы не выполняют. — И заключила многозначительно:

— Не иначе, очередная пирамида.

Я перешла через дорогу и купила у наблюдательной мороженщицы пачку пломбира. Не то чтобы я так сильно хотела мороженого, особенно на голодный желудок, скорее рассчитывала получить в нагрузку к нему еще кое-какую информацию. Ведь мороженщица, судя по всему, была наблюдательной особой.

— Да они сегодня, считай, не открывались, — доложила она, отсчитывая мне сдачу, — девчонка-секретутка еще с утра смылась, начальник тоже недолго отирался. А народ ходит, в окна заглядывает, говорят, заказы оформили, денежки взяли, а сами не выполняют...

— Начальник? — Ледяное мороженое обожгло мне небо.

— Ну да, такой блондинчик, ничего, смазливый, бабам нравится...

Я откусила здоровый кусок пломбира, вставший колом» в горле. Пока он там мучительно таял, я соображала: выходит, владелец фирмы «Окна и жалюзи» вовсе не Урфин Джюс? Очередная ошибка в моей стройной теории: мало того, что он, может, никакой и не киллер, покушавшийся на Тимура, так он еще и не владелец фирмы «Окна и жалюзи».

— Что это вы так побледнели? — Мороженщица заглянула мне в лицо.

— Кажется... Это... это мороженое, натошак...

— Кто же ест мороженое натошак? — укоризненно заметила мороженщица.

Только такие непроходимые тупицы, как я.

Я выбросила недоеденный пломбир в ближайшую урну и снова обернулась к своей осведомительнице:

— Вы случайно не знаете, как его зовут?

— Кого? — переспросила она.

— Ну этого, начальника...

— Откуда мне знать? Кажется, как-то... А, Константин, а отчество то ли Николаевич, то ли Александрович.

— А фамилия, фамилия!

— Понятия не имею, — мороженщица даже отодвинулась от меня с некоторой опаской, — мне что, я тут торгую, а они себе там... Мне до них никакого дела...

— Ладно, извините, — пробормотала я и, пошатываясь, поплелась прочь. Мне было стыдно и перед мороженщицей, и перед самой собой. Кем, черт побери, я себя вообразила, сыщицей? Хороша сыщица, ничего не скажешь, чем больше я погружаюсь в эту историю, тем меньше понимаю. Все мои идеи и озарения — блеф, не успеваю как следует разогнаться, как тут же торможу в очередном тупике. Нужно идти в милицию и каяться, пока не поздно.

Нет, я еще погожу, погожу... По крайней мере, одна ниточка у меня осталась — «Розовый фламинго». Урфин Джюс чувствовал себя там как рыба в воде, насколько я помню. Там я что-нибудь разузнаю, непременно что-нибудь разузнаю, убеждала я себя, а мое сердце ныло, ныло и твердило одно: ты не найдешь своего Тимура. А мне всего-то и хотелось от него — заглянуть в глаза и спросить: «Ведь ты не причастен ко всем этим убийствам?»

Конечно, он бабник и сластолюбец, но мне не солжет.

Глава 21.

ЗЛОБНЫЙ КАРЛИК ЧЕРНОМОР

Клуб «Розовый фламинго» выглядел совсем не так, как в прошлый раз, а каким-то замершим и Опустевшим, за стеклянной дверью покачивался на шнурке криво вывешенный кусок картона: «Извините, мы сегодня не работаем». Буквы были корявые, накорябанные наспех, что могло свидетельствовать только об одном: заведение закрылось спешно и при экстраординарных обстоятельствах. До чего же мне все-таки не везет! Я немного потопталась у запертой двери, после чего попыталась найти другой вход, служебный, пожарный или какой-нибудь еще, без разницы. Таковой обнаружился во дворе, за штабелем старых ящиков и зловонным мусорным контейнером. И вообще задворки клуба любителей боев в розовом желе сильно отличались от его фасада, можно даже сказать, контрастировали. Это называется: особенности национального капитализма.

И задняя дверь была неказистая, перекошенная и обитая ржавой жестью, а хуже всего, что и она оказалась запертой. Пришлось мне вернуться к центральному входу. Там за время моего отсутствия ничего не изменилось, только вывеска с дежурными извинениями слегка колыхалась за стеклом. В сумрачном вестибюле скользнула какая-то тень, и я постучала по стеклу:

— Эй, кто-нибудь!

Тень остановилась, двинулась к двери и в конце концов преобразовалась в упитанного товарища в униформе охранника. Товарищ пронзил меня бдительным взглядом из-под насупленных бровей, после чего молча указал толстым, похожим на сосиску пальцем на корявую вывеску с извинениями. И тут же — я не успела и рта раскрыть — скрылся в глубине вестибюля.

Раздосадованная, я снова стукнула кулаком по двери, да так, что стекло зазвенело. На этот раз охранник удостоил меня большим вниманием. Приоткрыл дверь и сурово поинтересовался:

— Чего тебе?

— Мне нужен этот... маленький, лысенький, или другой, высокий... Как его? А, Лонг! — вспомнила я.

— Ты насчет работы?

Я с готовностью кивнула. Если понадобится, для пользы дела я даже согласна повторить свое знаменитое выступление на ринге.

Однако на этот раз номер не прошел.

— Завтра приходи, — отчеканил охранник и потянул дверь на себя.

— Ну пожалуйста, пожалуйста, для меня это очень важно, — захныкала я, повиснув на дверной ручке.

Неумолимый охранник не желал давать мне ни малейшего шанса, захлопнул дверь и повернулся спиной. Из глубины вестибюля его кто-то окликнул, и он отозвался:

— Иду-иду.

Я снова отчаянно забарабанила в дверь. И тогда за стеклом показался знакомый мне бугай в респектабельном костюме, близоруко сощурился и заморгал.

— Это я, я! — Для пущей убедительности я пару раз ткнула себя пальцем в грудь.

Присмотревшись, он меня узнал, но особенной радости по этому поводу не выразил, повторив трюк охранника с вывеской, мол, только не сегодня.

Ну и свинья! Вчера против моего желания затолкал меня в скользкий розовый кисель, а сегодня не желает разговаривать.

— Откройте! — объявила я приказным тоном. — Немедленно откройте!

Лонг удивленно приподнял брови, но дверь все-таки распахнул.

— Слушай, приходи завтра, а? Сегодня — тяжелый день. Лады?

— Мне нужно поговорить, — пробормотала я просительным тоном, заглядывая в его невыразительные поросычьи глазки.

— Ну хорошо, — вздохнул Лонг и бросил стоящему за его спиной охраннику:

— Я сейчас. — Потом прикрыл за собой дверь и подошел ко мне вихляющейся походочкой. — Ну выкладывай, что там у тебя, только поскорее, мне некогда.

Мне и самой не с руки было тянуть время:

— Меня интересует один человек, он у вас тут появлялся...

Бугай меня заторопил:

— Что за человек?

— Такой... Такой... — Я представила себе Урфина Джюса живым, разумеется, и постаралась расписать его во всех подробностях. — Ну... у него низкие надбровные дуги, глаза немного косят, взгляд такой... м-м-м... исподлобья, колючий, нос... искривленный... — Я поймала себя на том, что изображаю Урфина Джюса в тех же выражениях, в каких еще вчера мне обрисовывала его Альбина.

Про спутанные волосы и синеватую трехдневную щетину на щеках и подбородке я поведать не успела, потому что Лонг, не говоря ни слова, подхватил меня, как пушинку, и буквально внес в вестибюль, причем вперед ногами. Первое, что я сделала, когда каблуки моих туфель клацнули о мраморный пол, одернула платье и уж было совсем собралась возмутиться бесцеремонностью некоторых, но мне так и не удалось открыть рот, потому что Лонг набросился на меня с вопросами, совсем как капитан Петраков, продемонстрировав при этом приличный словарный запас.

— Откуда ты его знаешь? Когда ты его видела в последний раз? Где он сейчас? Это он тебя подослал, да?

Странные это были вопросы, я бы даже сказала, взаимоисключающие.

Я только выставила вперед руку, предлагая своему говорливому собеседнику умерить свой пыл. Мол, не все сразу. Он и вправду больше не сказал ни слова, просто молча втолкнул меня в тот самый зал, в котором я накануне барахталась в розовом желе, отважно сражаясь с долговязой Марго. Впрочем, насчет «накануне» я не совсем уверена, потому что из-за бесконечной череды драматических событий время как категория утратило для меня свой первоначальный смысл, оно вытворяло, что ему заблагорассудится, то растягиваясь, будто жевательная резинка, то скукоживаясь, словно банановая кожура на солнце. Так вот, на первый взгляд в этом самом зале ничего не изменилось: и сцена на том же месте, и столики, только вот было пусто, а главное, в воздухе висело что-то такое... Вроде предгрозовой тишины. Тут бугай снова придал мне ускорение, и я вылетела прямо на середину зала, уперла руки в боки и поинтересовалась:

— Да в чем дело, в конце концов?! Как вы понимаете, мною руководил отнюдь не праздный интерес.

— Я бы тоже хотел это знать, — откашлялся кто-то позади меня.

Я обернулась и увидела вчерашнего карлика, который, по моим прикидкам, и был хозяином всего этого бедлама. Вид у этого пигмея был неважнецкий: физиономия помятая, под глазами синяки, какие появляются после парочки бессонных ночей.

— Ну и зачем она здесь? — усталым тоном осведомился он у Лонга. Речь шла обо мне, и его тон мне не понравился.

— Она что-то знает о Корявом, — коротко бросил Лонг.

— Корявый? Какой еще корявый? — Тяжело дыша, я переводила взгляд с бугая на коротышку.

— Ну и что ты знаешь о Корявом? — Голос коротышки был приторно-сладким.

— Сначала просветите меня, кто это такой, — пробормотала я. Я их совершенно не боялась, только разговор у нас был как у слепого с глухим.

Коротышка посмотрел на Лонга, а тот на меня, прибавив с досадой:

— Кончай прикидываться, ты про кого меня спрашивала?

— Вот именно, спрашивала! — подхватила я. — Я вас спрашиваю о нем, а вы меня о нем же. Это как-то нелогично. — Пускаясь в эту сугубо формалистическую дискуссию, я намеревалась оттянуть минуту, когда прозвучит следующий вопрос: «А зачем он тебе понадобился?» Что бы такое мне им наплести? В бывшие одноклассники и друзья детства Урфин Джюс мне явно не годится, к тому же в таком случае я бы, по крайней мере, знала, как его зовут. А как насчет случайного знакомства... Гм-гм, трудно придумать что-нибудь путное на ходу.

Коротышка продолжал демонстрировать мягкость и обходительность. Притворно попеняя бугаю: «Ну что ты разорался на девушку, совсем напугал!», он якобы заботливо приобнял меня за плечи и стал настойчиво подталкивать к двери в служебное помещение, в котором я тоже успела побывать в прошлый раз:

— Пойдем, милая, поговорим спокойно, по душам... Я заупрямилась:

— А здесь, что ли, нельзя? И здесь можно поговорить...

Хоть коротышка и выглядел совершенно тщедушным, объятия его были прямо-таки стальными, я чувствовала себя в них как в клетке: ни туда, ни сюда. Он без труда затолкал меня в темный коридор, а уже оттуда — в ту самую комнату, в которую я накануне по неосторожности влетела, так сказать, пала жертвой собственного любопытства.

— Располагайся, располагайся. — Коротышка подтолкнул меня к дивану, стоящему слева от двери.

Я покорно припечаталась к скрипящей кожаной обивке и на всякий случай наметила пути отхода, которые были немедленно отрезаны, поскольку Лонг встал у двери, как часовой, и демонстративно сложил руки на груди.

Коротышка уселся за стол и принялся с таким неподдельным интересом рассматривать собственные руки, словно увидел их первый раз в жизни. Что-то углядел, выдвинул верхний ящик стола, блеснул каким-то маленьким предметом, щелкнул и снова полюбовался своей правой рукой, уже удовлетворенно. Заусенец срезал, догадалась я.

Щипчики — а это были щипчики — коротышка оставил на столе и перевел взгляд на меня:

— Так зачем тебе Корявый?

Я покосилась на Лонга и вздохнула:

— Да я не совсем уверена, что тот, о ком я спрашивала, и есть этот ваш... Корявый... Может, мы все-таки о разных людях говорим.

— Да она его точно описала! — не удержался от комментария Лонг.

— Да мало ли похожих людей! — возмутилась я.

Подумать только, я ведь явилась в клуб, чтобы что-нибудь разузнать об Урфине Джюсе, а

теперь пытаюсь увести разговор в другую сторону.

— Ну хорошо, пусть они всего лишь похожи друг на друга, — подозрительно легко согласился коротышка. — Тогда давай разберемся сначала с твоим. Кто он такой?

— Понятия не имею, — простодушно призналась я.

Похоже, с простодушием я немного переборщила, потому что коротышка укоризненно покачал головой:

— Так ведь не бывает. Как можно искать неизвестно кого?

Еще как бывает, иначе чем я занимаюсь последние три дня? Бегаю за чьей-то тенью, и в процессе этого бега теряю любимого мужчину, влипаю в идиотские истории, а главное, то и дело натываюсь на трупы, на которые мне просто удивительно везет. И хоть бы от этого был какой-то толк, не от трупов, конечно, а от моего самоотверженного мельтешения. Спрашивается, кто мне за это спасибо скажет? Впрочем, в глубине души я все еще надеюсь на Тимурову благодарность, но уже после того, как он найдется живым и здоровым, само собой. Посмотрит своими аквамариновыми глазами прямо мне в душу и ласково произнесет:

— Я всегда знал, что ты единственная женщина на свете, на которую я могу положиться.

И пожмет мою мужественную руку. Нет, эта сцена должна выглядеть по-другому. При свечах, у пылающего камина, да-да, у камина... Сначала он швырнет в огонь коллекцию своих «кисок» — к сожалению, это будут всего лишь фотокопии, а не оригиналы, — а потом обнимет меня... Ой, я кое-что забыла, кроме свечей и камина, непременно должно быть вино, желательно красное и в хрустале. Итак, он меня обнимет и скажет...

— Ну, и чем же знаменит тот человек, которого ты ищешь? — Это спросил не Тимур, а коротышка. К моему огромному сожалению.

Я склонила голову, придумывая новую отговорку, при этом взгляд неожиданно уперся в стол, за которым восседал коротышка. То, что я увидела, заставило меня усмехнуться: ноги коротышки не доставали до полу и болтались, как у маленького ребенка.

Мое веселье не осталось незамеченным, прежде совершенно сладкий, как патока, коротышка нахмурился. Я поняла, что мне нужно соображать побыстрее. Я напрягла извилины, и на ум мне пришла одна история, пару недель назад вычитанная в газете в колонке происшествий.

— Он... этот, ну, который похож на вашего Корявого, он меня кинул, — сообщила я и счастливо улыбнулась. — Я дала объявление в газету о продаже шубы, а он... он мне позвонил и сказал, что именно такая шуба ему и нужна, а у меня шуба хорошая, свингер из хоря. Ну, мы сговорились, а в последний момент он мне подсунул... эту, как ее, куклу. Ну, знаете, как они делают, эти мошенники, берут пачку бумаги, сверху и снизу кладут настоящие купюры и...

— Зачем Корявому какой-то хорек? — снова не выдержал Лонг.

Я продолжала самозабвенно врать, не обращая ни малейшего внимания на его неорганизованные выкрики:

— Ну вот, он мне сунул эту бумажную пачку и тью-тью с моей шубой. Я два дня ревела белугой, сунулась в милицию, там говорят: пишите заявление. Написала, а сама с шубой распрощалась, думаю, фиг они найдут, может, и искать-то не станут, да... Это было еще зимой, а тут,

буквально вчера, иду я по Остаповской набережной и вижу такое знакомое лицо, и начинаю мучительно соображать, откуда я его знаю. И представьте себе, тут словно озарение на меня нашло: ба, говорю я себе, да ведь это тот, кто украл мою шубу... А он сел в машину и был таков, я тоже быстренько в такси и за ним. Он остановился возле вашего клуба, я тоже, ну, дальше вы знаете...

— Понятно, — коротышка был сама разлюбезность, — здесь след преступника затерялся. А вы с горя взяли и немного тут у нас побоксировали.

— Ну да, — я растерянно улынулась, не очень-то поняла, куда он клонит, — вышло небольшое недоразумение.

— Так уж и недоразумение, — совсем по-отечески пожурил меня коротышка, — по-моему, очень даже хорошо получилось. Клиенты были в восторге.

— Ну вы скажете! — Я старательно потупилась, а заодно еще раз полюбовалась смешными коротышкиными ногами, болтающимися на весу. Если уж продолжать ряд сказочных героев, начатый Урфином Джюсом, то коротышка просто напрашивался на сравнение с карликом Черномором из «Руслана и Людмилы». Если ему чего и не хватало до полного сходства, то только длинной бороды, восточных туфель с загнутыми носами и смешного колпака. Пожалуй, так я его и буду называть впредь — не в глаза, конечно, а про себя — карлик Черномор. Только тот, сказочный, был злобный и коварный, а этот просто смешной.

А карлик Черномор будто из кожи вон лез, чтобы лишний раз меня повеселить. Он вдруг сморщил свой маленький носик пипочкой, словно собирался чихнуть, а вместо этого зевнул, клацнув зубами, как пес, поймавший муху. Вот только то, что он сказал потом, мне совсем не понравилось. А сказал он буквально следующее:

— Складно излагаешь. А теперь поведай, как все было на самом деле.

Я застыла с открытым ртом.

Глава 22.

ПАНИКА В «РОЗОВОМ ФЛАМИНГО»

Такого продолжения я не ожидала. Эта парочка — Лонг и Черномор — насели на меня с двух сторон. А перед этим Лонг долго орал, так что у меня заложило левое ухо:

— Да врет она все! Стал бы Корявый лезть на рожон из-за какого-то облезлого хорька!

Я притворно обиделась:

— Никакой он не облезлый, это ваш Корявый облезлый!

— Да Корявый сроду никого не кидал! — продолжал драть свою луженую глотку бугай. — Это не его специализация! Он не кидала!

— А кто он, киллер? — не удержалась я. Конечно, я сболтнула лишнее и очень бы хотела вернуть этого воробья, да где уж там.

В комнате на короткое время воцарилась напряженная тишина, после чего слово взял Черномор.

— Видал сюрприз? — осведомился он у Лонга.

Тот подошел ко мне сзади и вцепился в ворот моего платья, словно собирался вывесить меня на просушку. Я поторопилась расстегнуть верхнюю пуговицу, иначе бы он меня точно придушил.

— Где Корявый?! — рявкнул он.

— Да не знаю я, ничего не знаю!.. — плаксивым тоном произнесла я.

Не знаю, права я или нет, но рассказывать про то, что Урфин Джюс, он же Корявый, мертвый лежит в недостроенном доме на городской окраине, мне почему-то не хотелось.

— Врет она все! — в сердцах заключил Лонг.

А Черномор молча сделал ему какой-то знак, смысл которого я поняла, когда Лонг вырвал из моих рук сумку и швырнул ее на стол.

Карлик пододвинул мою сумку к себе, аккуратно и неторопливо расстегнул «молнию», после чего высыпал из нее все содержимое. На стол полетели косметичка, ключи от квартиры, носовой платок и злосчастный желтый конверт с фотографиями. Я невольно зажмурилась и втянула голову в плечи, а Черномор взял в руки конверт, заглянул вовнутрь, усмехнулся и вытряхнул карточки, разложив их перед собой, как пасьянс. Сначала он разглядывал их без особенного интереса, а потом выбрал одну из фотографий, поднес ее к лицу и щелкнул пальцем по глянцевой поверхности:

— Смотри-ка, и эта здесь. Так вот откуда ветер дует!

Чтобы понять, какой «ветер» он имел в виду, я подалась вперед и немного скосила взгляд, но, к сожалению, так ничего и не рассмотрела.

— Ну и в какую игру ты играешь, милая? — снова почти добродушно поинтересовался карлик.

Странно, но этот его задушевный тон и ласковое обращение «милая» произвели на меня совершенно гнетущее впечатление, даже мурашки по коже пробежали, а во рту пересохло. В старых романах про такое писали: «В лицо ей дохнуло могильным холодом». Вот именно могильным, при том, что мне никто не угрожал, не наставлял на меня пистолета и не обещал расправиться. Я пыталась понять природу обуявшего меня почти животного страха, но не могла. Только теперь до меня мало-помалу начало доходить, что даже ради Тимура я не готова разделить участь Варфоломея, Урфина Джюса и Альбины. И не считайте меня эгоисткой или, не дай бог, трусихой, еще неизвестно, как бы вы повели себя в подобной ситуации. Словом, я внутренне приготовилась выложить все, что знала, ничего не утаивая, ибо мой внутренний голос настоятельно советовал мне не упрямиться.

А коротышка словно подслушал мои мысли, посетовав с фальшивым сочувствием:

— Эх, зря ты влезла в это дело, эх, зря...

Я была близка к тому, чтобы разрыдаться, так жалко мне себя стало.

— Ну так где же Корявый? — повторил свой вопрос карлик спокойно, без крика, но уж лучше бы он кричал, честное слово.

— Он... Он... — Я глубоко вздохнула. — Он... Его убили...

Глаза коротышки полезли из орбит.

— Чего ты плетешь? — заволновался он.

Я всхлипнула:

— Его убили, но я, честное слово, не знаю, кто это сделал... Я просто видела, видела его... Он лежит в недостроенном доме., там... там... Не знаете, эти дома в районе Пионерских прудов?

— Ты не свистишь? — уточнил коротышка.

— Че... честное слово... — Я сбивчиво рассказала, что именно я видела в недостроенной панельной девятиэтажке на западной окраине города, в районе Пионерских прудов, который, по идее, должен со временем стать фешенебельным, а пока больше напоминал лунную поверхность, а то и марсианскую.

В комнате воцарилась тишина, торжественная, как в ритуальном зале крематория. Черномор впал в прострацию, Лонг тяжело и прерывисто сопел за моей спиной. Без сомнения, мое сообщение потрясло их. Пока они привыкали к известию о смерти Урфина Джюса — Корявого, я тоже времени даром не теряла. Занимала себя содержательной беседой с собственным внутренним голосом, точнее говоря, испрашивала у него совета (больше-то не у кого), а он в ответ крыл меня последними словами. За все хорошее. За любовь, переходящую в одержимость, и любознательность, плавно перетекающую в полное безрассудство.

Тишину прервал коротышка.

— Это нужно проверить, — распорядился он, глядя на Лонга.

— А почему я? — задумчиво возразил тот.

— А у тебя есть другая кандидатура? — ответил вопросом на вопрос карлик.

Похоже, другой кандидатуры не нашлось, потому что Лонг уныло буркнул:

— А как я найду этот дом?

Чувствуется, перспектива поисков мертвого Урфина Джюса улыбалась этой тупой орясине не слишком заманчиво.

— Спросишь у кого-нибудь, — с издевкой бросил коротышка, — у прохожих поинтересуешься, не завалился ли где-нибудь поблизости подходящий труп.

Шестое чувство подсказало мне, что черным юмором карлик маскировал свою растерянность, а может, даже и страх. Теперь-то я понимаю природу внезапно охватившего меня ужаса, он передался мне от Лонга и Черномора. Я боюсь их, а они кого-то еще. Точно, они боятся еще сильнее, чем я!

— Может, я возьму ее с собой? — выдавил из себя Лонг, кивнув в мою сторону. — Покажет, в каком доме...

— Ты уж лучше сразу в милицию обратись, — прошипел карлик Черномор, — они тебе подсобят.

Бугай снова засопел, на этот раз обиженно:

— Но хоть тачку-то мне можно взять?

— Валяй, захвати с собой сотовый, если что, сразу звони, — милостиво разрешил коротышка, — только в темпе, — а потом перевел взгляд на меня. — А барышня побудет у нас до выяснения обстоятельств дела, как говорят некоторые.

Я нервно теребила край платья, перспектива застрять в клубе на неопределенное время осложняла мое и без того запутанное положение. Вот что значит заниматься частным сыском на самодеятельной основе, без должной квалификации и опыта. Я не только не нашла Тимура и ни на шаг не приблизилась к разгадке тайны череды непонятных убийств, я завязла в этой истории, как муха в варенье. И вот до чего я доигралась: коротышка посадит меня под замок, может, даже в какой-нибудь подвал с крысами и пауками, бр... Интересно, у них тут есть подвал? А вдруг — эта мысль заставила меня вздрогнуть — Тимур тоже у них? Тогда я согласна на крыс и пауков, только бы рядом с ним. А что, это было бы очень романтическое свидание.

— И где вы меня запрете? — вежливо поинтересовалась я.

— Да у нас здесь не застенки гестапо, слава богу, — пробормотал коротышка, не глядя в мою сторону. Он лихорадочно рылся в своем столе, что-то рассовывая по карманам. И вообще выглядел как министр Временного правительства за минуту до прихода матроса Железняка.

Кстати, очень скоро выяснилось, что насчет застенок гестапо, вернее, их отсутствия, Черномор не наврал: я оказалась запертой не в затхлом подвале с крысами, а в соседней комнате, той самой, в которой еще вчера меня скоропалительно готовили к выступлению «на ринге». «Изолировал» меня Лонг, и, прежде чем он ушел, я еще успела выяснить, что будет, если я заору.

— Лучше бы этого не делать, — посоветовал он в ответ и торопливо удалился, озабоченный и подавленный.

Оставшись наедине с замызганным туалетным столиком, засиженным мухами зеркалом, парикмахерским креслом и пластиковой ширмой, я приуныла. Что и говорить, обстоятельства складывались далеко не в мою пользу. Утром я с три короба наврала капитану Петракову только затем, чтобы распорядиться остатками сегодняшнего дня в своих типичных Тимуровых интересах. И что теперь? Теперь я была заперта в четырех стенах на неопределенное время, и это еще в лучшем случае. Про худший лучше не думать, дабы, не паниковать. Пусть паникуют Лонг и Черномор. Кстати, дорого бы я дала, чтобы узнать, что именно их так взволновало.

В общих чертах ситуация, конечно, была понятна: Урфин Джюс, он же Корявый, член их шайки, именно по этой причине они и приняли весть о его смерти так близко к сердцу — а вот дальше столько необъяснимого... Начнем с того, что «шайка» — определение весьма условное, дальше переходим к Тимуру: какое отношение он имеет к «Розовому фламинго» и его хозяевам? Теперь — фотографии Тимуровых «кисок», между прочим, оставшиеся у Черномора, они ведь здорово его взволновали, по крайней мере, одна из них, жаль, не знаю какая. Я скрипнула зубами и уставилась на, собственное отражение в зеркале.

Ох, и нелепо же я выглядела в своем бирюзовом платье, ни дать ни взять увядшая незабудка из веночка безутешной Вероники. А туфли? Мои новые белые лодочки на высоком каблучке, перемазанные кладбищенской глиной, имели совершенно жалкий вид. А что это за бледная девица со включенными волосами смотрит на меня из зеркала? Неужели это я? Вот до чего доводит любовь к суперменам! И если бы дело ограничивалось только «картинкой» — кроме

этого, я безумно хотела есть, просто быка бы съела. Взяла бы за рога и проглотила вместе с копытами. Скажи мне кто-нибудь прежде, что я буду испытывать чувство голода, можно сказать, перед лицом смертельной опасности, ни за что не поверила бы, однако это было именно так.

С голодом бороться трудно, так же, как и с любовью. Я, правда, знаю один универсальный способ — крепкий здоровый сон, но в сложившихся условиях вряд ли мне удастся ресницы смежить. И все же я забралась в парикмахерское кресло, предварительно откатив его подальше от туалетного столика, усыпанного пеплом сигарет Марго. Кресло было жесткое и скрипучее, а потому мне пришлось долго выбирать мало-мальски удобное положение. В конце концов я поджала под себя ноги, а голову положила на твердый подлокотник. Мне было грустно, я даже всплакнула немного, но потом решила экономить силы, которые мне еще пригодятся, вытерла слезы и закрыла глаза.

* * *

— Эй, ты чего тут разлеглась? На меня смотрела Марго. Она стояла возле кресла, уперев руки в бока, обтянутые короткой кожаной юбкой. Кроме юбки, на ней была еще майка из эластика ядовито-зеленого цвета и плетеные сандалии на платформе.

Я покачала головой, чтобы стряхнуть с себя остатки сна, и спустила ноги с кресла. В комнате было сумеречно, а значит, с того момента, как я почти мистическим образом отключилась, прошло немало времени.

— Который час? — спросила я у Марго, потягиваясь и зевая.

— Половина десятого. — Марго покосилась на наручные часы с браслетом под золото.

— Ого! — Я подпрыгнула и огляделась. — А где... все? — так дипломатично я отозвалась о Черноморе и Лонге.

— Сама хотела бы знать. Пришла, а здесь ни одной сволочи, кроме охранника. Этот козел еще пускать меня не захотел, мол, нет никакого приказа...

Я ее перебила:

— Как это — никого? Они же меня заперли!

— Кто? — ошалело уставилась на меня Марго.

— Кто-кто? — разозлилась я. — Конкретно — Лонг, в этом самом гадюшнике. — Я огляделась.

Марго швырнула на туалетный столик кожаную сумку в форме солдатского вещмешка:

— Не знаю, кто тут тебя запирает, но дверь была открыта.

— Не может быть! — охнула я. Ну и дура же я, даже не попыталась удостовериться в том, что Лонг меня действительно запер. Смирилась и свернулась в кресле калачиком, как кошка.

— Точно говорю, — хмыкнула Марго и рухнула в освобожденное мною кресло. — Черт, что за жизнь такая сволочная! — Она сунула руку в свой вещмешок и достала пачку сигарет — между прочим, «Честерфилд» — и зажигалку. Прикурила, жадно затянулась, втянув щеки, и снова выругалась:

— Чертовы ублюдки! Обещали заплатить, я долгов нахватала, а они... Слушай, — она оживилась, — может, ты меня выручишь? Мне не много нужно, тыщи три, четыре, на пару недель...

— Я на мели, — замотала я головой.

Я не врала, так оно и было, всю свою наличность я потратила на организацию «охраны» могилы мнимого Тимура, а также на оплату погони за Урфином Джюсом. Марго поскущела:

— Ну вот, и ты туда же, у тебя тоже экономический кризис, да? Я пожалала плечами:

— Почему сразу экономический кризис? Просто временные затруднения, вызванные объективными причинами.

— Да? — Марго посмотрела на меня с уважением, видно, на нее произвели впечатление мои псевдонаучные формулировки, а потом посетовала:

— Жалко, а то у меня проблемы, должна я одной морде. Попался бы мне сейчас этот Лонг, зараза, обещал: Маргоша, будешь с нами дружить, озолотишься... Как же, озолотилась. Недаром Каринка отсюда ноги сделала, вовремя разобралась, а я, дура, клюнула на удочку.

Каринка, которая вовремя удрала из «Розового фламинго», интересовала меня мало, точнее, не интересовала совсем. В гораздо большей степени меня беспокоило, куда девались Лонг и Черномор. Их скоропостижное исчезновение вкупе с паническими настроениями — это что-нибудь да значило.

Я открыла дверь, выглянула в коридор и обернулась к Марго:

— Так их правда нет? Марго усмехнулась:

— Стану я врать! Эти проходимцы куда-то слиняли, а охранник ничего не рассказывает, может, и не знает. Куда они могли деваться, интересно?

Я бы тоже хотела это знать. Ну, допустим, Лонг поехал на Пионерские пруды проверить, не соврала ли я насчет мертвого Урфина Джюса, а куда отчалил Черномор?

Марго в задумчивости взъерошила свою белокурую копну, высушенную гидроперитом:

— Хорошо бы к ним в сейф заглянуть... Нет, сейф мне не осилить... Разве что в столе порыться, там у них наверняка что-нибудь да найдется.

И Марго развила бурную деятельность, а именно, вытряхнула из своей сумки разнообразные причиндалы. На обшарпанную поверхность туалетного столика полетели пудреница, пара тюбиков губной помады, салфетки, записная книжка, расческа, складной зонтик, господи, да он у нее бездонный, что ли, этот вещмешок! В следующую минуту Марго разгребла свои богатства и продемонстрировала мне какой-то маленький предмет: вот! Я пригляделась, подумаешь, невидаль — пилка для ногтей.

Однако, судя по торжествующей физиономии Марго, она в отличие от меня возлагала на эту самую пилку большие надежды. Даже причиндалы свои со стола собирать не стала, сразу рванула в коридор. Я, разумеется, за ней. Остановившись у соседней двери, той, за которой был кабинет карлика. Марго приложила палец к губам: молчок. Я, заинтригованная, согласно кивнула, а Марго сунула свою универсальную пилку в замочную скважину и стала осторожно,

прислушиваясь к каждому звуку, поворачивать.

Очень скоро раздался негромкий характерный щелчок. Марго обернулась ко мне, заговорщицки улыбнулась и объявила громким шепотом:

— Есть!

Потом она толкнула дверь коленкой, и та покорно отворилась, а Марго поманила меня за собой. Я и сама не имела ничего против того, чтобы осмотреть кабинет карлика в отсутствие его хозяина.

Глава 23.

ЕЩЕ ОДНА «КИСКА»

— Ну и разгром! — присвистнула Марго. В комнате и впрямь был чудовищный беспорядок, лишнее доказательство тому, что обитатели покинули ее в жуткой поспешности и панике. Под ногами шуршали разбросанные бумаги, ящики стола были выдвинуты, даже сейф, до которого мечтала добраться Марго, был распахнут, и его пустое нутро безмолвно свидетельствовало о полном крахе ее надежд.

— Что у них тут произошло? — Марго задумчиво посмотрела на меня.

— Понятия не имею, — пожалала я плечами. Если я и привирала, то самую малость.

— Можно подумать, тут обыск был. — Марго заглянула в ящики стола, и на ее слегка одутловатом лице отразилось жестокое разочарование.

— Можно, — согласилась я и поддела носком туфли одну из валяющихся на полу бумажек. Та перевернулась, и в тусклом сумеречном свете я узнала в ней одну из фотографий из Тимуровой коллекции. На ней он был застигнут сидящим в машине с девицей лет двадцати — двадцати двух, не то чтобы очень яркой и привлекательной, но, несомненно, сексапильной. От таких за версту несет несвежей и смятой постелью, но мужчинам это нравится, насколько я в них разбираюсь.

Я присела на корточки, раздумывая, не собрать ли мне фотографии или уж бросить их тут совсем. Марго, не нашедшая в столе ни копейки, присоединилась ко мне.

— Ого! — воскликнула она. — Да это же Каринка. С кем это она?.. Постой, где-то я видела этого типа, дай бог памяти... Да здесь и видела, в клубе, с Лонгом они калякали и еще таким... страшным, этот тут чаще бывает...

У меня даже дыхание перехватило:

— С Урфином Джюсом?.. То есть Корявым?..

Похоже, ни то, ни другое прозвище ничего не говорило Марго, поэтому я быстренько нарисовала словесный портрет Урфина Джюса, тем более что в этом я в последнее время здорово насобачилась.

— Точно он, — подтвердила Марго. Чтобы сосредоточиться, я прижала к вискам ладони. Вот так новость, выходит, Тимур знал Урфина Джюса? Даже не знаю, как отнестись к этому открытию. А что там Марго наплела насчет какой-то Каринки?

— Эй! — окликнула я ее. — Кто такая Каринка?

— Да вот же она. — Марго ткнула пальцем в фотографию. — Она здесь работала до меня, когда еще стриптиз был, а потом ушла.

— Значит, она стриптизерша? Марго презрительно фыркнула:

— Ну я не знаю, что у нее в трудовой книжке записано... И вообще, какой тут у нас стриптиз? Крутить задницей, держась за шест, это еще не значит стриптиз показывать.

— И что... она крутила? — Мне трудно было скрыть свою шкурную заинтересованность. Как-никак эта самая Каринка крутила своей задницей не только для завсегдатаев «Розового фламинго», но и для Тимура, так сказать, целевым назначением.

— Еще как! — хмыкнула Марго. — С полгода, наверное. А потом ее задница примелькалась, прибыли упали, и хозяева решили заменить стриптиз грязными боями. Ну, про это ты знаешь. — Она усмехнулась.

— Да уж... — пробормотала я. Марго распрямилась и грустно вздохнула:

— Да-а... У них тут не разживешься, вот крохоборы, копейки не оставили. Куда они слиняли, интересно?

— Вот именно, — поддакнула я механически, прикидывая, как мне распорядиться свежедобытой информацией о стриптизерке Карине. Ведь ясно же, что оставлять ее без внимания нельзя. А что, если?.. Кто сказал, что Тимур может быть сейчас у нее? Ах, господин внутренний голос. И без вас догадалась, любезнейший, не такая тупая, как вы думаете. А раз Тимур у нее, то, пока я рискую головой, пытаюсь разгадать эту головоломку, он наслаждается зрелищем, о котором мне поведала Марго, наблюдает за тем, как первая городская стриптизерка крутит тем местом, что пониже спины.

Я подняла эту распроклятую фотографию и, поднеся ее к самым глазам, прочитала адрес, записанный рукой педантичного детектива: Большая Сенная, 56, кв. 81. Большая Сенная в самом центре города, рядом с рынком, вспомнила я, что ж, это обнадеживает. По крайней мере, не придется пилить через весь город ночью.

— Эй, ты куда? — прошипела мне вслед Марго.

— А что мне, здесь ночевать, что ли? — огрызнулась я на ходу.

— Ты просто не туда идешь!

— Как это? — Я замерла.

— Там же охранник! — Марго постучала пальцем по лбу.

— А как же ты прошла? — растерялась я.

— Через заднюю дверь, разумеется. — Марго направила большой палец правой руки куда-то вбок.

Ах да, как же я забыла про перекошенную, обитую ржавой жестью дверь, выходящую во двор, заставленный вонючими мусорными баками!

— Поняла-поняла, — кивнула я. — Пока!

— Стой! — скомандовала Марго и прислушалась. — Это он. Он идет!

— Кто?

— Кто, кто? Охранник! Сюда, быстро! — И она снова затащила меня в кабинет карлика, а потом прошептала в самое ухо:

— Дверь, держи дверь.

Не сговариваясь, мы с Марго одновременно вцепились в дверную ручку и затаили дыхание. Остановившийся за дверью охранник глухо откашлялся и потянул ее на себя. Нам с Марго пришлось немного попотеть, зато он ни о чем не догадался, еще немного потоптался в узком тамбуре и вернулся в фойе.

Мы с Марго перевели дух и потихоньку, Друг за дружкой, просочились в коридор, а уже оттуда через заднюю дверь во двор. На этот раз Марго не применяла свою волшебную пилку, как выяснилось, от задней двери у нее был ключ.

— Ключик я у них стащила однажды, — беззаботно пояснила Марго, когда мы миновали самый вонючий мусорный бак, — вот и пригодился.

— А ты специалистка, — похвалила я ее, — у тебя в трудовой книжке случайно не написано: профессия — взломщица?

— Не-а, — серьезно отозвалась Марго, — по диплому я учитель начальных классов.

Я просто остолбенела, но Марго этого не заметила, пошла вперед, рассуждая на ходу:

— А что? Скажешь, плохая профессия? Лично мне в профессии учителя все нравится, кроме зарплаты. Платили бы побольше, разве я сунулась бы в этот клоповник?

Я не спорила, топала за ней и молча радовалась, что у меня нет детей младшего школьного возраста.

На первом же перекрестке Марго притормозила и объявила:

— Мне налево, а тебе куда?

— А мне направо, — сказала я. Мне и в самом деле нужно было двигать направо, два квартала вверх до Поваровской, а оттуда и до Большой Сенной рукой подать.

— Ну пока, — подмигнула мне Марго, — увидимся как-нибудь. А с этими крохоборами больше не связывайся.

— Угу, — буркнула я.

Не такая уж эта Марго и дрянная, подумала я, прибавляя шаг, по крайней мере, она больше не вызывала у меня тех чувств, которые я испытывала к ней, катаясь в розовом желе.

* * *

Нужный мне дом на Большой Сенной я нашла довольно быстро. Почти во всех его окнах уже

горел свет, а значит, уже достаточно поздно — не самое подходящее время для визитов, особенно без приглашения. Но эти условности уже не имели для меня особенного значения, потому что в этом доме скрывался Тимур. На сей счет у меня была стопроцентная уверенность, ну, девяностодевятипроцентная.

Я взлетела на четвертый этаж, как перышко, и остановилась у добротной деревянной двери восьмидесят первой квартиры. Сердце мое бешено колотилось. Еще бы — сейчас, сейчас я его увижу, сейчас я загляну в его прекрасные аквамариновые глаза, обещавшие мне так много счастья и безжалостно обманувшие эти ожидания. Променять меня на какую-то стриптизерку! Не прощу, ни за что не прощу.

Я нажала на кнопку звонка и принялась спешно охорашиваться: одернула изрядно помятое платье, пригладила растрепавшиеся волосы.

— Иду, иду... — отозвался из-за двери раздраженный женский голос.

Я вся подобралась, приготовившись к решающему сражению. Вцепляться этой самой Каринке в гриву я, конечно, не собиралась, но одержать над ней моральную победу планировала.

— Эй, кто там? — снова донеслось из-за двери.

— Мне бы Карину. — Я откашлялась в кулак.

Лязгнули засовы, дверь приоткрылась, и на меня глянула патлатая бабенка в махровом халате. На Карину с фотографии она была не похожа и все ж» кого-то мне напоминала. Я где-то ее видела, причем совсем недавно.

А у патлатой бабенки в глазах тоже огонек загорелся, она тоже пыталась меня вспомнить. Думаю, прозрение нашло на нас одновременно, рты мы открыли разом, но я спросила первой:

— Он... он у вас? Ведь так?

Теперь, когда я ее узнала, у меня отпали последние сомнения в том, что Тимур находится именно в этой квартире. Вы спросите почему? Да потому что открывшая мне дверь патлатая бабенка была секретаршей фирмы «Дом под ключ». Правда, сейчас, без многочисленных украшений, простоволосая, она выглядела совсем по-другому. Прямо пейзаж на отдыхе. М-да... Вот только при чем тут Карина с фотографии? Ладно, разберемся.

— Проходите. — Тимурова секретарша посторонилась, пропуская меня в прихожую.

— Так он у нас? — Я вся горела от нетерпения.

— Ну да, да... — ответила она не очень уверенно и оглянулась.

Этого мне было достаточно, я отодвинула секретаршу Тимура и рванула вперед. Она не стала особенно возражать, торопливо заперла дверь и прошаркала куда-то в сторону, по-моему, на кухню.

Квартира у секретарши была двухкомнатная. Обычная малометражка вроде моей. Даже планировка похожая и мебель тоже, честно говоря. И порядка в ней было не больше, чем в моей. По крайней мере, в гостиной я успела заметить кресло, заваленное неглаженным бельем. Чего я не заметила, так это каких-либо признаков присутствия Тимура: ни в гостиной, ни в спальне.

Я круто развернулась и понеслась на кухню, но и там он не обнаружился. Зато у окна стояла секретарша и нервно обкусывала ногти.

— В чем дело?.. — начала я возмущаться, но осеклась на полуслове и прислушалась. По соседству, в ванной комнате, шумела вода.

Значит, наш котик принимает ванну? Ах, как мило! Что ж, я подожду. Я брякнулась на табурет и закинула ногу на ногу.

— Он пришел сам или вы помогли ему сбежать? — поинтересовалась я у секретарши, которая прилипла к оконному стеклу, внимательно вглядываясь в ночь.

— Он? Ах да, он пришел... пришел сам, — ответила она, обернувшись. Лицо у нее при этом было озабоченное.

— Понятно, — проскрежетала я зубами. Конечно, он пришел сам, а мне даже записки не оставил, негодяй!

Вода в ванной комнате еще немного побулькивала и затихла. Похоже, там закрутили кран. Потом раздался щелчок отодвигаемой задвижки. Я приподнялась со стула и... Это был не Тимур, а распаренная девица в пижаме. Девица посмотрела на меня, а я на нее.

— Это кто еще? — спросила девица у секретарши.

— Это... — та не успела меня представить, потому что я ринулась на эту девицу, как кавалерист с шашкой наголо.

— Где он? — рывкнула я, оттолкнула ее и заглянула в ванную, черт его знает зачем. Неужто рассчитывала увидеть там Тимура?

— Откуда взялась эта идиотка? — осведомилась девица в пижаме и набросилась на секретаршу:

— Зачем ты еепустила?

В ответ та произнесла чуть ли не по слогам:

— Ты что, не поняла, это же оно!

— Я вижу, что это она, а не он! — огрызнулась девица в пижаме и в сердцах хлопнула себя ладонью по ляжке.

Секретарша сделала круглые глаза и снова повторила свое заклинание, на этот раз с раздраженными нотками в голосе:

— Это же она, Каринка, ты что, не врубаешься? Она!

Я уставилась на девицу в пижаме, а она на меня. Что было на уме у нее, мне неизвестно, я же переваривала то, что сказала секретарша Тимура. Значит, эта задрыга в пижаме и есть та самая Карина, одна из многочисленных его одалисок? Гм, я бы сказала, ничего особенного, на фотографии она даже лучше, а сейчас, после ванны, с мокрыми волосами и распаренным лицом, она вызывала только сочувствие. И все же, если кто и знает, где скрывается Тимур, то только она, как это ни прискорбно лично для меня.

Поэтому-то я сразу на нее набросилась с главным вопросом:

— Где вы его прячете?

— Кого мы прячем? — Она утерла влажное лицо рукавом пижамы.

Я обернулась к секретарше в поисках поддержки, но на лице у той было неожиданно непроницаемое выражение, как будто не она несколько минут назад, открывая мне дверь квартиры, явственно дала понять, что местонахождение Тимура ей известно.

— Вашего любовника, — процедила я сквозь зубы.

Глава 24.

ОХОТНИЦЫ ЗА ЖЕЛТЫМ КОНВЕРТОМ

Они что, издеваются надо мной, эти крашенные мочалки? Ну нет, я с них, с живых, не слезу! На этот раз я разберусь, я пойду до конца, но Тимура добуду хоть из-под земли. Ой, типун мне на язык!

— Ну хватит, — решительно отрезала я, — у меня слишком мало времени, чтобы тратить его на пустые разговоры. Я знаю, что Тимур жив, и вы тоже это знаете, а потому не стоит юлить, давайте начистоту.

Похоже, Карина начистоту не хотела, потому что вместо того, чтобы без долгих разговоров отвести меня к любимому, она продолжала препираться с секретаршей.

— Ты что-нибудь понимаешь? Та пожала плечами:

— Столько же, сколько и ты.

Тогда Карина подошла ко мне поближе, практически вплотную, и стала как-то странно приглядываться, будто пытаюсь рассмотреть на мне нечто написанное невидимыми шпионскими чернилами.

— Слушай, может, у нее с головой что-нибудь? — поделилась она своими сомнениями с секретаршей. И ласково так спросила уже у меня:

— В детстве с кровати не падала случайно? Или в детском саду горшком по башке стукнули?

Можете себе представить, как я разозлилась.

— Это тебя по башке горшком приложили, если ты в стриптизерки подалась, а со мной все в порядке. И не делайте из меня дурачку, вам это не удастся. Мне все известно, я знаю, кто покушался на Тимура. И еще мне известно, что этого человека нет в живых.

Мне показалось, что Карина побледнела. Нет, не показалось, так оно и было. Ее розовая после горячей ванны физиономия стала белой, как молоко. Она тяжело дышала и беззвучно шевелила губами.

— Ну, что я тебе говорила! — заорала за моей спиной секретарша. — Убедилась, что она все знает, убедилась теперь?!

— Заткнись! — зло оборвала ее стриптизерша. — Дай подумать!

— Вот подумай, подумай, — мстительно посоветовала ей секретарша, — ведь это твоя идея была.

— Заткнись! — снова прикрикнула на нее Карина. — Я сказала, дай подумать. — И забормотала озабоченно:

— Она знает про Корявого, но от кого?

После этих слов пришла моя очередь призадуматься. Как-никак прозвучало прозвище Корявый, а оно не могло оставить меня равнодушной. И козе понятно, что он в самом центре этой запутанной истории и все ниточки ведут к нему.

Я приготовилась услышать еще что-нибудь об Урфине Джюсе — Корявом, однако стриптизерша Карина не спешила приподнять завесу с этой тайны, более того, она, похоже, серьезно вознамерилась сначала вытрясти из меня все, что возможно. Включая пломбы из зубов. Такое ощущение возникло у меня, когда она схватила меня за **» плечи и принялась немилосердно тормошить, приговаривая:

— Ну что ты еще знаешь, колись!

— Руки! — воскликнула я. — Пока не уберешь руки, ни слова не скажу.

Карина скрипнула зубами, но плечи мои оставила в покое.

— Другое дело, — буркнула я, проверяя, не оторвала ли она рукава от моего выходного бирюзового платья. Ох, и досталось ему сегодня — сначала полоумная Вероника его трепала, а теперь эта труженица эротического фронта. Ей-то что, она и голышом неплохо себя чувствует, а я к таким штучкам не привыкла. Убедившись, что рукава остались на месте, я отступила на два шага и примирительно сказала:

— Договоримся так: я рассказываю все, что знаю, а потом вы рассказываете, что знаете, идет?

Но по рукам мы не ударили, потому что стриптизерка набросилась на секретаршу:

— Это все твоя работа! Вы с Корявым засветились, когда шарили у нее в квартире!

Я обернулась и недоуменно посмотрела на секретаршу, а стриптизерка разъярилась еще сильнее, прямо как цепная собака:

— Вы с Корявым, придурки, прокололись! Вас засекли!

— Ничего подобного, мы были осторожны! Я все время по сторонам смотрела! — взвизгнула секретарша.

Я переводила взгляд с одной женщины на другую и все никак не могла взять в толк, что происходит.

— Значит, глаза у тебя косые! — клокотала стриптизерша.

— Сама бы ехала и шарила там, — отбрила ее секретарша, — а то нас с Корявым послала: «Переройте всю квартиру, но так, чтобы никаких следов». Думаешь, легко квартиру перерывать и следов не оставить?

Боюсь, что до меня только сейчас стал доходить смысл этих препирательств. Во всяком случае, я догадалась, чью квартиру они имели в виду. Меня оторопь взяла: если они устроили у меня обыск, то когда это произошло? Вчера? А как же Тимур? Его уже не было в моей квартире, или... Или он исчез с их помощью? Да, тут есть над чем поломать голову, а то и сломать ее напрочь.

Тем временем сцепившиеся секретарша и стриптизерша дошли чуть не до рукопашной, каждая отстаивала свою правоту с помощью крика и Золеных словечек, не обращая на меня ни малейшего внимания. Они орали друг на друга, как две сумасшедшие, распаясь все больше и больше. Тем неожиданнее была внезапно наступившая тишина. Они перестали драть глотки и усталились на меня, и их взгляды мне не понравились.

Первой заговорила Карина, все о том же, но спокойнее:

— Говоришь, там не было ничего подозрительного?

— Точно, — подтвердила секретарша, — мы приехали часа в два. Корявый запросто открыл дверь — замок у нее простейший, вошли, осторожно все осмотрели — и назад. Минут сорок у нас на это ушло. Конверта там не было...

— А возле дома никого не заметили? — опять не вытерпела стриптизерша. — Может, за вами следили?

— А что возле дома? — пожала плечами секретарша. — Там было спокойно, стоянка и та пустая... — Она задумалась. — Я все помню прекрасно: ни тебе старух на лавке, ни детей... Я еще подумала, надо же, как повезло... Только когда мы машину ставили, зеленая «Ока» от дома отъехала, такая задрипанная, вся в грязи. Никто за нами не следил, это точно!

Не знаю, успокоилась ли стриптизерша Карина, а я прямо на табурете подпрыгнула, услышав про грязную зеленую «Оку». Точно такая была у одной моей подружки, небезызвестной вам Люськи, и лично мне подобное совпадение показалось подозрительным. Что Люська делала возле моего дома в два часа дня, в то время, когда я, рискуя жизнью, искала того, кому выгодна смерть Тимура? Вы там как хотите, а я могу найти единственное объяснение ее визиту: она приезжала за Тимуром, а это значит... А это значит, что он сейчас у нее! Вот так Люся, вот так подруга детства! Впрочем, чему тут удивляться, она ведь сразу на него глаз положила!

Это открытие так меня потрясло, что выплывший на поверхность факт обыска в моей квартире перестал меня сколько-нибудь трогать. К Люське, немедленно к Люске! Я вскочила с табурета, но дорогу мне неожиданно преградила Карина.

— В чем дело? — Я попыталась ее оттолкнуть, но она расставила ноги и уперлась ладонями в стены узенького коридорчика, отделяющего кухню от прихожей, и сдвинуть ее с места было все равно что гору передвинуть.

— А в том, что ты отсюда не выйдешь!

* * *

С одной бы я еще справилась. По крайней мере, опыт моего недавнего противоборства с Марго, а также непродолжительная потасовка с Вероникой на могиле якобы Тимура давали мне основания так думать. Но, сражаясь с двумя, да еще такими пышнотелыми, как эти коварные бабенки, я очень быстро выдохлась. Они скрутили меня в считанные минуты, если не секунды.

Карина пригвоздила меня к стене коленкой, а секретарша связала мне руки поясом от своего махрового халата.

Тогда я начала орать, а Карина — душить меня, заодно скомандовав секретарше:

— Скотч, тащи скотч!

Та приволокла лейкопластырь, и они, пыхтя и толкаясь, заклеили мне рот. Липкая лента стянула не только губы, но и кожу, я напрягла мышцы лица, пытаюсь избавиться от лейкопластыря, но у меня ничего не вышло, только слезы из глаз брызнули.

Изловчившись, я все же пнула стриптизершу по лодыжке острым носом туфли, Карина взвизгнула, обозвала меня заразой и распорядилась, обернувшись к секретарше:

— Веревку давай, свяжем ей ноги. Секретарша сбегала в прихожую и приволокла оттуда моток капронового шнура. Потом они вдвоем усадили меня на табурет и крепко перемотали мне щиколотки. Сделали они это так быстро и споро, словно только тем и занимались. Я же только мычала, а что я могла еще сделать?

— Уф! — Секретарша вытерла вспотевший лоб кухонным полотенцем. — И что с ней дальше делать?

Как вы понимаете, речь шла обо мне, бедной.

— Что-что, избавляться, конечно, — пробурчала Карина, — иначе она нас заложит.

Секретарша немного помолчала, а потом уточнила с тяжким вздохом:

— Каким образом?

— Подумать надо, — многозначительно изрекла стриптизерша.

Я безумно хотела вмешаться в этот диалог, но с заклеенным ртом не очень-то поговоришь.

— Ладно,ждемся, когда все угомонятся, — решила Карина, — и часа в два-три оттащим ее на какой-нибудь пустырь или, еще лучше, в реку сбросим.

— Живую? — эхом отозвалась секретарша.

— Идиотка, — процедила в ответ стриптизерша, — сначала прикончим, разумеется.

— Ну нет, — запротестовала секретарша, — только не в моей квартире, потом сколько ни три, кровь не отмоешь.

— Ну хорошо, хорошо, на берегу ее и пристрелим...

Можете себе представить, что я чувствовала, пока они решали мою судьбу в моем же присутствии да еще в подобных выражениях.

Превратив меня в недвижимый куль с испуганными глазами, эти две мегеры угомонились, закурили и пустились в рассуждения.

— Но как она узнала про Корявого? — Это выступила секретарша.

— Может, на понт взяла? — предположила стриптизерша. — Хотя этот Корявый такой коз-зел...
— Она пустила струю дыма прямо мне в лицо.

Мне захотелось чихнуть, но попробуйте это сделать с заклеенным ртом.

— Так, может, ее расспросить поподробнее?

— Расспросила одна такая, — стриптизерша презрительно сплюнула в кухонную раковину, — ты и так все дело испортила, хоть от тебя требовалось всего ничего. Это я организовала Корявого, это я все продумала... А от тебя требовалось только выяснить, когда Проскурин один отправится на дачу, да за бумагами проследить, а ты все прошляпила, идиотка...

— Но Каринка, — залебезила перед ней секретарша, — документы все время в сейфе лежали, как глаза закрою, так вижу этот желтый конверт. Кто же знал, что он исчезнет!

Услышав про желтый конверт, я чуть не заорала, и только облепивший рот лейкопластырь мне в этом воспрепятствовал. Вот, значит, за чем они охотились? За желтым конвертом! Его содержимое — конечная цель цепи страшных преступлений, к которым я оказалась причастна по милости Тимура. Впрочем, буду справедлива: не столько по его милости, сколько по собственной глупости. Вот уж действительно, никогда не знаешь, где кончается любовь и начинается маразм.

Стоп, сейчас не до лирических отступлений. Нужно обдумать ситуацию. Итак, на чем я остановилась? На желтом конверте. Похоже, именно его они и искали в моей квартире. Но как они узнали о наших с Тимуром отношениях? А секретарша на что, я ведь по десять раз на дню ей звонила, а телефон в офисе наверняка с определителем номера! Прибавьте к этому мой визит к Варфоломею. Вы можете поручиться за то, что, пока я лаялась с ныне покойным компаньоном, секретарша не стояла за дверью, жадно внимая каждому слову? Вот то-то же! А Урфин Джюс, он же Корявый? Он ведь тоже видел меня на кладбище! Краска прилила к моему обезображенному лейкопластырем лицу, едва я сообразила, что Урфин Джюс шарил в моей квартире в тот самый момент, когда я вынюхивала его след. Боже, сколько же глупостей я наделала! И самая непростительная из них — визит на квартиру чертовой секретарши. Непростительная, она же последняя. Очень слабое утешение.

Внизу у подъезда плавно зашелестели тормоза. Секретарша встрепенулась и бросилась к окну. Спустя мгновение она повернула к стриптизерше испуганное лицо и прошептала:

— Это они!

— Кто? — Стриптизерша тоже кинулась к окну.

— Да следовательно этот, капитан... Он точно ко мне... Что делать будем? — запаниковала секретарша.

— Ее нужно оттащить в спальню! — быстро сориентировалась Карина. — Сунем в шкаф!

И эти две стервы больно вцепились мне в плечи с двух сторон.

Глава 25.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СУПЕРМЕНА

Это было ужасно — сидеть запертой в шкафу, под платьями секретарши, тщательно развешенными на плечиках, вдыхать в себя запах средства от моли и не иметь возможности позвать кого-нибудь на помощь или хотя бы пошевелиться. А в соседней комнате капитан Петраков (я узнала его по голосу) вел спокойные и неторопливые разговоры с хозяйкой квартиры, даже не подозревая, с какой гадиной он имеет дело.

— Извините за поздний визит, — первым делом сказал он. Нашел перед кем извиняться. — Но у меня к вам, Лариса Петровна, несколько безотлагательных вопросов.

Это кто ж там Лариса Петровна? Секретарша, конечно.

— Ну что вы, какие извинения, — фальшиво промурлыкала ему в ответ эта тварь, — я понимаю, ваша работа такая. Спрашивайте, конечно, а Карина — это моя сестра — уйдет в другую комнату, чтобы нам не мешать.

Так они сестры, вот в чем дело! Да-а, миленькая история: старшая сестрица — секретарша, младшая — любовница, эти мегеры окучивали моего супермена с двух сторон.

Тихий шорох прикрываемой двери — это Карина ушла «в другую комнату, чтобы не мешать», в ту самую спальню, где стоял «мой» шкаф, плюхнулась на кресло и, очевидно, принялась нервно обкусывать заусенцы. Интересно, капитан Петраков понимает, что сестричек нужно потрясти от души? Но он остался в гостиной и, верно, думает, что младшая сестренка его собеседницы нашла себе какое-нибудь невинное девичье занятие вроде вязания.

— Я к вам, Лариса Петровна, вот по какому делу, — снова донеслось из гостиной, — помните, вы мне говорили, что незадолго до убийства Баркасова его посещала неизвестная вам женщина? Так вот, не могли бы вы мне ее описать еще раз?

Сердце екнуло, я поняла, что речь идет обо мне, хотя, казалось бы, чего мне было бояться, связанной, в шкафу, да еще и с заклеенным ртом. Ведь все или почти все возможные ужасы со мной уже произошли. Секретарша была сама любезность:

— Ну разумеется, я вам ее опишу. Ну... Такая невысокая, даже маленькая, невзрачная, нос вздернутый, глаза невыразительные. Я бы сказала, незапоминающаяся внешность.

У-у-у, змея подколодная! Изволь тут выслушивать подобные комплименты, как будто мало мне всего остального.

— А это не она, посмотрите? — снова спросил капитан Петраков.

— Дайте-ка посмотрю, — проворковала подлая Тимурова секретарша. — Да-да, это она, только здесь она помоложе. Очень неприятная особа! А что... простите меня за любопытство, вы ее подозреваете? Думаете, это она... она стреляла в Баркасова?

Ну и дрянь! Кому же, как не ей, знать, кто убил Варфоломея!

— Все возможно, — глубокомысленно изрек капитан Петраков, — но это между нами.

Ну и дела, блюститель порядка называется, а как же презумпция невиновности? Какое он имел право записать меня в убийцы! А я бессильна доказать ему обратное, хотя нахожусь совсем рядом, но не могу крикнуть или подать другой знак. С отчаяния я стала биться головой о стенку шкафа, звук получался глухой, но даже этого хватило для того, чтобы разозлить Карину. Я оставила попытки привлечь к себе внимание капитана Петракова после того, как

она чуть-чуть приоткрыла дверцу шкафа и сунула в образовавшуюся щель дуло пистолета. Собственно, я даже не сразу поняла, что это дуло, сначала подумала, какая-то металлическая трубка.

— Ну что ж, — голос капитана Петракова стал удаляться, — это все, что я хотел у вас узнать. Так что не смею больше злоупотреблять вашим терпением. К тому же время позднее...

Смотри-ка, какой он галантный, можно подумать. Пажеский корпус закончил, а я тут пылюсь в платяном шкафу, и ни одна живая душа мне не поможет.

— Ну что вы, что вы... — закудаhtала в ответ секретарша.

Громкий хлопок входной двери прозвучал как реквием по моим надеждам. Как говорят в таких случаях: «А счастье было так возможно!» Все, я пропала, эти гарпии разделяются со мной, как прежде разделались с Варфоломеем и Альбиной, а может, и с Урфином Джюсом. Хотя я еще не все понимаю, например, мне невдомек, какое отношение ко всему этому имеют владельцы «Розового фламинго», но до того ли мне теперь, когда я нахожусь в двух шагах от верной гибели? Именно в двух, потому что Карина рассерженно сопит за дверцей шкафа, все еще сжимая в руке пистолет.

— Убрался? — спросила она шепотом. Значит, в спальню вошла Лариса.

— О-о-о, — протянула та, — у меня до сих пор все трясется. А вдруг бы он сунулся в спальню?

— Ни фига бы он не сунулся, — отрезала кровожадная стриптизерша, — для этого ордер на обыск нужен, а ему его просто так никто не даст. Улик-то нет!

— Ой, как я испугалась, — все еще стонала секретарша, — он мне эту фотографию сует, а у меня в глазах двоится со страху.

— Кстати, о фотографии, — пробормотала Карина, — похоже, он и вправду считает, что наша маленькая жучка прикончила Варфоломея. А что, это нам на руку. Мы ее надежно припрячем, а вместе с ней и все концы в воду.

Секретарша тоже вдохновилась:

— Каринка, ты прямо Дом советов. Это ты здорово дотумкала, пусть менты думают, что она всех убила, а пока они будут ее искать, мы заметем следы — и комар носу не подточит.

— Следы-то мы заметем, — уныло согласилась стриптизерша, — а документы где искать будем?

— Может, что-нибудь прояснится со временем? — высказала робкое предположение ее сестрица.

— Может, и прояснится, а сейчас спать давай, — распорядилась Карина и громко зевнула, — до двух часов, а потом вытащим ее и отвезем к реке. Черт, ведь я собиралась сегодня отоспаться...

Они погасили свет, еще немного пошуршали и успокоились, видно, спать улеглись. Я попыталась прикинуть, который час, чтобы понять, сколько мне еще осталось жить. До двух часов ночи, до двух часов, пульсировало у меня в висках. Если бы я могла что-нибудь придумать, если бы могла! Самое большее, на что я способна в создавшихся условиях, — биться головой о стенку шкафа, только какая от этого польза? Пара лишних шишек. И тут произошло нечто непредвиденное — этот зануда внутренний голос ни с того ни с сего выдал

мне на удивление дельный совет. И я поспешила им воспользоваться.

Сначала я разбудила их единственным доступным мне способом. Ну, вы знаете, головой о стенку. Они сразу закопошились, зачертыхались, потом стриптизерша распахнула дверцу шкафа и приложила к моему лбу дуло пистолета. Я его не видела в темноте, но почувствовала смертельный холод вороненой стали.

— Сейчас я ее прикончу, — пообещала она зловещим тоном.

— Не вздумай, — взвизгнула секретарша, — всю одежду кровью зальешь!

Тряпки она пожалела, а меня, меня кто пожалеет!

— Ладно, не ной, давай вытащим ее отсюда.

Они выволокли меня из шкафа и бросили на пол. Секретарша щелкнула выключателем, и в глаза мне ударил яркий свет. Неужели они убьют меня, прежде чем я успею им сказать?.. Я начала биться головой о пол, мое счастье, что он был застелен ковром.

Первой сообразила Лариса:

— Слушай, она хочет что-то сказать! Нужно отодрать пластырь.

— Заорать она хочет! — обозлилась на нее стриптизерша. — А я хочу спать.

— Ну давай послушаем, что она скажет...

Стриптизерша ничего не ответила, только с остервенением рванула ленту лейкопластыря, залепившую мой рот. Это было так больно, что я в голос заплакала.

— Ну... — Карина приблизила свое лицо к моему. Я увидела ее желтые, как у кошки, злые глаза. — Тебе минута на все разговоры.

— Я знаю, где желтый конверт! — выпалила я.

* * *

Конечно, это была чистой воды импровизация. Я сочиняла на ходу, думая лишь о том, как бы мне заставить их выйти из дому раньше, чем они запланировали, и в принципиально ином направлении. В сторону речки мне совершенно не хотелось, я мечтала попасть в какое-нибудь людное место, желательно поближе к городскому УВД.

Алчные сестрицы заглотили мою наживку, не могу сказать, что с большим удовольствием, но других вариантов у них просто не было. Желтый конверт им уже мерещился, не зря же они столько людей ради него загубили. Естественно, они загалдели наперебой, требуя от меня подробностей, а я сочла за благо немного поторговаться.

— Развяжите хотя бы руки, — попросила я и пожаловалась:

— Больно.

Стриптизерша отрицательно замотала головой, а секретарша выступила в несвойственной ей роли адвоката:

— Да ладно, давай развяжем, все равно никуда не убежит.

Карина посмотрела куда-то в угол, словно там сидел невидимый советчик, и, крикнув, размотала пояс от махрового халата, туго стянувший мои запястья.

Поморщившись, я потерла посиневшие руки, а также для верности несколько раз встряхнула кистями, чтобы проверить, все ли у меня в порядке. Кстати, проделывая эти незамысловатые манипуляции, я намеренно тянула время: мне необходимо было обдумать ситуацию.

— Ну давай, выкладывай! — первой не выдержала Стриптизерша.

— У одной из любовниц Тимура, а их у него было много, — выдохнула я, затаила дыхание и посмотрела на Карину: уж той ли не знать о его страсти к юбкам.

— Как ее зовут? — тут же среагировала Карина.

— Точно не знаю, — я облизала пересохшие губы, — но это можно выяснить.

Она немного помолчала, а потом изрекла презрительно:

— Брехня! — А потом добавила специально для своей сестрицы:

— Я не верю ни одному ее слову!

— Тогда откуда бы я узнала про тебя! — воскликнула я со слезами в голосе, все-таки это был мой последний шанс. — Ведь твой адрес был написан на фотографии!

— На какой еще фотографии? — насторожилась Карина.

Терять мне было нечего, а потому я рассказала про коллекцию любовниц Тимура, собранную нанятым Альбиной детективом, в которой, как вы помните, имелся снимок Карины.

Видели бы вы, как ее перекосило, как нечистого от ладана, а значит, я попала в точку.

— Черт! — Она вцепилась в свою нечесаную гриву. — Если эта фотография попадет ментам... Куда, куда ты ее дела? — Она схватила меня за плечи.

— Оставила в «Розовом фламинго». — Из-за тряски я клацнула зубами.

Карина заметалась по комнате, выскочила в прихожую, схватила с вешалки плащ и натянула прямо поверх пижамы.

— Ты куда? — опешила секретарша.

— Дура, идиотка! — облаяла ее стриптизерша. — За фотографиями, конечно, куда же еще?

Потом она подбежала ко мне, снова стянула мне руки поясом от халата, а рот заклеила лейкопластырем. И грозно приказала сестре:

— Смотри тут за ней!

Щелкнула «собачкой» замка, распахнула входную дверь и замерла на пороге. Мы с секретаршей вытянули шеи, как гусыни, и снова заорать мне помешал залепленный рот: из темного нутра лестничной площадки на нас, чуть прищурясь, смотрел Тимур.

— Ты? — пролепетала Карина и отступила в глубь прихожей. — Разве ты жив?

— Нет, я явился с того света, чтобы с вами разобраться.

— В-ва-ва... — С секретаршей за моей спиной случилась истерика. Еще бы, покойник встал из могилы и явился к ней с визитом.

Только я не могла произнести ни звука, просто сверлила своего супермена глазами, полными слез. Он пришел меня спасти!

Однако замешательство в стане противника было недолгим, и первой очухалась стриптизерша. Сунув руку в карман плаща, она выхватила пистолет и прошипела, глядя на Тимура:

— Ну, на этот раз я тебя спроважу, можешь быть уверен!

Я зажмурилась, но выстрела не услышала, зато услышала грозный окрик:

— Бросай оружие!

И я снова узнала голос капитана Петракова.

Вместо эпилога.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЗА СЧАСТЬЕМ

— Ну зря, зря так рисковали, уважаемая, — корил меня капитан Петраков, — ради чего, спрашивается?

— Ради кого, — поправила я его с улыбкой.

— Да хоть бы и ради кого, все равно не стоило, н-да. — Он забарабанил пальцами по столу. — Ведь на совести этих бабенок три трупa: Баркасов, Альбина Проскурина и одна темная личность по кличке Корявый. Последнего они наняли в качестве киллера, а потом сами с ним расправились, чтобы деньгами не делиться. А может, потому, что делиться им было нечем, они ведь не получили того, что хотели. В любом случае терять им было особенно нечего.

— Значит, вы давно все знаете? — Я невольно покраснела, подвиги, совершенные мною в процессе моего самоотверженного расследования, меркли буквально на глазах.

— Да нет, недавно, — усмехнулся капитан, — точнее, только после того, как у меня появилась одна очень эмоциональная гражданка, стриженная под ноль...

— Вероника? У вас была Вероника? — поразилась я.

— Ну да, кажется, ее так зовут... Суетилась, заламывала руки и такого мне наговорила, что у меня глаза на лоб полезли: про драку на кладбище, про поэта-краснодеревщика... Поначалу я думал, что по ней психушка плачет, а потом призадумался... и моя стройная версия полетела ко всем чертям. Зашел с другой стороны, и что-то такое забрезжило. И секретарша эта показалась мне подозрительной, вечером я пришел с ней поговорить, и она показалась мне напуганной. Тогда-то я и распорядился взять ее под наблюдение. Ну а дальше все просто.

— Да, просто, — задумчиво повторила я, — только я до сих пор не знаю, что было в том желтом конверте.

Капитан Петраков хитро ухмыльнулся:

— А вот про это вам лучше расспросить того, ради кого вы совершали свои подвиги. Он вас в коридоре дожидается, насколько знаю.

— Да? — Я вздрогнула и стала поправлять волосы; как же я, должно быть, ужасно выгляжу. Поймала насмешливый взгляд Петракова и снова покраснела. — Ну, я пойду.

— Всего хорошего, — пожелал он мне.

* * *

Тимур и в самом деле ждал меня в сумрачном коридоре УВД, меряя его из конца в конец шагами и понуро свесив голову. Завидев меня, он обрадовался и пошел навстречу.

А я остановилась и поприветствовала его с издевкой:

— Ну здравствуй, котик.

Он сделал вид, что не понял, а может, он и не притворялся?

Я аккуратно его обошла и двинулась к выходу. Тимур послушно поплелся за мной, прихрамывая и шмыгая носом.

— Уже без гипса? — поинтересовалась я, взглянув на него через плечо.

— Да нет у меня перелома, — виновато сообщил он.

— Люся поставила точный диагноз? — уточнила я язвительно.

— Да, Люся, — признался он, не моргнув глазом, — только не думай...

Я его перебила:

— А что мне думать? Все логично — тебе нужна была медицинская помощь, и ты выбрал женщину, более других подходящую на роль сиделки, со специальным образованием.

— Все не так, — Тимур попытался меня обнять, но я сбросила его руку, — к Люсе я перебрался не поэтому, просто понял, что твоя сыскная деятельность привлечет внимание тех, кто на меня покушался...

— Ага, — снова вмешалась я, — ты испугался и удрал?

— Опять ты, — Тимур в сердцах махнул рукой, — все дело в желтом конверте. Там было совсем не то, на что я рассчитывал. В ту злополучную пятницу Варфоломей сам вручил его мне в качестве выручки за одну из сделок, мы ведь не все через банк проводили. Я в этот конверт, если честно, и не заглядывал, решил оставить, ну, как НЗ. Сунул в валенок, дальше ты знаешь. А уж когда ты мне его привезла, я во всем разобрался. Там были документы, из которых вытекало, что мой компаньон Варфоломей давно меня обманывал, вкладывая средства нашей фирмы в различные предприятия, причем весьма сомнительного свойства. В клуб «Розовый фламинго», в частности. Да фактически он был его владельцем. И когда я сделал это открытие, мне стало понятно, что враги у меня есть. Оставалось только их определить.

— Так Варфоломей был с ними в сговоре? — Я остановилась на ступеньках УВД.

— Нет, на убийство Варфоломей и в самом деле не способен, ну на мошенничество, на жульничество, только не на убийство. Зато наша секретарша, которая о его трюках пронюхала раньше меня, решила воспользоваться ситуацией. Если бы она и ее сестрица завладели этими документами, то здорово разбогатели бы. Но обстоятельства сложились так, что желтый конверт проплыл мимо них.

— Это уж точно, — кивнула я, — Урфин Джюс должен был тебя убить, но не успел, потому что его опередил Вероникин ухажер, а Варфоломей взял и перепутал конверты...

— Ничего удивительного, у нас этими желтыми конвертами все шкафы забиты, — вздохнул Тимур.

— Я в курсе, — грустно улыбнулась я, — по крайней мере, я держала в руках еще один желтый конверт, и в нем были не документы, а очень любопытные фотографии.

* * *

Можете считать меня бесхарактерной дурой, но в конце концов я простила своего супермена. Только с Люсей рассорилась. И вообще вот уже год, как порог моей квартиры не переступала ни одна женская нога, кроме моей, разумеется. Если Тимур задерживается с работы хотя бы на пять минут, я устраиваю ему такую головомойку, что всю следующую неделю он приходит домой на час раньше обычного и встречает меня горячим ужином. Правда, иногда в его глазах нет-нет да и мелькнет какая-то смутная тень, но в общем и целом мы счастливы, чего и вам от всей души желаем.